

О. Н. Вилков · ОЧЕРКИ РАЗВИТИЯ СИБИРИ

ТЗ(2)
Б448
О. Н. ВИЛКОВ

ОЧЕРКИ
социально-
экономического
РАЗВИТИЯ
СИБИРИ

конца
XVI-
начала
XVIII в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

О. Н. ВИЛКОВ

ОЧЕРКИ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ
СИБИРИ
конца XVI—начала XVIII в.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

Рецензенты

кандидаты исторических наук
Г. А. Леонтьева, Д. Я. Резун

Утверждено к печати
Институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР

Вилков О. Н.

В44 Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. — 368 с.
ISBN 5-02-029381-4.

В монографии исследуются вопросы, связанные с генезисом капитализма в России, а именно: ленинская концепция всероссийского рынка и интерпретация начального этапа его формирования; торгово-транспортные пути в Сибирь, по Сибири и в сопредельные страны и динамика торгового движения по ним; сибирская таможенная система и торгово-промышленные функции города; бухарцы и их торговля в Сибири; сибирская хлебная торговля; промыслово-промышленная деятельность русских крестьян Сибири; формирование и употребление наемного труда в неземледельческой сфере сибирского хозяйства.

Книга рассчитана на историков, географов, экономистов и представляет интерес также для широкого круга читателей, интересующихся прошлым Сибири.

0503020000—073
В 042(02)—90 74—90 II полугодие

ББК 63.3(0)4

ISBN 5-02-029381-4

© Издательство «Наука», 1990

Посвящается
светлой памяти моих учителей
членам-корреспондентам АН СССР
Сергею Владимировичу Бахрушину
и Виктору Ивановичу Шуникову

ВВЕДЕНИЕ

Исследование социально-экономических процессов, происходивших в недрах сибирского общества с конца XVI в., является актуальной проблемой в научном и практическом отношениях.

В конце XVI — начале XVIII в. в истории народов Сибири, находившихся на разных ступенях первобытно-общинного строя и зарождавшегося феодализма, произошел коренной перелом в связи с включением их в состав единого, сильного многонационального Русского государства с высоким уровнем производительных сил, сложной социальной организацией и блестящей для того времени культурой. В этот первоначальный период совместной жизни русского народа и народов Сибири определялись их взаимоотношения; выявлялось значение факта присоединения Сибири к России, вступившей, по определению Ленина, «примерно с 17 века» в новый период русской истории, характеризовавшийся формированием всероссийского рынка с его буржуазными связями¹, для дальнейшего развития сибирских и русского народов, закладывались первые основы общей деятельности русского и нерусского населения Сибири по хозяйственному освоению края. Развернувшийся с конца XVI в. процесс хозяйственного освоения и присоединения областей Сибири к России предвосхитил по времени и в определенной степени ускорил наступление начала формирования всероссийского рынка, в складывании которого Сибирь играла активную, а не пассивную роль.

Дворянско-буржуазная историография, стоявшая на позициях идеалистического объяснения исторического процесса, основное внимание уделяла не социально-экономической, а политико-административной истории Сибири. Ею утверждалась идея о плодотворности самодержавного начала и действий правительственной администрации. Особенно отчетливо это суждение проявилось в трудах Г. Ф. Миллера,

И. Э. Фишера, И. В. Щеглова, В. К. Андриевича, Д. И. Иловайского и отчасти П. А. Словцова. Хотя последний, в отличие от Г. Ф. Миллера, и отказался от идеи providentialизма и обратился к изучению внутренних процессов истории Сибири, ее хозяйства, политической и культурной жизни, но рассматривал все эти вопросы с точки зрения результатов деятельности правительства, духovenства и торгово-промышленных элементов. Он даже не допускал мысли о какой-то «вольной-промышленной» колонизации Сибири до появления в ней правительственных отрядов и считал, что русские люди «не принесли мастерства, кроме навыка срубить дом, и готовить упряжь, да пахотные способы: женщины их умели только соткать толстый хрящ и сермяжное сукно для своего обихода...»². Точка зрения П. А. Словцова, несмотря на полное отсутствие ее какой-либо серьезной научной основы, длительное время была распространена в буржуазном сибиреведении и использовалась еще в начале XX в. некоторыми «областниками», например М. Боголеновым³.

Официально-правительственному направлению противостояла демократическая позиция А. Н. Радищева и А. П. Шапова, впервые отметивших необходимость углубленного изучения исторической жизни и хозяйственной деятельности народа. Вслед за ними и отдельные представители буржуазной исторической науки (Е. Е. Замысловский, П. М. Головачев, А. К. Гневушев, Н. Н. Оглоблин, Н. И. Костомаров, П. Н. Будицкий, Г. Н. Потанин, Н. Яницкий, Б. Г. Курц и др.) стали больше внимания уделять вопросам экономической истории и народонаселения Сибири. В той или иной мере делались попытки во взаимосвязи рассмотреть роль государства и участие торговых и промышленных людей в присоединении Сибири и ее хозяйственном освоении. Г. Н. Потанин, П. Н. Будицкий, П. М. Головачев, Н. Н. Оглоблин, Н. Яницкий в своих исследованиях по истории Сибири XVII в. впервые обратились к использованию архивных материалов. Одновременно часть историков, отражая точку зрения сибирских областников и буржуазных националистов, пришла к научно несостоятельному и глубоко вредному выводу об «особых» путях развития Сибири и об отрицательных последствиях ее присоединения к России⁴.

Общий недостаток дореволюционных сибиреведческих работ состоял в описательности, отсутствии значительных обобщений, выводов и в целом научной постановки вопроса об оценке значимости факта присоединения и развития Сибири в составе Русского государства для этого края и России в

целом. Классовая ограниченность и общее состояние исторической науки конца XIX — начала XX в. не позволили буржуазным историкам подняться до решения этого кардинального вопроса сибирской историографии.

Только советское сибиреведение по мере усвоения марксистско-ленинской методологии, преодоления ошибочных положений буржуазной науки, расширения источниковой базы и совершенствования методики исследования смогло поставить на подлинно научную основу изучение социально-экономического развития Сибири в составе России и выявление роли русского народа в хозяйственном освоении восточных окраин страны.

Первой крупной проблемой, которая стала разрабатываться в советском сибиреведении вслед за воссозданием на исторических архивных материалах этнической истории отдельных сибирских народов⁵, была проблема торгово-промышленного освоения Сибири русскими в конце XVI — начале XVIII в. Родоначальником этого направления исследований является крупнейший знаток истории Сибири С. В. Бахрушин, работы которого во многом способствовали опровержению господствовавшего в дореволюционной историографии представления о вооруженном захвате как единственной форме присоединения Сибири. В 20-е годы он особенно много изучал «силы мирного завоевания страны, завоевание не мечом, а трудом и культурой» и справедливо считал, что «стут до сих пор сделано чрезвычайно мало»⁶. Рассматривая участие торгово-промышленных элементов в первоначальном освоении Сибири, С. В. Бахрушин впервые исследовал основные этапы и потоки проникновения русских в Сибирь, пути, по которым оно осуществлялось, канву событий, приведших к включению севера Азии в состав Русского государства. «Движение это, — писал он, — не было случайным: оно шло организованно, под руководством крупных торговых людей, которые из года в год направляли в Сибирь обозы с русскими и немецкими товарами для мены их на пушнину и для снаряжения промысловых экспедиций»⁷.

В последующем исследовании советских историков подтвердили правильность положений С. В. Бахрушина относительно главенствующей роли промыслов на раннем этапе освоения Сибири (до «испромышления» соболя) и правомерность его суждений о положительной роли крупного промышленного капитала в развитии сибирского пушного, преимущественно собольного, промысла, которому крупный промышленный капитал придал широкий размах. Одновременно с этим было показано, что С. В. Бахрушин недооценивал

роль централизованного феодального государства в деле присоединения и освоения Сибири, преуменьшил деятельность самостоятельных мелких промысловиков и эксплуатации пушных богатств Сибири, преувеличил значение крупного торгового капитала в колонизационном процессе и добыче пушнины — ценнейшего валютного товара того времени⁸.

Кстати, и В. А. Александров также не избежал переоценки роли крупного купеческого капитала в организации пушного промысла в Сибири XVII в. Отсутствие к моменту опубликования второго тома пятитомной «Истории Сибири» (Л., 1968) фундаментальных монографических исследований по пушным промыслам XVII в. не позволило его авторам в изложении этого важнейшего сюжета выйти за пределы трех страниц и дать всестороннюю характеристику промыслового освоения Сибири. К сожалению, работы П. Н. Павлова по этой проблеме увидели свет уже после опубликования второго тома «Истории Сибири». В них на широкой фактической основе освещены природные запасы и состояние добычи пушных зверей в дорусской Сибири, место пушнины в торговле и финансах страны, техническая и экономическая организация промысловой охоты и возможности самостоятельного мелкого промысла, значение пушного промысла как отрасли хозяйства Сибири и правительственная политика по его развитию, социальное и территориальное происхождение промышленников, формирование постоянного промыслового населения, развитие мелкотоварного уклада и в первичных формах — капиталистических отношений в пушном промысле, значение народной струи в промысловой колонизации края. Без преувеличения можно сказать, что П. Н. Павлов создал стройную концепцию промыслового освоения Сибири в эпоху феодализма.

Вторая кардинальная проблема советского сибиреведения, в исследовании которой достигнуты наибольшие результаты, — земледельческое освоение Сибири. Впервые она во всей сложности и противоречивости была поставлена и стала изучаться В. И. Шунковым — учеником С. В. Бахрушина. Однако если первый рассматривал земледелие как основу экономической жизни Сибири XVII в., то С. В. Бахрушин считал хлебопашество «лишь условием» хозяйственного освоения Сибири в то время. В. И. Шунков впервые с позиций марксистско-ленинской методологии на основе анализа материалов Сибирского приказа раскрыл значение земледельческой колонизации для превращения Сибири в органическую составную часть России, для развития феодальных

отношений на сибирских окраинах страны в более мягкой, чем в центральных районах, форме.

Трудами В. И. Шункова, В. И. Шерстобоева, О. И. Капчик, З. Я. Бояршиновой, Ф. Г. Сафронова, А. П. Преображенского, В. А. Александрова, А. Н. Кошлыкова, А. А. Кондрашенкова, Ю. С. Булыгина, Н. Г. Аполловой, А. Д. Колесникова, Г. Ф. Быкова, Л. П. Шорохова, Н. Ф. Емельянова, Н. И. Никитина и других исследователей обстоятельно изучены состояние дорусского земледелия Сибири, конкретные естественно-географические, социально-экономические и политические условия создания и развития земледелия в масштабах всей Сибири и в отдельных ее районах, географическое размещение сибирского земледелия и его районы, территориальное происхождение, количественный и социальный состав русского земледельческого населения, степень участия различных категорий этого населения в сельскохозяйственном производстве, темпы заселения районов, направления путей расселения, последующие сдвиги в размещении населения и роль, которую оно сыграло в развитии созданных в Сибири русскими Верхотурско-Тобольского, Томско-Кузнецкого, Енисейского, Ленского и Забайкальско-Амурского районов земледелия⁹. Исследовались также системы и техника сибирского земледелия, состав и урожайность сельскохозяйственных культур, нормы посева, цены на хлеб, общий объем земледельческой продукции, размеры казенных хлебных закупок, экономические связи между районами, влияние русского земледелия на хозяйство коренных народов и социально-экономический строй сибирской деревни. Признавая этот строй «государственным феодализмом», советские сибиреведы, однако, расходятся в оценке его разновидности. Одни исследователи (С. В. Бахрушин, В. И. Шунков, В. И. Шерстобоев, И. И. Селиверстов, Ф. Г. Сафронов, А. Н. Кошлыков и др.) трактуют его как казенное крепостничество. При этом С. В. Бахрушин, считая сибирских крестьян, особенно пашенных, крепостными феодального государства в целом, преувеличивал роль крупного капитала в земледельческом освоении Сибири. К числу капиталистов он относил организаторов частных земледельческих слобод в Сибири. «Это большое предприятие, организуемое крупным капиталистом, часто на деньги, взятые в кредит в целях извлечения прибыли»¹⁰. Слободчиков, казаков, посадских и крестьян XVII в. С. В. Бахрушин называл «землеуладельцами», в отдельных крупных хозяйствах которых использовался и вольный, и кабальный труд¹¹.

В. И. Шунков, также признавая наличие феодальных отношений в Сибири XVII—XVIII вв. и определяя «социаль-

ную природу сибирских крестьян как государственных крепостных, а не свободных фермеров»¹², утверждал, что подавляющая часть русских земледельцев находилась «в условиях феодальной зависимости от основного собственника сибирских земель — Русского феодального государства, от сибирских монастырей и Тобольского Софийского дома, неизвестная часть населения сидела на землях верхушки сибирских служилых людей», т. е. имелось казенное и частное феодальное землевладение. «Государственные („государевы“) крестьяне за полученный ими надел отбывали барщину „на государевых“ десятинных пашнях, деловые, крепостные работные люди служилых людей — на запашках последних. Отработочная рента... оставалась господствующей формой в течение всего века... И рента продуктами, и рента денежная были в Сибири в тот период распространены значительно менее, нежели рента отработочная. Феодальный характер зависимости сибирского крестьянства определил весь строй сибирской деревни. Владельцы земли стремились забрать у крестьян в форме ренты весь прибавочный продукт, лишали крестьянина свободы перехода, подвергали мелочной опеке его хозяйственную деятельность и личную жизнь»¹³.

Сближая «сибирских государевых крестьян с дворцовыми крестьянами Европейской Руси», В. И. Шунков отмечал, что «тут и там разворачивалось государевое (дворцовое) хозяйство, там и тут крестьяне могли вести свое личное хозяйство лишь под условием работы на государевом (дворцовом) поле, там и тут они были прикреплены к обрабатываемому участку земли, а их труд и жизнь проходили под суровым присмотром и контролем приказчиков»¹⁴. В силу этого он считал, что нет оснований рассматривать Сибирь «как своеобразный оазис в крепостнической России, как край, в котором не только были налицо все предпосылки для свободного капиталистического развития, но и который стал на этот путь значительно ранее центральных районов страны»¹⁵. Однако во втором томе «Истории Сибири» общественные отношения в сибирской государственной деревне характеризуются В. И. Шунковым уже несколько иначе: не используется термин «государственное крепостничество», подчеркивается близость сибирских крестьян к черносошным крестьянам Поморья, признается возможность передачи крестьянином тизла, хотя основной тенденцией по-прежнему считается прикрепление к тяглу¹⁶.

В. Н. Шерстобоев, признавая наличие государственного феодализма в Сибири¹⁷, вместе с тем полагал, что «отсутствие помещичьего землевладения и крепостной зависимости кре-

стьян от землевладельца позволяло пашенному крестьянину вести хозяйство в более свободных условиях, чем в коренной Руси. Сибирский крестьянин мог беспрепятственно покупать рабочую силу, так же как гулящий человек или вообще немущий мог без сословных ограничений продавать свою рабочую силу»¹⁸. По его подсчетам, в 1722 г. «23,7 % производимого хлеба уходило на сторону» и «36,1 % крестьянского населения было связано с наймом рабочей силы»¹⁹. Несмотря на то, что «отношения государства к крестьянству покоились на праве государственной поземельной собственности и на не вполне свободном состоянии крестьян», вылившиеся «первоначально в форму обработки государевой десятины, сбор с которой поступал в казенные житницы, а затем в форму платежа хлебом за пользование землей, соразмерно с государевой пашней», все же «происходило формирование буржуазных отношений в крестьянстве, процесс, который в условиях образующегося хлебного рынка неизбежно подвел к открытым воротам зажиточные крестьянские дворы, откуда начинался путь превращения их в кулацкие хозяйства»²⁰. И «на этой почве, — утверждал В. Н. Шерстобоев, — в среде крестьянства возникли типичные кулацкие хозяйства, которые вели более крупное производство, чем средние и мелкие крестьяне»²¹. Заканчивая свое исследование, он пишет: «Этот азиатский способ производства в форме государственного феодализма и утвердился в Сибири XVII века. Реформы Петра I сказались на сибирском крестьянстве в усилении его зависимости от крепостнического государства. В то же время в Сибири уже действовали силы эпохи первоначального капиталистического накопления в виде хищников-кулаков. Сибирь включалась в образующийся всероссийский рынок, а в недрах ее крестьянства нарождалось типичное купечество»²².

К концу 60-х годов группа исследователей (В. А. Александров, З. Я. Бзяршинова, А. А. Преображенский и др.) пришла к выводу об установлении и развитии в Сибири системы государственного феодализма не казенно-крепостнического, а чернососного типа. Они установили, что специфические условия Сибири (громадная неосвоенная территория, приграничное положение южных районов, малонаселенность, переложная агротехника, неустойчивость сословной структуры, слабый административный аппарат, отсутствие помещиков, крепостного права и др.) вынудили центральную власть допустить серьезные отклонения от общего поземельного курса и мириться с разнотипными правовыми нормами. Во время первичного освоения Сибири использо-

вание всех земель, в том числе наделенных, легально находилось в сфере народного правотворчества, основанного на «трудовом» праве. В Сибири допускались сдача тягла, непосредственное обращение к органам государственной власти, потомственное владение и распоряжение (аренда, мена, купля-продажа, наследование, дарение, превращение в пустошь) приведенными в культурное состояние угодьями при заиможно-захватном, передожном, индивидуально-подиорном владении земель, существование утаенных от фиска обработанных угодий и свободных от налогов рощистей, реальность права сдачи крестьянского тягла и широких территориальных перемещений крестьян, свобода межсословных миграций²³.

При этом З. В. Башкатова, О. Н. Вилков, В. Н. Курилов, Т. Е. Квещинская, А. А. Люцидарская, П. Н. Павлов, А. А. Преображенский, Д. Я. Резун, В. Н. Шерстобоев полагают, что такие явления, как переход к денежной ренте, широкое употребление крестьянином наемного труда с предпринимательскими целями в земледелии и промышленности, рост товарно-денежных и рыночных отношений наполняли крестьянское землевладение и землепользование новым, буржуазным содержанием и вплотную подводили к частной земельной собственности буржуазного типа. Так, по мнению А. А. Преображенского, первым начавшего серьезное изучение на сибирском материале генезиса капитализма в России, сибирская деревня XVII в. унаследовала в значительной степени порядок землевладения черносошного крестьянства, которое «практически граничило с правом частной собственности, ибо купля, продажа, заклад, передача в наследство, а также другие частные сделки были широко распространены среди крестьян и не встречали серьезных препятствий со стороны правительственного законодательства»²⁴. В 1977 г. А. А. Преображенский снова, но на более широком материале отметил, что «в XVII—XVIII столетиях крестьянская колонизация окраин решительно преобладает, утверждая там (хотя и ущербленный) принцип свободно-захватного землепользования. В Сибири, Повороссии, Крыму, на Северном Кавказе возникают ростки буржуазной земельной собственности, менее стесненной, чем в центральных районах России»²⁵.

В последнее десятилетие при решении вопроса о характере феодальных отношений в Сибири XVII—XVIII вв. наметилось признание их многообразия. Как известно, еще в 1949 г. В. Н. Шерстобоев утверждал, что «оказалось исторически невозможным перенести в неприкосновенности

строй крепостнических порядков Руси в Сибирь» и что «в новой стране неизбежно стали существовать различные уклады»²⁶. Серьезные размышления на этот счет привели В. А. Александрова к концепции сосуществования в Сибири казенного крепостничества с социально-экономическим укладом черносошного типа. Г. Ф. Быков выдвинул положение о «многоукладности» сибирского варианта государственного феодализма, вычленив в нем пять типов социально-экономических отношений: «казенное крепостничество», «частно-кабальный уклад», «свободный мелкокрестьянский уклад на еще не охваченных судом и фиском территориях», «черносошные отношения» и «элементы раннебуржуазных связей»²⁷. На практике они переплетались и взаимопроникали, существуя в многообразных переходных формах. Выдвинутые предположения требуют, на наш взгляд, самых серьезных и детальных проработок на большом и комплексном конкретно-историческом материале.

Результаты изучения истории сельскохозяйственного освоения Сибири русскими были обобщены в коллективной монографии «Крестьянство Сибири в феодальную эпоху» (Новосибирск, 1982). Отсутствие в этом труде отдельного параграфа о крестьянской торговле в конце XVI — начале XVIII в. указывает на незаученность истории ее развития в этот период.

Третья проблема советского сибиреведения — промышленное освоение Сибири. До последнего времени наибольшее внимание здесь уделялось освещению истории возникновения и развития металлургической промышленности. Исследованиями В. И. Кашина, С. Г. Струмилина, П. Г. Любомирова, Д. Кашицева, Б. В. Кафегуза, М. К. Одицовой, В. Г. Изгачева, О. И. Кашик, А. А. Преображенского, З. Г. Карпенко, И. И. Комогорцева и других ученых²⁸ вскрыты предпосылки и особенности создания металлургических мануфактур в Сибири, их социальная природа. В той или иной степени установлена генетическая связь этих предприятий с существовавшими здесь кузнечным и другими производствами. Научалась также специфика появления капиталистических предприятий в металлургии. А. А. Преображенский убедительно доказал, что действовавшие в XVII в. предприятия Тумашевых, равно как и других торгово-промышленных людей, были для своего времени оазисами буржуазных отношений в условиях феодально-крепостнического строя. Проведя всерьез анализ промышленного развития региона не по отраслям, а по стадиям, «выражающим существо социально-экономических отношений, их зрелость на каждом историческом этапе», А. А. Преображенский пришел к выво-

ду о существовании за Уралом в XVII — начале XVIII в. форм производства, имеющих черты раннекапиталистических отношений²⁹.

Что же касается других отраслей сибирской промышленности, то они никогда не пользовались таким вниманием, как металлургическая. Особенно недостаточно изучена домашняя, ремесленная и мелкотоварная промышленность. Даже такой крупный исследователь Сибири, как С. В. Бахрушин, отказывал ей в существовании, утверждая в одном случае, что «Сибирь не имела собственной промышленности», а в другом — что «в Сибири, жившей исключительно пушиной, мелкая промышленность (и частности, ремесло) в XVII в. была вообще мало распространена» и «предметы промышленного производства — сукна, холсты, кожи, обувь, мыло и т. п. — поставлялись из Европейской России в обмен на меха Сибири»³⁰. И он был не одинок в этом убеждении. Подобные суждения высказывали Р. М. Кабо, П. И. Малахинов, Х. З. Зияев³¹ и др. П. И. Малахинов, например, писал, что Сибири XVII и XVIII вв. были присущи только «натуральность, патриархальность, примитивность сельского хозяйства..., почти полное отсутствие каких-либо очагов промышленности, оторванность не только от внешнего, но даже и от внутреннего российского рынка, т. е. от воздействия процесса общественного разделения труда, вызывающего возникновение товарного производства»³². Однако фактический материал, изложенный в работах целого ряда исследователей (Е. И. Заозерской, Б. Б. Кафенгауза, З. Я. Бояршиновой, В. И. Шункова, В. И. Сергеева, А. А. Преображенского, В. А. Александрова, А. Н. Копылова, О. Н. Вилкова, О. И. Кашик, П. Н. Павлова, Н. Г. Аполловой, А. П. Окладникова, З. В. Гоголева, Е. А. Ащепкова, Л. В. Машановой, Г. А. Леонтьевой, В. Н. Курилова, А. А. Люцдарской, Д. Я. Резуна, Т. Е. Квещинской, М. И. Белова, В. Ф. Овсянникова, В. Ф. Старкова, Н. И. Никитина, Н. Е. Емельянова и др.), опровергает подобного рода беспочвенные, ошибочные, несостоятельные и вредные во всех отношениях суждения.

На основе изучения архивных материалов и данных, введенных в научный оборот перечисленными выше учеными, О. Н. Вилков, В. Н. Курилов, Д. Я. Резун смогли впервые в масштабе всей Сибири и за длительный промежуток времени обобщить большой (опубликованный и неопубликованный) материал о возникновении и развитии сибирской промышленности³³. Были рассмотрены не только формы, типы, стадии развития, особенности географического размещения,

распространенность и связь с рынком всех отраслей сибирской промышленности с конца XVI в. до второй четверти XVIII в., но и социальные процессы: особенности зарождения и развития раннебуржуазных отношений в каждой отдельной отрасли, а также формирование рабочих кадров, их социально-экономическое и юридическое положение. При этом авторами установлено, что в указанный период было больше простора для зарождения и развития раннекапиталистических отношений, чем в 1730—1750 гг., когда общероссийское крепостничество сильно сказалось и на не знавшей крепостного права и почти совсем не имевшей помещичьего землевладения Сибири.

В целом трудами советских историков показано, что за неполные сто лет русские создали в Сибири многоотраслевую развитую промышленность, в которой сосуществовали и успешно развивались ремесло, мелкое товарное производство, семейная и капиталистическая кооперация, капитализированная и феодализированная мануфактуры. Капиталистические мануфактуры в Сибири возникли: в солеварении — в 40-х годах XVII в., в железоделательном производстве — в 60-х годах, в кожевенном деле и винокурении — в конце XVII — начале XVIII в. В это же время функционировали крупные частные мельницы с применением наемного труда. Казенные феодализированные мануфактуры в сибирском оружейном деле появилась в 1702 г., в сибирском железоделательном производстве — в 1630-х годах, в винокурении и солеварении — не позднее 40-х годов XVII в.³⁴

Общее количество функционирующих мануфактур в середине XVII — первой четверти XVIII в. увеличивалось. Углубление процесса общественного разделения труда и первоначального накопления капитала сопровождалось появлением предпролетариата и раннемануфактурного пролетариата³⁵. Но отсутствие до сих пор капитальных монографических исследований по истории возникновения и развития сибирской промышленности конца XVI — начала XVIII в. серьезно сказывается на углубленном изучении всего комплекса социально-экономических проблем Сибири и России в целом.

Четвертая проблема советского сибиреведения — торговое освоение Сибири. В той или иной степени ее касались почти все сибиреведы, ибо торговля не только предшествовала присоединению Сибири к России и была одной из его причин, но и оказывала огромное влияние на весь процесс колонизации сибирских окраин страны, особенно в первые два-три десятилетия, когда неземледельческая и непромыш-

ленная Сибирь была почти в полной зависимости от ввоза товаров из-за Урала и из Средней Азии. Наличие специальных работ по историографии сибирской торговли конца XVI — начала XVIII в.³⁶ избавляет нас от необходимости делать подробный анализ исследований по истории торгового освоения Сибири. Ограничимся лишь некоторыми замечаниями. Благодаря усилиям, предпринятым К. В. Базилевичем, З. В. Башкатовой, В. А. Александровым, Е. В. Чистяковой, А. Н. Копыловым, О. Н. Вилковым, В. М. Леонтьевым, авачительно продвинулось вперед изучение сибирской таможенной системы, ее особенностей и изменений под воздействием социально-экономического развития Сибири и складывавшегося всероссийского рынка. Трудом С. В. Бахрушина, Б. Г. Курца, В. А. Александрова, О. Н. Вилкова, П. Т. Яковлевой, О. И. Кашик, Ш. Б. Чимитдоржиева, А. Н. Копылова, В. Н. Курилова, А. А. Любидарской, Т. Е. Квевинской, З. В. Башкатовой, В. М. Леонтьева и других³⁷ были получены новые данные и сделаны обобщающие заключения по истории возникновения и развития торговли Сибири с Европейской Россией, Северным Казахстаном, Средней Азией, Джунгарией, Монголией и Китаем. Прослежены количественные и качественные изменения в структуре и составе этой торговли под влиянием развития производительных сил Сибири и России в целом и выявлено значение зауральско-сибирско-восточной торговли для всех участвующих в ней стран и сторон. Внутренняя же торговля самой Сибири, торговля сельскохозяйственными и промышленными товарами собственно сибирского производства оставалась в тени и только в последние годы стала привлекать внимание исследователей. Без детального же изучения вопросов, связанных с возникновением и развитием внутреннего рынка Сибири, нельзя правильно понять и оценить глубинные процессы, определяющие всю общественную жизнь Сибири конца XVI — начала XVIII в. Исследования процессов сложения и превращения уездных рынков в областные, а областных — в общесибирский внутренний рынок являются настоятельной потребностью советского сибиреведения, в котором они почти отсутствуют.

Питая проблема советского сибиреведения — градостроительное и поселенческое освоение Сибири, изучение истории возникновения и развития городских и сельских поселений края. Значительный фактический материал по этой проблематике представлен в работах лучших представителей буржуазного сибиреведения (П. Н. Буцинского, П. М. Головачева, Н. Н. Оглоблина). Однако они смогли поставить и решить

лишь частные вопросы и не сумели раскрыть в целом значение города в историческом развитии Сибири конца XVI — начала XVIII в. Советское же сибиреведение, опиравшееся на единственно правильную марксистско-ленинскую методологию познания исторического процесса как закономерной смены социально-экономических формаций, но занятое до недавнего времени решением других кардинальных проблем истории Сибири, смогло вплотную приступить к разработке городоведческой проблематики только с середины 50-х годов XX в. В то же время советские историки всегда признавали большую роль города в социально-экономической и политико-культурной жизни народа на всех этапах его исторического пути и важность ретроспективного взгляда на развитие экономики и культуры города для решения многих актуальных вопросов экономического и культурного развития советского общества и идейно-политического воспитания трудящихся. Проведенными за последнее время исследованиями³⁸ существенно уточнены и дополнены знания об условиях, причинах, обстоятельствах, времени возникновения, типологии, этапах развития, составе, структуре, занятиях, социальных отношениях, культуре населения городов Сибири конца XVI — начала XVIII в. Впервые получили разработку принципиальные схемы развития сибирского городоведения в источниковедческом и историографическом плане.

С выходом в свет (1974—1987 гг.) восьми сборников «Города Сибири», подготовленных Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР (отв. ред. О. Н. Вилков), городоведческая тематика получила окончательное оформление как самостоятельное научное направление в советском сибиреведении.

Свидетельством недостаточной изученности к тому времени городоведческой проблематики является отсутствие во втором томе «Истории Сибири» отдельного параграфа, посвященного истории возникновения и развития городов Сибири конца XVI — начала XVIII в. Для написания его просто не хватило документального и литературного материала. Выпуск тематических сборников «Города Сибири», получивших положительную оценку в советских и зарубежных изданиях³⁹, позволил советским историографам рассматривать Институт истории, филологии и философии СО АН СССР как научную базу сибирского городоведения. Следует отметить, что помимо этого института на территории РСФСР в рамках академической и вузовской науки существуют лишь два исследовательских центра (при университетах в

Москве и Саратове), издающих сборники «Русский город» (МГУ) и «Средневековый город» (СГУ), последние — преимущественно с западноевропейской проблематикой.

Работы, включенные в сборники «Города Сибири», хронологически охватывают период с конца XVI в. до начала XX в. В них значительно расширена проблематика изучения истории сибирского города, органически соединены в одно целое исторический и архитектурный подходы к разработке темы. Значительное внимание уделено новым направлениям сибирского городоведения — историографии и источниковедению, бывшим до этого лишь вспомогательной частью конкретно-исторических исследований. Выявлено и научно обосновано принципиальное, а в ряде случаев и конкретное тождество генезиса русского среднефеодального города Сибири XVII в. и старых русских городов; выработана новая типология генезиса сибирского города конца XVI — начала XVIII в., принципиальная новизна которой состоит в рассмотрении сибирских городских поселений изучаемого времени в единой системе социально-экономических, политических и культурных институтов колонизируемой Сибири. Тем самым была создана реальная возможность для сравнения форм и содержания колонизационных процессов в рамках всемирно-исторического развития. В ряде конкретных исследований выявлена роль каждой отдельной категории населения в становлении и развитии социально-экономических функций сибирского города конца XVI — начала XVIII в., показана преобладающая роль служилых людей в этих процессах.

Концепция сибирского города, изложенная в наших публикациях⁴⁰, вызвала критические замечания Н. А. Миненко. «О. Н. Вилков, — пишет она, — пришел даже к утверждению об „аграрном типе города“ в Сибири. Однако классики марксизма указывали, что город есть результат отделения промышленности и торговли от земледелия. Тесная связь города с хлебопашеством свидетельствует о его неразвитости, о том, что данный город еще не стал таковым в собственном значении этого слова. Как можно заметить, концепцию О. Н. Вилкова и его последователей характеризует внутренняя противоречивость. Критически подойти к ней заставляют также выводы, полученные авторами, придерживающимися иной точки зрения. В XVII в., — пишет, например, Д. И. Копылов, — крупного промышленного производства в Сибири по существу не было. От него в следующий век перешло всего пять сколько-нибудь значительных заведений: Троицкий, Усть-Кутский, Селенгинский, Усоль-

ский солеваренные и Каменский винокуренный заводы, расположенные в Восточной Сибири»⁴¹.

Отвечая на высказанные замечания, поясним, что под «аграрным типом города» в Сибири понимается многофункциональный город, в котором преобладающей функцией является производство хлеба на продажу. Это означает только то, что в хлебопашестве горожан стали доминировать не лично потребительские, а торговые и даже в какой-то мере предпринимательские интересы при условии производства товарного хлеба наемным трудом. И подобное понимание несколько не противоречит «указаниям классиков марксизма». Ведь когда Маркс и Энгельс говорят об «отделении промышленного и торгового труда от труда земледельческого», то под «трудом земледельческим» они понимают труд с натурально-потребительскими, а не товарно-торговыми целями, ибо последние, по их мнению, относятся уже к сфере торгового и промышленного труда⁴². В. И. Ленин также считал, что «основой товарного хозяйства является общественное разделение труда. Промышленность обрабатывающая отделяется от добывающей, и каждая из них подразделяется на мелкие виды и подвиды, производящие в форме товара особые продукты и обменивающие их со всеми другими производствами. ...Само собой разумеется, что указанное отделение промышленности обрабатывающей от добывающей, мануфактуры от земледелия превращает и само земледелие в промышленность, т. е. в отрасль хозяйства, производящую товары... вызывая обмен не только между продуктами земледелия и промышленности, но и между различными продуктами сельского хозяйства»⁴³.

Эту же мысль, но в несколько ином аспекте Ленин повторяет и еще раз: «Основным процессом создания внутреннего рынка (т. е. развития товарного производства и капитализма) является общественное разделение труда. Оно состоит в том, что от земледелия отделяются один за другим различные виды обработки сырья (и различные операции по этой обработке) и образуются самостоятельные отрасли промышленности, обменивающие свои продукты (теперь уже товары) на продукты земледелия. Земледелие таким образом само становится промышленностью (т. е. производством товаров), и в нем происходит тот же процесс специализации»⁴⁴.

Отсюда следует, что в нашей концепции, когда мы занятия горожан товарным земледелием относим к истинно городским занятиям, нет никакой внутренней противоречивости, а наоборот, усиливается ее цельность, если и жителей,

проживавших в деревнях и занимавшихся торговлей и товарным производством, отнести также по роду их занятий не к патриархально-натурально-крестьянскому сословию, а к торгово-промышленным категориям городского населения. Сопоставление наших суждений, сделанных на основе данных XVII в., с выводами Д. И. Копылова, относящимися к XVIII в. и не учитывающими результатов конкурентной борьбы, несерьезно. Разновременные сопоставления ни к чему дельному привести не могут, ибо условия, в которых исследуемые процессы происходили в разное время, неидентичны и в силу этого несопоставимы между собой. Заметим только, что Д. И. Копылов почему-то не учитывает крупные предприятия Урала, бывшего в XVII и XVIII вв. в составе Сибири.

*
* * *

Цель настоящей монографии — на основе анализа данных по торгово-транспортной, таможенной и городской сети Сибири, по российско-бухарской и частной хлебной торговле Сибири, по торгово-промышленным занятиям сибирских крестьян и формированию рынка наемного труда в неземледельческой сфере сибирского хозяйства выявить характер, сущность, направленность, интенсивность, результативность, и значение процессов, происходивших в рассматриваемых сферах социально-экономической жизни Сибири конца XVI — начала XVIII в.

Источниковую базу исследования составляют фонды Сибирского приказа (столбцы и книги) и Берг-коллегии Центрального архива древних актов. В работе использованы таможенные, окладные, дозорные, переписные, крестоприводные книги, перепись ремесленников 1720 г., указы военным, таможенным и заставным головам, челобитные, а также переписка местной воеводской и таможенной администрации с Сибирским приказом. Из опубликованных материалов использованы законоположения Полного собрания законов Российской империи и отдельные документы, содержащиеся в Актах исторических, собранных и изданных Археографической экспедицией, Актах, собранных в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией, Актах времени правления царя Василия Шуйского, Доподлинных к Актам историческим, Древней Российской Вивлиофике, Историческом архиве, Исторических актах XVII столетия, Материалах по истории города XVII —

XVIII столетий (Тюмень, Тобольск, Томск, Иркутск, Селенгинск, Нерчинск, Якутск). Материалах по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, Русской исторической библиотеке, Собрании государственных грамот и договоров, Сборниках материалов и документов о русско-китайских отношениях в XVII и XVIII вв., Сборниках документов о русско-монгольских отношениях в 1607—1654 гг., Сборнике старинных рукописей «Сибирь в XVII в.», Северном Архиве, Памятниках сибирской истории, Пермской старине, Приложениях к «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера и ряде других изданий. Учтены также свидетельства сибирских летописей и многочисленных мемуаристов.

При работе со всем этим комплексом архивных и опубликованных материалов законодательного, статистического, делопроизводственного, актового, летописного и мемуарного характера использовались приемы и методы, выработанные отечественным источниковедением⁴⁵. Так как методика по установлению типологии источников и выяснению полноты, достоверности, сопоставимости и ценности содержащихся в них материалов по социально-экономической истории была достаточно полно раскрыта в источниковедческих работах⁴⁶, то здесь эти вопросы специально не рассматриваются. Отдельные же критические замечания, возникшие в процессе работы с теми или иными источниками, приводятся в тексте монографии. Сами источники массового учета подвергались сплошной статистической обработке.

При подготовке монографии автором использована и имеющаяся обширная литература по рассматриваемым вопросам.

Многоплановый и обобщающий для каждой отдельной темы характер исследования, территориально в той или иной степени охватывающего всю Сибирь, предопределил структуру монографии. Книга состоит из семи очерков, связанных между собой логически, хронологически и тематически.

Первый очерк является методологическим. Здесь нами дана новая трактовка содержания понятия «капиталистическая купцы». Во втором очерке рассматриваются торговые пути в Сибирь, по Сибири и в сопредельные страны и их значение для социально-экономического развития Сибири, выясняется роль каждой группы дорог (западные, местные, восточные, южные) в совокупном ежегодном торгово-промышленном движении, показывается погодная динамика изменений в географическом, сословном и национальном составе торговцев и в товарном ассортименте с анализом причин, выз-

вавших эти изменения. Если маршруты торговых путей и условия хождения по ним уже были предметом исследования, то все остальные вопросы ранее не изучались.

Особенности сибирской таможенной системы, исследуемые в третьем очерке, отражают положение Сибири как колонизируемой окраины России. Исследованию предпослана характеристика социально-экономического развития сибирских городов как центров торговли и промышленности. Дано более развернутое изложение итогов изучения конкретно-исторического материала по истории развития тобольской торговли и промышленности в сопоставлении с данными по другим городам страны.

В четвертом очерке освещаются обстоятельства появления бухарских поселений в Сибири, правительственные распоряжения по торговле «приезжих» и сибирских бухарцев, номенклатурный состав бухарского ввоза и вывоза из Сибири, удельный вес каждой товарной группы и каждого отдельного вида товара в ежегодной совокупной массе товаров, изменения, происшедшие за рассматриваемое время в стоимостном и натуральном выражении их ежегодной торговли, значение торговых операций бухарских купцов, как подданных, так и не подданных России, во внутренней и внешней торговле страны и роль бухарско-русской торговли через Сибирь как для формирования сибирского рынка, так и для развития системы всероссийского внутреннего и внешнего рынка. Многие вопросы здесь рассматриваются впервые на основе счетной обработки тобольских, тарских, березовских и иных таможенных книг.

В пятом очерке впервые обобщены, насколько это позволили сделать имевшиеся материалы, данные по частной хлебной торговле Сибири и детально разработаны вопросы, связанные со сложением областного тобольско-верхотурского хлебного рынка в XVII в. Здесь на основе сплошной статистической обработки материалов тобольских и частично верхотурских, туринских и тюменских таможенных, окладных, дозорных и переписных книг, а также литературы прослежена динамика тобольской частной торговли в 40—90-е годы, изучены характер, формы, объем, удельный вес, ассортимент, территориальный охват хлебной торговли, социальный и географический состав поставщиков слободского хлеба на тобольский рынок, удельный вес каждой отдельной видовой группы в этом хлебном ввозе, прослежены значение покушного хлеба и «хлеба своей пахоты», роль скупщика и соотношение различных категорий ввозителей слободского хлеба в Тобольск по величине отдельных хлебных

явок, показаны роль Тобольска в общесибирской хлебной торговле, степень товарности земледелия Верхотурско-Тобольского земледельческого района и значение этого факта для оценки процессов, происходивших в социально-экономической жизни Сибири рассматриваемого времени.

В шестом очерке приводятся обобщенные сведения по промыслам крестьян в масштабе всей Сибири с точки зрения выяснения видов, распространенности, товарности и характера крестьянских промыслов конца XVI — начала XVIII в. Отрывочность, разновременность, разнохарактерность и малочисленность сведений, содержащихся в литературе и извлеченных нами вновь из таможенных, дозорных, переписных, окладных книг Тобольска, Тары, Верхотурья, Туринска, Тюмени, Томска, а также из других материалов Сибирского приказа, не дают возможности с исчерпывающей полнотой равномерно проследить динамику и социальные последствия промысловой деятельности русских крестьян Сибири в указанный период. Подобной же попытки в обобщенном виде проследить в масштабе всей Сибири промыслово-промышленную деятельность русских крестьян ранее не предпринималось.

В седьмом очерке исследуются причины, обстоятельства, источники, результативность и социально-экономические последствия формирования и употребления наемного труда в неземледельческой сфере хозяйства Сибири. Собранный материал излагается по отдельным отраслям сибирского промыслово-промышленного хозяйства рассматриваемого периода и также впервые обобщен в масштабе всей Сибири.

**1. ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА
ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ
В СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 60—80-х ГОДОВ**

Проблема формирования всероссийского рынка была впервые поставлена и теоретически разработана Лениным. В русской буржуазной историографии, представители которой стояли на идеалистических позициях в объяснении исторического процесса, эта проблема не получила отражения. Буржуазные историки, «не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства»¹, ограничивались в изучении экономической истории в основном описанием обмена, торговли вне связи с определенным способом производства.

Борясь с идеалистическими построениями буржуазной историографии, Ленин впервые применил положения исторического материализма к всеобъемлющему изучению русской истории и еще в 90-х годах XIX в. заложил основы марксистской концепции русского исторического процесса. При этом он не обошел своим вниманием и вопрос о формировании всероссийского рынка.

Впервые задачу его изучения Ленин выдвинул в 1894 г. в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». Подходом к теме послужил его реферат «По поводу так называемого вопроса о рынках», написанный осенью 1893 г. Дальнейшую разработку и конкретизацию проблема формирования всероссийского рынка получила в последующих произведениях Ленина, написанных в 1894—1899 г.: «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы „кустарной промышленности“ и „Развитие капитализма в России“». Они являются основополагающими при изучении этой проблемы советскими историками².

Вопрос о формировании всероссийского рынка Ленин рассматривал в самой тесной связи с общим ходом социаль-

но-экономического развития России. Опираясь на марксистское учение об общественно-экономических формациях и конкретно применяя теорию исторического материализма к российской истории, он показал, что развитие России представляло собой закономерный процесс смены социально-экономических формаций, что в России, как и в других странах, первобытно-общинный строй сменился феодализмом, а через определенное время осуществился «переход от крепостнического, феодального способа производства к капиталистическому...»³.

В то время почти все деятели буржуазно-либеральной и официально-монархической историографии считали, что в России, идущей по своему особому, самобытному пути исторического развития, феодализма не было и что вообще никаких всеобщих закономерностей мировой истории не существует. Ленин не только поставил во всем объеме вопрос о русском феодализме, но и решил его с принципиально новых позиций по сравнению с «профессиональной» наукой. Если буржуазная историография трактовала феодализм как совокупность политико-юридических отношений⁴, то Ленин считал его особым типом производственных отношений. В ряде работ он дал глубокий анализ социально-экономической сущности феодализма как крепостнического способа производства⁵ и определил хронологические рамки его существования, указав, что «крепостничество может удержаться веками держит миллионы крестьян в забитости (например, в России с IX по XIX век...)»⁶. Касаясь периодизации истории феодальной России, Ленин выделял три большие полосы ее развития: древнюю Русь, средние века, т. е. эпоху московского царства, новый период (примерно с XVII в.)⁷. И хотя такое членение русской истории было выдвинуто в историко-юридической литературе⁸ еще до Ленина, но сущность, содержание, сам характер развития России от одного этапа к другому раскрыты Лениным с научных позиций марксизма и дают совершенно новую, основанную прежде всего на анализе социально-экономических процессов картину⁹.

Характеризуя начавшийся с IX в. первый этап феодального развития России («древняя Русь»), Ленин писал, что ему еще были присущи определенные элементы старых родовых отношений¹⁰. Тем самым он отвергал концепцию В. О. Ключевского о торговом характере древнерусской экономики¹¹. При характеристике второго этапа Ленин фиксировал внимание на двух моментах. С одной стороны, «в средние века, в эпоху московского царства... родовых связей уже

не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составляющиеся таким образом, были чисто территориальными союзами¹². С другой стороны, «о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», часто даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.»¹³. Таким образом, Ленин считал, что «в средние века, в эпоху московского царства», т. е. в XV—XVI вв., Русское государство было лишено внутреннего единства. Существование единой власти Русского государства еще не уничтожало остатков феодальной раздробленности России. Это противоречие и вызвало, по-видимому, небывалую остроту политических кризисов того времени.

О третьем этапе исторического развития феодальной России Ленин писал: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это было вызвано не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»¹⁴.

Само понятие «новой истории» России Ленин позаимствовал из буржуазной историографии, но дал ему совершенно иную трактовку. В частности, это понятие использовали в своих концепциях русской истории С. М. Соловьев и его ученик В. О. Ключевский¹⁵. Однако для Ключевского, эклектически соединявшего в объяснении исторического прогресса различные факторы (как экономические, так и политические), внутренний смысл «новой истории» России остался нераскрытым. К «главным фактам» нового периода русской истории (со второго десятилетия XVII в.) он в одинаковой степени относил утверждение «новой династии», расширение государственной территории, создание Всероссийской империи, становление «нового правительственного класса» — дворянства, утверждение нового «склада народного хозяйства» — крепостного, «земледельческого и фабрич-

но-заводского»¹⁶. Ни одному из этих «главных фактов» новой истории России Ключевский не придавал решающего значения, все они для него были равнозначными.

И только Ленин дал классическое определение нового периода истории России, указав, что основное содержание этого периода составляет образование единого всероссийского рынка с его буржуазными связями. Здесь термин «буржуазные связи» приводится в смысле противопоставления «связям феодальным». Критикуя экономический романтизм Сисмонди как идеологию мелких товаропроизводителей, Ленин писал: «Что же связывает вместе этих (самостоятельных. — О. В.) крестьян разных местностей? Именно разделение общественного труда и товарное хозяйство, заменившее связи феодальные»¹⁷. В работах «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «К характеристике экономического романтизма» (1897), «Развитие капитализма в России» он показал, что «связи феодальные» — это связи крепостнические, средневековые, патриархальные, сословно-местные, основанные на феодальной собственности на землю, господстве натурального хозяйства, прикреплении непосредственного производителя к земле, наделении его орудиями и средствами производства, на личной зависимости и внеэкономическом принуждении¹⁸. «Связи буржуазные», в отличие от феодальных, прикрытых «личными отношениями господина к его подданному» и предусматривающих «натуральный обмен „услуг“ (помещик дает крестьянину землю, а крестьянин — продукты прибавочного труда, хлеб, холст и т. п.)...»¹⁹, являются товарно-денежными, безличными, рыночными, основанными на обмене и конкуренции и обусловленными наличием товарно-денежного хозяйства. Носителями этих буржуазных связей были «капиталисты-купцы». Своими операциями они стигивали разобщенные местные рынки в один всероссийский рынок, на базе которого и происходило объединение «областей, земель, княжеств в одно целое»²⁰, в единое Русское государство. Учитывая роль, которую играли «капиталисты-купцы» в экономическом объединении страны, Ленин называл их «нарождающимися собирателями земли русской»²¹.

В своих высказываниях Ленин пользовался понятиями «буржуазный» и «капиталистический» как равнозначными. Он писал о «буржуазной, капиталистической организации» пореформенного крестьянского хозяйства: «Основой господства здесь является уже не только владение землей, как в

старину, а еще владение деньгами, в которых нуждается крестьянин (а деньги, это — продукт общественного труда, организованного товарным хозяйством). — и „свобода“ крестьянина от средств к жизни. Очевидно, что это — отношение капиталистическое, буржуазное»²². Идентичность обоих этих определений Ленин подчеркивал неоднократно²³. Появление буржуазных связей и было, по ленинской мысли, тем социальным явлением, которое отличало «новый период» русской истории, период образования централизованного государства и складывания русской нации от предшествующего этапа — «эпохи московского царства».

Употребление осторожной формулировки «примерно с 17 века» при датировке начала этого периода, по-видимому, обуславливалось двумя соображениями. Во-первых, невозможностью датировать хронологически точно, привязывая к определенному году, десятилетию, такие сложные процессы, как зарождение новых отношений в недрах старого строя²⁴. Во-вторых, ленинская формулировка указывает на XVII столетие как на более отчетливо выраженный хронологический этап, до которого могли быть (и были) те или иные моменты буржуазного развития²⁵, но они еще не оказывали заметного влияния на «средневековую обособленность отдельных местностей»²⁶.

Понятая «всероссийский рынок» и «национальный рынок» Ленин считал идентичными. Об этом свидетельствует сопоставление между собой двух его высказываний. В работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» он писал: «...социал-демократы считают прогрессивной работу нашего капитализма, когда он стягивает эти мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок...»²⁷. В работе же «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин, касаясь этого сюжета стягивания капитализмом мелких местных рынков в один рынок, называл последний уже не «всероссийским», а «национальным»: «Подобно тому, как нельзя себе представить развитого капитализма без крупного товарно-торгового и денежно-торгового капитала, точно так же немислима и докапиталистическая деревня без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяевами» мелких местных рынков. Капитализм стягивает вместе эти рынки, соединяет их в крупный национальный, а затем и всемирный рынок, разрушает первобытные формы кабалы и личной зависимости, разливая вглубь и вширь те противоречия, которые в зачаточном виде наблюдаются и в общинном крестьянстве, — и таким образом prepares разрешение их»²⁸. Более того, Ленин показал, что «докапиталисти-

ческая деревня представляла из себя (с экономической стороны) *сеть мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей, раздробленных и своим обособленным хозяйничаньем, и массой средневековых перегородок между ними, и остатками средневековой зависимости»*²⁹.

Слияние этой сети «мелких раздробленных рынков (или маленьких отделений центрального рынка), заправляющих общественно-экономической жизнью отдельных небольших районов»³⁰, в один всероссийский рынок происходило, по мнению Ленина, через формирование и слияние рынков областных. Он писал: «Дальнейшее развитие товарного хозяйства выражается расширением торговли, появлением специалистов торговцев-скупщиков; рынком для сбыта изделий служит не мелкий сельский базар или ярмарка... а целая область, затем вся страна, а иногда даже и другие страны. Производство продуктов промышленности в виде товара кладет первое основание отделению промышленности от земледелия и взаимному обмену между ними»³¹. Отсюда видно, что происходившее на основе простого товарного производства формирование из местных мелких рынков областных рынков предшествовало, по мысли Ленина, складыванию «примерно с 17 века» всероссийского рынка на основе возникавшего капитализма.

Трактовка Лениным процесса складывания всероссийского рынка как образования крупного национального рынка, формировавшегося на основе возникновения и развития капитализма еще в недрах феодальной формации на последней стадии ее существования, когда простое товарное производство начало перерастать в капиталистическое, по-видимому, и не позволило ему даже применительно к XVII в. оперировать таким понятием, как «ростки буржуазных связей», появление которых он, вероятно, относил ко времени, предшествовавшему «новому периоду русской истории (примерно с 17 века)». И не случайно, характеризуя этот период, Ленин говорил не о ростках новых социально-экономических отношений, а употреблял такие понятия, как «концентрирование небольших местных рынков в один всероссийский рынок», «капиталисты-купцы», «национальные связи», «буржуазные связи».

Поэтому трудно согласиться с теми историками, которые утверждают, что применительно к XVII в. Ленин имел в виду только первые ростки буржуазных связей, возникающих лишь в сфере обмена, торговли. Едва ли не впервые подобное толкование предложил академик С. Д. Сказкин, который в докладе на Московской сессии межреспубликанского сим-

познама по аграрной истории Восточной Европы (1959 г.) высказал мысль о том, что соответствующий текст касается только сферы обмена и понятие «буржуазные связи» не имеет отношения к области производства в России «примерно с 17 века». «Если бы В. И. Ленин, — писал С. Д. Сказкин, — имел в виду капиталистические отношения, он бы искал их, как он всегда это делал, в сфере производства, а не в сфере одного лишь обмена»³². В этой связи уместно напомнить высказывание А. А. Преображенского о том, что авторы, которые писали и спорили по данному вопросу, упускали из поля зрения заключительные строки абзаца с ленинской периодизацией и характеристикой русского исторического процесса, в том числе и «нового периода русской истории»³³. В этих строках Ленин, упрекая Михайловского за допущение «буржуазных пошлостей» в критике марксистского подхода к научному объяснению истории, отмечал: «Пошлостей потому, что... объяснил институт наследства детопроизводством и его психикой, а национальность родовыми связями; буржуазных — потому, что принимал категории и надстройки одной исторически определенной общественной формации (основанной на обмене) за категории настолько же общие и вечные, как воспитание детей...»³⁴. Вряд ли можно сомневаться, что здесь понятие общественной формации не может быть сведено только к обмену, а имеет более широкое значение капиталистической формации.

О том, что под «буржуазными связями» Ленин подразумевал не только торговые, но и производственные связи, свидетельствует и употребление понятия «капиталисты-купцы», которые, по Марксовой терминологии, были уже не представителями развивающегося торгового капитала, являющегося везде и всюду ранней стадией формирования капиталистического производства, а представителями торгового капитала как обособившейся части промышленного капитала, постоянно функционирующей в качестве таковой в процессе обращения как определенной фазы всего процесса капиталистического воспроизводства. Как известно, Маркс использовал понятие «капиталисты-купцы» в третьем томе «Капитала» в гл. XVI «Товарно-торговый капитал», в которой рассматривал «купеческий капитал с точки зрения и в пределах капиталистического способа производства». «Торговец холстом, — писал он, — покупает у фабриканта холста на 3000 фунтов стерлингов; фабрикант из этих 3000 ф. ст. уплачивает, например, 2000 при покупке пряжи; он покупает эту пряжу у торговца пряжей. Деньги, которыми фабрикант платит торговцу пряжей, это не деньги торговца хол-

стом, потому, что последний получил за них товар на такую же сумму... Это денежная форма его собственного капитала. В руках же торговца пряжей эти 2000 ф. ст. являются возвратившимся к нему денежным капиталом; но в какой мере они отличны от тех 2000 ф. ст., которые служат денежной формой, оставленной холстом и принятой пряжей? Если торговец пряжей купил в кредит и продал за наличные до истечения срока платежа, то в этих 2000 ф. ст. не содержится ни гроша от купеческого капитала, отличного от той денежной формы, которую принимает сам промышленный капитал в процессе своего кругооборота. Товарно-торговый капитал, поскольку он не является простой формой промышленного капитала, находящегося в виде товарного капитала или денежного капитала в руках купца, есть не что иное, как часть денежного капитала, которая принадлежит самому купцу и действует в области купли и продажи товаров. Эта часть в уменьшенном масштабе представляет часть капитала, авансированного для производства, которая постоянно должна была бы находиться в руках промышленников как денежный резерв, как покупательное средство и должна была бы постоянно обращаться как их денежный капитал. Эта часть в уменьшенном виде находится теперь в руках капиталистов-купцов, постоянно функционируя как таковая в процессе обращения. Это — часть совокупного капитала, которая, если оставить в стороне долю, расходуемую как доход, должна постоянно обращаться на рынке как покупательное средство для того, чтобы поддерживать непрерывность процесса воспроизводства. По отношению к совокупному капиталу она тем меньше, чем быстрее совершается процесс воспроизводства и чем более развита функция денег как средства платежа...»³⁵.

Показательно и то, что в гл. XX «Из истории купеческого капитала», хотя здесь Маркс и не мог употребить этого термина, ибо рассматривал торговый капитал как самостоятельную форму капитала, он попытался наметить предпосылки появления и дальнейшем «капиталистов-купцов», заявляя: «Переход от феодального способа производства (к капиталистическому. — О. Р.) совершается двояким образом. Производитель становится купцом и капиталистом и противоположенностью земледельческому натуральному хозяйству и связанному цехами ремеслу средневековой городской промышленности. Это действительно революционизирующий путь. Или же купец непосредственно подчиняет себе производство»³⁶. То есть для появления «капиталистов-купцов» необходимо, чтобы «производитель», став «купцом и капита-

листом», прошел еще определенный путь в своем капиталистическом развитии.

Заимствованием у Маркса термина «капиталисты-купцы» Ленин хотел подчеркнуть, что «новый период русской истории (примерно с 17 века)» характеризуется возникновением и развитием капитализма в недрах господствующей еще в России феодальной формации, констатируя при этом и само наличие в стране уже в XVII в. капиталистического производства.

В связи с этим нам представляется не совсем верной трактовка А. М. Сахаровым социально-экономической сущности «капиталистов-купцов» как представителей «развивающегося торгового капитала, являющегося везде и повсюду ранней стадией формирования капиталистического производства»³⁷. В категорию «капиталистов-купцов» Маркс включал только тех купцов, которые обслуживали сферу обращения капиталистического производства как фазу воспроизводства производительного капитала. «Капиталисты-купцы» — это органическая составная часть капиталистического производства, а не часть лишь его подготавливающая. Капиталистический способ производства подготавливали не «капиталисты-купцы», которые появляются лишь тогда, когда начинают функционировать капиталистические предприятия (простая капиталистическая кооперация, мануфактура) в процессе своего воспроизводства, а все прочие торговцы-купцы.

Также не первые ростки «буржуазных связей» имел в виду Ленин, говоря о неразрывности создания национального государства и складывания национальных областей и единого рынка. Подчеркивая социально-экономические основы создания национальных государств, он писал: «Капитализм требует сплочения внутреннего рынка. Рынок есть центр торговых сношений. Главное орудие человеческих торговых сношений есть язык»³⁸. И как результат этого «сплочение национальных областей (воссоздание языка, национальное пробуждение etc.) и создание *национального государства*. Экономическая необходимость его. Политическая надстройка над экономикой»³⁹. О «национальных связях» Ленин писал и в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» при характеристике нового периода русской истории.

«Новый период русской истории (примерно с 17 века)» в ленинской концепции имеет не самодовлеющее значение, а противопоставлен «древней Руси» и «средним векам», так как Ленин рассматривал историю России в рамках всемирно-

исторической периодизации, вскрывая ее своеобразие. «Новая история» России, по Ленину, это как бы русский вариант истории нового времени, или «эры капитализма» (по Марксу). Ленин развивал применительно к России те общие положения о позднем средневековье, которые были высказаны Марксом и Энгельсом⁴⁰.

Рассматривая образование единого всероссийского рынка в неразрывной связи с проблемой генезиса капитализма, он подчеркивал: «Рынок есть категория товарного хозяйства, которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство и только при этом последнем приобретает полное господство и всеобщую распространенность. ...Вопрос о внутреннем рынке как отдельный самостоятельный вопрос, не зависящий от вопроса о степени развития капитализма, вовсе не существует... Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране. Ставить вопрос о пределах внутреннего рынка отдельно от вопроса о степени развития капитализма (как делают экономисты-пародники) неправильно»⁴¹. Отсюда видно, что Ленин считал образование внутреннего всероссийского рынка, происходившее на основе развития капитализма, длительным процессом, начавшимся примерно с XVII в. и продолжавшимся в пореформенное время. «...Понятие „рынка“, — указывал он, — совершенно неотделимо от понятия общественного разделения труда, — этого, как Маркс говорит, „общего основания всякого товарного [а следовательно, — добавим от себя — и капиталистического] производства“». „Рынок“ является там и постольку, где и постольку появляется общественное разделение труда и товарное производство. Величина рынка неразрывно связана с степенью специализации общественного труда»⁴².

Развитие товарного хозяйства ведет к образованию отдельных самостоятельных отраслей промышленности, обменивающихся своими изделиями между собой и с земледелием. Тот же процесс специализации проявляется в земледелии, превращая его «в промышленность, т. е. в отрасль хозяйства, производящую *товары*»⁴³. Величина рынка определяется степенью «дробности общественного разделения труда»⁴⁴. Именно с превращением в товар не только продукта труда, но и самой рабочей силы товарное хозяйство «приобретает полное господство и всеобщую распространенность»⁴⁵. То есть формирование всероссийского рынка — это проблема не только обмена, но и производства, проблема зарождения, становления и господства капитализма, возникновения и развития буржуазных (капиталистических) отно-

нений, образования национальных связей и фактического слияния русских областей, земель, княжеств в одно целое. Этот процесс охватывает целую эпоху, начинаясь примерно с XVII в. и продолжаясь в пореформенное время.

Трактовку периода «примерно с 17 века» как начального этапа складывания всероссийского рынка с его буржуазными связями Ленин подкреплял и анализом политических форм государственного строя России. Он отмечал, что складывавшееся на буржуазной основе централизованное крупное государство, представляли собой «громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности»⁴⁶, являло собой на российской почве не что иное, как самодержавие. «Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия), — писал Ленин, — есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги *без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением*. Самодержавие есть поэтому самовластие чиновников и полиции и бесправие народа»⁴⁷. Касаясь эволюции самодержавия в XVII—XIX вв., он отмечал, что классовый характер русского государственного строя за эти три века изменялся в одном определенном направлении⁴⁸. «Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не та, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. яственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии. В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны»⁴⁹.

Двумя годами раньше, в 1909 г., Ленин изложил тот же процесс следующим образом: «...русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма», и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное „сверху“ освободить крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя. Переход к представительным учреждениям национального масштаба

стал необходимостью под влиянием роста капитализма, усиления буржуазии и т. д.»⁵⁰.

Таким образом, в обоих случаях анализ эволюции русского самодержавия в сторону буржуазной монархии Ленин начинает с XVII в., когда Россия вступила в новый период русской истории. Раскрыв содержание этого периода ее развития как разложение феодализма и становление капиталистического уклада, он тем самым дал его всестороннее обоснование с позиций исторического материализма.

Ленинская концепция первоначального этапа формирования всероссийского рынка всегда пользовалась пристальным вниманием советских историков. Однако трактовка ее важнейших положений в исторической литературе далеко не однозначна. Если вопрос о роли формирования с XVII в. торговых отношений всероссийского масштаба не вызывает споров, то иначе обстоит дело с другими сторонами проблемы. Обозначившиеся еще на рубеже 50—60-х годов разногласия не преодолела и всесоюзная дискуссия (1965 г.) по проблемам перехода от феодализма к капитализму в России⁵¹.

Одна группа исследователей (И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов и др.) считает возможным при рассмотрении формирования внутреннего всероссийского рынка ограничиться изучением сферы торговли, полагая при этом, что такой рынок возникает на базе простого товарного обращения и процесс его образования остается целиком в рамках феодальной формации⁵².

Иной подход предлагают те ученые (О. Н. Вилков, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов и др.), которым анализ только торговых связей представляется недостаточным⁵³. Развивая взгляды С. В. Бахрушина, Н. В. Устюгова, они считают необходимым углубленное изучение товарного производства в промышленности и сельском хозяйстве как первопричины происходящих изменений в рыночной области, связывая эти явления с началом развития капиталистических отношений в России. Создание всероссийского рынка, полагаят они, неотделимо от становления в недрах феодального строя новых производственных отношений, по природе своей буржуазных. Отсюда процесс формирования всероссийского рынка предстает как антитеза существующим феодальным порядкам уже с XVII в., по мере его развития противоречия в обществе обостряются. На изменение социальной функции торговли в условиях «нового периода русской истории», указывала также М. В. Нечкина⁵⁴.

Проблема всероссийского рынка исследовалась с помощью как традиционных приемов сравнительно-исторического анализа, так и количественных методов и ЭВМ. К первому направлению относятся работы О. Н. Вилкова, охарактеризовавшего состав товарных масс и динамику торговых оборотов крупнейшего сибирского города Тобольска в периоде с середины XVII в. до начала XVIII в., и П. Н. Павлова, проанализировавшего пушной рынок Восточной Сибири этого времени⁵⁵. Оба автора уделили пристальное внимание вопросам производственного характера, состоянию ремесла и мелкого товарного производства, переработки простого товарного производства в капиталистическое, изменению состава непосредственных производителей, продавцов и покупателей различных товаров, деятельности скупщика и организации сбыта. Обширные статистические таблицы, включенные в монографии, — результат систематической обработки важного источника — таможенных книг. Сибирь предстает в этих работах в качестве неотъемлемой части России, формирующегося всероссийского рынка. Закономерно поставлен вопрос об изучении обратного влияния обширного края на районы европейской части страны с точки зрения роста общественного разделения труда и товарного производства.

Материал о хлебных ценах в России во второй половине XVIII — конце XIX в. послужил основой для монографии И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова, где на основе применения количественного анализа делается вывод о тенденциях нивелировки хлебных цен в исследуемое время⁵⁶. Применение количественных методов не избавляет, однако, от разногласий в оценке полученных результатов. В этом убеждает знакомство с книгой Б. Н. Миронова, где также широко использовались расчеты на ЭВМ⁵⁷. Выводы этого исследователя существенно отличаются от выводов И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова. В частности, Б. Н. Миронов считает, что хлебный рынок общероссийского масштаба сложился уже в середине XVIII в., тогда как И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов полагают, что это произошло столетие спустя. Все это указывает на необходимость продолжения работ с использованием приемов не только количественного анализа, но и традиционной методики.

Вопрос о формировании всероссийского рынка является частью более общей проблемы генезиса капитализма в России. В итоге проведения всесоюзной дискуссии о переходе от феодализма к капитализму в России был выработан общий подход к хронологии формирования капиталистического

уклада в недрах феодального строя. Ныне является общепризнанным, что примерно к 60-м годам XVIII в. возникает устойчивая, необратимая система буржуазных производственных отношений в форме уклада. Последующий период истории феодальной России характеризуется развитием и укреплением капиталистического уклада, перерастающего ко времени отмены крепостного права в капиталистическую общественно-экономическую формацию.

Вместе с тем дискуссия вызвала существенные разногласия в оценке предыдущего этапа развития феодализма в России, прежде всего XVII — первой половины XVIII в. Н. И. Павленко и его коллеги по докладу высказали мнение о выведении указанного периода за рамки процесса генезиса капитализма. Не отрицая появления отдельных ростков, элементов капиталистических отношений в экономике России XVII — середины XVIII в., они не признают за ними жизнеспособности, считают их спорадическими, поглощаемыми и перемалываемыми феодально-крепостнической системой, не исчерпавшей еще своих прогрессивных возможностей и достигшей расцвета в XVIII в.

Эта аргументация иногда подкрепляется тезисом о невозможности одновременного поступательного развития феодальных и буржуазных отношений. Касаясь этого вопроса, Л. В. Черепнин писал: «Академик Н. М. Дружинин убедительно обосновал точку зрения о единовременном развитии и взаимном переплетении феодальных и капиталистических отношений. Говорят, что теоретически это невозможно. Но такова жизнь, объективная действительность»⁵⁸. Разумеется, речь идет не о некоем «миром существовании» двух тенденций развития позднефеодальной России, а о глубоко противоречивом, особенно мучительном для трудящихся масс длительном процессе.

Опираясь на положение Энгельса о «восходящей» и «нисходящей» стадиях антагонистических формаций, М. В. Нечкина высказала плодотворную мысль о том, что оно вполне применимо к России эпохи феодализма⁵⁹. Где-то на рубеже XVI—XVII вв. наступает эпоха «нисходящего» феодализма в России, что одновременно обозначает и начало становления капиталистических отношений. Эту точку зрения разделяют и другие исследователи (И. А. Булыгин, Ю. А. Тихонов, М. Я. Волков, С. М. Троицкий, А. А. Преображенский и др.). Уже в ходе дискуссии 1965 г. ими обосновывался тезис, согласно которому в России XVII — первой половины XVIII в. имелись незатухающие явления буржуазного порядка в различных областях экономики. Господствуют

ций строй мог их деформировать, но налицо были перемены в феодальной системе, хотя еще и малозаметные⁶⁰. Анализ конкретно-исторического материала, изложенного в ряде публикаций последнего времени, свидетельствует о правомерности такой постановки вопроса⁶¹.

Итак, образование всероссийского рынка есть проблема не столько обмена, сколько производства, роста общественного разделения труда, развития городов и прогрессирующего отделения города от деревни, товарного производства в промышленности и в земледелии, распространения наемного труда, широкого развития хозяйственных операций и возникновения торгового капитала в сферу производства. На основе развития этих процессов, как справедливо считают В. И. Буганов, А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов⁶², произошли существенные сдвиги и в торговле. Начиная с XVII в. сеть мелких местных рынков все теснее связывается с областными рынками, а последние интенсивно втягиваются в растущий межобластной обмен, свидетельствующий о рыночных отношениях всероссийского охвата. Именно сдвиги в производстве, длительный и непрерывный процесс превращения товарного хозяйства в капиталистическое придали устойчивости и распространности торговым связям, превратили их во всероссийские. Поэтому формирование всероссийского рынка следует рассматривать как единый и неразрывный процесс возникновения и развития капиталистических отношений, превращения их через уклад в формацию.

2. ТОРГОВО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПУТИ В СИБИРЬ, ПО СИБИРИ И В СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ И ДИНАМИКА ТОРГОВОГО ДВИЖЕНИЯ ПО НИМ

В ряду факторов, способствовавших включению Сибири в орбиту складывавшегося с XVII в. всероссийского рынка, большое значение имела организация регулярного движения по проложенным с Руси в Сибирь и по открытым в ней водным и сухопутным путям сообщения. Дороги служили своеобразным каркасом, стягивавшим обособляющиеся на базе естественно-географического и общественно-экономического разделения труда местности страны в единый хозяйственный организм.

Исследуя процессы колонизации Сибири в XVI и XVII вв., С. В. Бахрушин¹ показал, что русские в своем

движении за Урал, или за «Камень», как его называли в XVII в., воспользовались двумя большими водными путями, которые с незапамятных времен связывали Восточно-Европейскую равнину с Северо-Азиатской. Этими путями были реки Печора и Кама с их притоками.

Вначале был освоен путь по Печоре, известный в XVII в. под названием «чрезкаменного» или просто пути «чрез Камень». Благодаря Северной Двине и ее притокам — Югу и Сухоне, начинающимся на Алаунской возвышенности, он был связан с центром Русской равнины, а восточными притоками Печоры подходил к Уральским горам, образующим водораздел между бассейнами этой реки и Оби. «Чрезкаменный путь» шел в XVII в. от Устья вверх по Вычегде до впадения в нее р. Вымы, далее — вверх по Выми и ее притоку Тетере и по Говнюхе. С верховьев Выми переходили Вымским волоком на Ухту, приток Ижмы, и спускались по Ижме до впадения ее в Печору. От устья Ижмы путь резко поворачивал на восток и поднимался вверх по Печоре².

Близ устья Ижмы происходило соединение с одним очень важным разветвлением «чрезкаменного пути», связывающим Печору с Мезенью, Пинегой и Двиной. Из устья Двины можно было либо ехать морем вдоль берегов до устья Мезени, либо въехать в устье Пинеги, подняться по Пинеге до Пинежского волока, соединявшего Пинегу с Кулоем. Перетаскивая суда на Кулой, спускались вниз по Кулою до впадения его в море, обходили мыс и входили в р. Мезень. Далее путь лежал вверх по Мезени до Пезы и Пезою до так называемого Пезского волока. Этот пятиверстный волок приводил до озера, из которого обычно шли р. Рубихой в Чирку, приток Цильмы, впадавшей в Печору. Существовал, впрочем, и другой путь на озеро — волоком прямо в Цильму. Цильмою входили в Печору. Мезенский путь, связывавший северное побережье Приморья с большой дорогой через Камень, имел очень большое значение в экономической жизни страны. Иногда им пользовались даже при проезде с Печоры на Устюг «для того, чтобы идти к Руси людьми, а не пустым местом»³.

От устья Цильмы и Ижмы «чрезкаменный путь» шел вверх по Печоре и далее по Усе. Из Усы въезжали в ее приток Сось и из Соби в Елец. Верховья Ельца близко подходили к верховьям другой Соби, впадающей в Обь.

«Каменный волок», которым осуществлялся перевал через Уральские горы, прерывался семью озерами. В промежутках между ними приходилось волочить лодки и переносить поклажу на руках. Перевалив через Урал, Обскою

Собью входили в Обь, а «иной дороги, опричь Соби реки, через Камень другим путем нет».

От устья Соби было два пути: либо вверх по Оби на Березов и на Тобольск, либо вниз, к устью Оби, и Обскою губою — в Мангазею, расположенную на восточном побережье Тазовской губы, составляющей часть той же Обской губы⁴.

Кроме пути Усой и Собью в XVI—XVII вв. еще пользовались для переезда через Урал другим притоком Печоры — Щугором. Поднявшись до верховьев Щугора и переездив через горы, спускались в р. Сыгву, а из Сыгвы выезжали в Киртас и из Киртаса в Сосьву, впадающую в Обь.

Судя по карте С. У. Ремезова, у верховьев третьего большого притока Печоры, Илыча, также был «переход из Сибири»⁵.

Пользование «чрезкаменным» путем было сопряжено со многими трудностями и даже опасностями. Он шел по обширным безлюдным лесным пространствам, нередко «тесными речками», по которым вследствие их мелководности лишь с трудом можно было продвигаться «в малых суднях» — «обласах», «каюках», «набойных» лодках, лодках «однодеревках». На таких «худых лодченках» трудно было везти большую поклажу, что служило значительным препятствием к пользованию этим путем. Но, несмотря на неудобства и опасности «чрезкаменного» пути, в течение всего XVII в. он оставался «большой сибирской дорогой», по которой торговые и промышленные люди направлялись, «не займуч Тобольска», в города, расположенные по Оби: Березов, Сургут, Нарым, Кетск, Томск и далее в Енисейск, а также через море в Мангазею.

Движение по «чрезкаменному» пути было далеко не равномерным. В 1638/39 г. «в Собском устье и на Обдорской заставе было с Руси торговых и промышленных людей 919 чел., а в 1639/40 — 745 чел. С Руси через Камень в 1640/41 г. пришло 125 чел., из них 34 чел., исторговавшись, пошли обратно к Руси, 80 пошло в Мангазею, 8 — в Березов и 3 в Енисейск. Обратно через Камень пошло из Тобольска 48 чел. и из других сибирских городов 213 чел., считая служилых людей и гребцов, ехавших с государственной казною, и без указания откуда — 24 чел. Наконец, морем из Мангазеи прибыло 319 чел., которые тоже, лишь за несколькими, может быть, исключениями, пошли через Камень к Руси. Всего, таким образом, из Сибири к Руси через Камень отправилось 638 чел. Всего же зарегистрировано было более 760 случаев проезда «чрезкаменным» путем. Во второй половине XVII в., с прекращением поездок морем в Манга-

зею и с упадком мангазейских промыслов, движение «чрезкаменным» путем сократилось, но было все-таки значительно. Так, летом 1695 г. через Собское устье проехало «в русские города» 224 чел., «из русских городов» — 9 чел.⁶

Давая характеристику «чрезкаменному» пути, С. В. Бахрушин писал: «Он служил преимущественно для обратного путешествия из Сибири к Руси, когда жители перечисленных выше „попизовых“ городов, „торговые люди, испредав свои товары и хлебные запасы, промышленные люди, быв на промыслах“, этим путем отправлялись восвояси. Все движение из Мангазеи к Руси через Камень шло исключительно. Через Камень же везли государству соборную казну из Березова, Сургута, Нарыма, Кетска, Енисейска, Красноярска и Ленского острога. Для пути же в Сибирь предпочитали Верхотурье. По „тесным“ болотным и горным речкам трудно было переправлять с Руси в Сибирь громоздкие товары, которые везлись для меня на пушнину, и, наоборот, самая пушнина легко умещалась в небольших обласах, совершавших путь через Камень. Этим и объясняется то обстоятельство, что движение с востока на запад по „чрезкаменному“ пути было оживленнее, чем с запада на восток»⁷.

В основном соглашаясь с характеристикой, данной С. В. Бахрушиным распределению движения по «чрезкаменному» пути, необходимо отметить, что в 40—50-е годы XVII в. этим путем, несмотря на все трудности транспортировки по «тесным» болотным и горным речкам громоздких товаров, с Руси в Сибирь их все же проходило в два раза больше, чем через Верхотурье. Так, в 1646/47 г. из 76 партий «русских» товаров, провезенных через Березов, 49 партий стоимостью в 4180,8 руб. было доставлено «чрезкаменным» путем, а 27 партий стоимостью в 2003 руб. — через Верхотурье. В 1655/56 г. из 21 партии «русских» товаров, привезенных на Березов с Руси, 13 партий на 5034 руб. было доставлено через Камень, а 8 партий на 3107,7 руб. через Верхотурье. Отсюда видно, что С. В. Бахрушин серьезно недооценивал значение «чрезкаменного» пути для ввоза «русских» товаров в Сибирь. Данные же по транспортировке сибирской пушнины на Русь подтверждают его выводы. В 1646/47 г. из 25 партий пушнины, провезенной через Березов на Русь, 23 партии 3058,2 руб. было отправлено «чрезкаменным» путем и только 2 партии стоимостью 271,8 руб. пошли на Тобольск. В 1655/56 г. все 114 партий пушнины пошли с Березова на Русь «чрезкаменным» путем⁸.

Для Тобольска и других поселений, расположенных в бассейне Иртыша и соединенных с Русью другими путями,

«чрезкаменный» путь никогда не имел большого транспортного значения. Даже в первой половине XVII в. «чрез Камень с Руси» приходило в Тобольск незначительное количество торговых людей. В большинстве случаев это были «не исторговавшиеся» на Обдоре и в Березове торговые люди. В 1639/40 г. их было 5 чел. Вместе с ними в Тобольск приехали 10 промышленных и гулящих людей⁹. В 1655/56, 1661/62, 1669/70 гг. вообще не было ни одного человека, приехавшего в Тобольск «чрез Камень с Руси». В 1670/71 г. «чрез Березов с Руси» приехали в Тобольск 8 чел. тобольских промышленных и гулящих людей, ездивших на Мезень за своими семьями¹⁰. Немногим оживленнее было и обратное движение. В 1639/40 г. из Тобольска пошло «чрез Камень на Русь» 13 чел. торговых людей, 66 чел. гулящих людей, 1 служилый, 1 крестьянин, 1 бухарец, в 1661/62 г. — 3 чел. торговых людей и 2 чел. гулящих людей, в 1669/70 г. — 1 торговый человек и 3 чел. гулящих людей¹¹. Незначительность торгового движения «чрезкаменным» путем объясняется тем, что торговые, промышленные и гулящие люди предпочитали другие пути, каких было несколько.

В XV—XVI вв. наиболее известен был путь «от Соли Камской мимо Чердынь водяным путем Вишерою (приток Камы, на котором стоит Чердынь) вверх, да через Камень в Лозьву реку, да Лозьвою вниз в Тавду реку, да Тавдою рекою вниз до Тобола реки»¹² и далее по Иртышу и Оби. Путь Камюю через Чердынь имел то преимущество, что он был тесно связан с Вычегдой и Печорой. С Вычегдой он соединялся двумя артериями: либо непосредственно от Соли Вычегдской р. Виледью и Вилецким волоком на Сысолу, из Сысолы Ужгою и волоком на Каму к Гайнам и в Вишеру к Чердыни, либо с верховьев Вычегды р. Немом и волоком на Вишерку, приток Колвы, впадающей в Вишеру близ Чердыни. На Печору путь шел из Вишеры в Колву до Вишерки, выходящей из Чусовского озера; в Чусовское озеро впадает р. Березовка с притоком Вогулкою, которая подходит очень близко к верховьям р. Волосницы, притока Печоры¹³.

Другой путь с Камы на Урал шел по ее притоку Чусовой до устья впадающей в нее р. Серебрянки, по Серебрянке — до Тагильского волока; волоком в 25 «поприщ» на р. Жаравля, из Жаравли в Баранчу, из Баранчи в Тагил, из Тагила в Туру. Имелся, кажется, и другой вариант того же пути по Сылве, притоку Чусовой¹⁴.

В 1597 г. соликамский посадский человек Артемий Бабинов «проведал» новую дорогу сухим путем, которая вела

прямо на верховья р. Туры. С основанием в 1598 г. города Верхотурья эта Бабиновская дорога была объявлена правительственным трактом, взамен отмененного тракта на Лозьву, и с тех пор она оставалась таковым до 1763 г. Дорога на Верхотурье шла от Соли Камской через р. Усолку и Сурмаг и верховья Яймы на р. Косью и далее по р. Кырье, притоку Косью. Перевалив через Урал, дорога пересекла р. Павду, приток Ляли, принадлежащий к бассейну Сосьвы, затем переходила через Лялю на р. Мостовую, впадающую в Туру, и достигала Верхотурья. От Москвы до Соли Камской ехали через Троице-Сергиев монастырь, Переяславль, Ростов, Ярославль, Вологду, Устюг, Сольвычегодск, Кайгородок, Соль Камскую или через Коломну, Рязань, Касимов, Муром, Нижний Новгород, Козьмодемьянск, Казань, от которой проезжали или через Тетюши на Соль Камскую, или «на Тюмень» степью¹⁵.

Вследствие болотистости почвы и обилия рек эта дорога была пригодна для проезда в зимнее время и в засушливое лето. Кроме того, она была небезопасна для проезда, поэтому после основания Ирбитской слободы (1631 г.)¹⁶ сухопутный торговый путь принял несколько иное направление, по местам более заселенным и безопасным. Именно: он шел из Верхотурья через села Саддинское и Мурганское (на Бабиновской дороге к Туринску), отсюда поворачивал несколько к югу и шел на слободы: Невьянскую (1619 г.), Рудную (1637 г.), Ницынскую (1635 г.), Ирбитскую (1631), Киргинскую (1635), Чубаровскую (1624), Верхне-Ницынскую (1627), Краснослободскую (1624), Усть-Ницынскую (1622), потом на перегон Тюмень — Тобольск. Этот путь назывался Слободским¹⁷.

Верхотурская дорога являлась основной транспортной магистралью, связывавшей Сибирь с Русью. Ежегодно по ней проходило большое количество людей и грузов. Об интенсивности этого движения можно судить по данным табл. 1.

Движение с запада на восток по Верхотурской дороге было оживленнее, чем с востока на запад. Так, по Верхотурской дороге в 1639/40 г. в Сибирь прошло в 63 раза больше людей, чем вышло из Тобольска на Русь¹⁸, в 1655/56 г. в 4,2 раза, в 1661/62 г. — в 4,1; в 1669/70 г. — в 6,3 и в 1670/71 г. — в 5,5 раза.

Сокращение разрыва было вызвано: а) юридическим оформлением крепостного права в стране (Уложение 1649 г.) и «испромышлением» ценного пушного зверя в Сибири, в результате чего произошло двенадцатикратное уменьшение

Таблица 1
Динамика торгово-промышленного движения по Верхотурской дороге
(по данным Тобольской таможни 1639—1671 гг.)*

Категория населения	1639/40		1655/56		1661/62		1669/70		1670/71	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Пришло в Тобольск с Руси										
Жители Руси: торговцы, их родственники промышленные люди гулящие *	132	9,7	111	29,9	169	51,5	136	28,0	169	23,7
	169	12,4	9	2,4	41	12,5	8	1,6	97	13,6
	1022	75,1	159	42,9	5	1,5	146	30,1	1	0,1
Итого . . .	1323	97,2	279	74,2	215	65,5	290	59,7	267	37,4
Жители Сибири: служилые люди	1	0,07	7	1,9	22	6,7	73	15,1	202	28,3
посадские	7	0,5	3	0,8	21	6,4	31	6,4	44	6,2
крестьяне	8	0,6	9	2,4	15	4,6	7	1,4	52	7,3
бухарцы	—	—	1	0,3	—	—	9	1,9	13	1,8
татары	—	—	1	0,3	—	—	9	1,9	28	3,9
Итого . . .	16	1,17	21	5,7	58	17,7	129	26,7	339	47,5
Всего . . .	1339	98,4	300	80,9	273	83,2	419	86,4	606	84,9
Вышло из Тобольска на Русь										
Жители Руси: торговцы, их родственники и «люди» промышленные люди гулящие *	6	0,4	51	13,7	42	12,8	41	8,5	43	6,0
	2	0,2	—	—	6	1,9	2	0,4	3	0,4
	8	0,6	3	0,8	—	—	2	0,4	2	0,3
Итого . . .	16	1,2	54	14,5	48	14,7	45	9,3	48	6,7
Жители Сибири: служилые люди	1	0,07	5	1,3	2	0,6	6	1,2	24	3,3
посадские	4	0,3	4	1,1	2	0,6	10	2,1	26	3,6
крестьяне	—	—	7	1,9	2	0,6	2	0,4	9	1,2
бухарцы	—	—	1	0,3	—	—	1	0,2	2	0,2
татары	—	—	—	—	1	0,3	2	0,4	1	0,1
Итого . . .	5	0,37	17	4,6	7	2,1	21	4,3	62	8,4
Всего . . .	21	1,6	71	19,1	55	16,8	66	13,6	110	15,1
Всего в оба кон- ца по этой до- роге . . .	1360	100	371	100	328	100	485	100	716	100
% к движению по всем доро- гам . . .	45,5	—	37,5	—	33,6	—	49,9	—	56,5	—

* * ЦГАДА, СП, тобольские таможенные книги: 44 (1639/40), л. 1—89; 348 (1655/56), л. 1—434; 433 (1661/62), л. 1—327; 540 (1669/70), л. 1—442; 547 (1670/71), л. 1—456.

количества промышленных и гулящих людей (с 1191 до 98 чел.), направлявшихся на сибирские пушные промыслы по Верхотурской дороге и в большинстве своем остававшихся в Сибири на постоянное жительство; б) возрастанием количества торговых людей, возвращавшихся на Русь с «сибирских торгов и промыслов» по Верхотурской дороге (с 6 до 43 чел.), и сокращением количества торговых людей, отправлявшихся на Русь «мимо Березова за Камень»; в) расширением и упрочением торговых связей Тобольска с верхотурскими, туринскими, тюменскими и тобольскими слободами, в результате чего увеличилось количество лиц, курсировавших по Верхотурской дороге между ними и являвшихся выходцами из местного русского и коренного населения; г) расширением и упрочением торговых связей Тобольска с городами Европейской России, что вызвало увеличение количества самих сибиряков, отправлявшихся по Верхотурской дороге на Русь с товарами и деньгами¹⁹.

Все эти изменения были связаны с развитием производительных сил, углублением общественного разделения труда, ростом товарного производства в Сибири и стране в целом, в результате чего в торгово-промышленном движении между Тобольском и Русью по Верхотурской дороге в оба конца в 1670/71 гг. превалирование перешло от жителей Руси (315 чел.) к жителям Сибири (401 чел.).

Среди сибиряков первое место в совокупном движении по Верхотурской дороге в оба конца за 5 лет принадлежало служилым людям (343 чел.), второе — посадским (152 чел.), третье — крестьянам (109 чел.), четвертое — татарам (42) и пятое — бухарцам (27 чел.).

По интенсивности торгового движения Верхотурская дорога занимала главенствующее, почти монопольное положение среди всех проложенных между Сибирью и Русью дорог. По ней (в оба конца) в 1639/40 г. прошло 1360—1586 чел., в 1655/56 г. — 371—392, в 1661/62 г. — 328—346, в 1669/70 г. — 485—667, в 1670/71 г. — 633—714 чел., а по всем остальным дорогам — соответственно 316—90, 77—56, 97—79, 110—28 и 138—57 чел. На долю Верхотурской дороги приходилось от 33,6 до 56,5 % всего торгового и промышленного движения в оба конца, зарегистрированного в тобольской таможне в течение 1639—1671 гг.

Материалы верхотурских таможенных книг 1671/72 и 1687/88 гг., представленные в табл. 2, подтверждают данные тобольских таможенных книг о происходившем в течение этого периода сокращении торгово-промышленного движения по Верхотурской дороге. Если в 1671/72 г. через

Таблица 2
Торгово-промышленное движение через Верхотурье (по данным Верхотурской таможни 1671—1688 гг.)*

Категория населения	1671/72		1687/88	
	чел.	%	чел.	%
<i>Движение с Руси на Верхотурье</i>				
Жители Руси:				
торговцы	122	10,3	156	23,3
их родственники и «люди»	520	43,7	201	30,0
промышленные люди	21	1,8	20	3,0
гулящие *	84	7,1	131	19,7
Итого . . .	747	62,8	508	76,0
Жители Сибири:				
служилые люди	55	4,6	80	12,0
посадские	10	0,8	14	1,5
крестьяне	33	2,8	21	3,1
бухарцы	—	—	2	0,9
Итого . . .	98	8,2	117	17,5
Без указания социальной принадлежности	41	3,4	24	2,7
Всего с Руси	886	74,4	649	90,2
<i>Движение из Сибири на Русь через Верхотурье</i>				
Жители Руси:				
торговцы	63	5,3	43	2,3
их родственники и «люди»	179	15,0	—	—
промышленные люди	2	0,2	4	0,6
гулящие *	26	2,2	—	—
Итого . . .	270	22,7	47	2,9
Жители Сибири:				
служилые люди	16	1,3	—	—
посадские	2	0,2	1	0,45
крестьяне	12	1,0	—	—
бухарцы	4	0,1	—	—
язичники	3	0,3	—	—
Итого . . .	34	2,9	1	0,45
Без указания социальной принадлежности	—	—	1	0,45
Всего из Сибири	304	25,5	49	3,8
Всего прошло через Верхотурье	1190	100,0	668	100,0

* Квешинская Т. Е. Верхотурье — транзитно-транспортный центр Западной Сибири в 70—80-е гг. XVII в. // Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. — Новосибирск, 1978. — С. 51—54; ЦГАДА, СП, верхотурские таможенные книги 558 (1671/72 г.) и 886 (1687/88).

Верхотурье пришло в Сибирь с Руси 886 чел., а обратно ушло 304 чел., то в 1687/88 г. только 649 и 19 чел. соответственно. Здесь так же, как и по тобольским таможенным книгам, прослеживается превалирование прихода с Руси в Сибирь над обратным выходом на Русь. Но, в противоположность тобольским данным, в самом движении доминировали уже жители Руси, а не сибиряки. Хотя удельный вес сибиряков в приходе с Руси вырос с 8,2 % (98 чел.) в 1671/72 г. до 17,5 % (117 чел.) в 1687/88 г., но в выходе на Русь упал с 2,9 % (34 чел.) в 1671/72 г. до 0,45 % (1 чел.) в 1687/88 г.

Сокращение прихода в Сибирь через Верхотурье родственников и «людей торговых людей» с 520 чел. в 1671/72 г. до 201 чел. в 1687/88 г. было связано с «испромышленением» соболя, конкуренцией других дорог, функционированием Ирбитской ярмарки и замнякой в торговле с Китаем и Джунгарией в силу начавшихся в самом конце 1687 г. военных действий между монголами и джунгарами. Халха, раздираемая феодальными междоусобицами, оказалась в состоянии военного конфликта не только с Джунгарией, но и с Россией, которая была единственным соседом, ни в коей мере не угрожавшим ее самостоятельности. Цинская империя, создавшая еще до этого военную обстановку на дальневосточных рубежах России, занимала в этом конфликте небезучастную позицию²⁰.

Торгово-промышленное движение по Верхотурской дороге происходило в течение года неравномерно. Наиболее оживленным для Верхотурья оно было в феврале — апреле, на которые приходилось 86 % всех пришедших с Руси в 1671/72 г., а для Тобольска в мае — июне, когда в Тобольск в 1639—1671 гг. прибывало 80—90 % всех торговых, промышленных, гулящих и прочих людей, приходивших «с Руси»²¹.

Наряду с официальной Верхотурской дорогой продолжала существовать «старая Казанская дорога» через Уфимские степи на Тюмень. В середине XVII в. устанавливается одно направление этой дороги — через основанный в 1649 г. Кунгур. В последней четверти столетия оно приобретает довольно заметное значение. Эта «через Урал-Камешь проежащая большая дорога» шла с Кунгура на р. Бисерть, приток Уфы, с верховьев Бисерти на верховья Чусовой и пересекла ее, «не хватая Чусовской (Уткинской) слободы»²². Затем дорога раздваивалась: в северо-восточном направлении она шла рекою Уткою и Режью на Арамашевскую слободу к Ирбиту, а на юго-запад от верховьев Чусовой на вер-

ховья р. Исеть к слободам Арамилской, Колчеданской и Катайской и к Далматову монастырю, а далее через Тюмень на Тобольск.

Несмотря на неоднократные запрещения пользоваться этой «окольной дорогой» мимо устроенного яма и на угрозы высылки ослушников в Москву, во второй половине XVII в. через Кунгур не только ездили «из русских городов в Сибирь торговые, и промышленные, и гулящие люди, и семейники», в частности «по вся-годы» ездили туда и обратно «купеческие люди» с товарами и с рыбой, и ходили «из Сибири на Русь из слободок с Тюмени слободские всяких чинов и промышленные русские люди, и иноземцы для русской хмелевой и восковой покупок и в Сибирь с Руси для сибирских же покупок». Ею пользовались также сибирские воеводы и служилые люди, ездившие по казенной надобности: «ныне де налажена из Сибири, мимо Верхотурскую заставу, дальная вновь окольная дорога по слободам, через Утку и Кунгур на Каму реку в русские города, и ездят же тою новою окольною дорогою всяких чинов люди — сибирские дети боярские и служилые и торговые и иноземцы всякие люди, с Руси с русскими, а из Сибири с сибирскими товары и с мягкой рухлядью, летним и зимним путем беспрестанно», — писали уже в 1659 г. из Москвы верхотурскому воеводе²³.

Об интенсивности движения по Кунгурской дороге можно судить по данным табл. 3. Они показывают, что в течение 1639—1671 гг. торговое движение по этой дороге увеличилось. Если в 1639/40 г. по ней прошло только 9 чел., то в 1655/56 г. — 37, в 1661/62 г. — 51, в 1669/70 г. — 24 и в 1670/71 г. — 44 чел. Большинство составляли служилые, посадские, крестьяне, бухарцы, татары, башкирцы, чуваш, привозившие в Тобольск исетский хлеб, скот и хмель, китайский воск, уфимский мед и воск, казанские кожевенные изделия и отвозившие обратно русские, бухарские и китайские товары, соль, рыбу, икру, «тобольской вари мыло», тобольские коты, шапочные изделия и другие промышленные товары²⁴. Следовательно, по Казанской дороге шли в Тобольск не столько товары русского промышленного производства, сколько продукты сибирского и поволжского сельскохозяйственного и промыслового хозяйства. О значении западных дорог («чрезкаменной», Верхотурской, Казанско-Кунгурской) в общей системе всех сходящихся в Тобольске путей свидетельствуют также данные, приведенные в табл. 4. По количеству перевезенных в Тобольск лиц эта группа дорог занимала первое место, а по количеству пере-

Таблица 3*

Динамика движения по Казанско-Кунгурской дороге в 1639—1671 гг.**

Категории населения	1639/40		1655/56		1661/62		1669/70		1670/71	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11

Пришло в Тобольск с Руси

Жители Руси:	9	100	5	13,5	—	—	1	4,2	2	4,5
торговцы, их родственники и «люди»	25	11,1	4	19,0	4	22,2	2	2,4	3	3,7
промышленные люди	—	—	—	—	—	—	2	83,3	—	—
гулящие *	15	6,6	—	—	—	—	6	7,3	—	—
Жители Сибири и прочие:	141	62,4	—	—	—	—	—	—	—	—
служилые люди	—	—	9	24,3	—	—	6	25,0	6	13,6
	4	1,8	—	—	—	—	3	3,7	26	32,1
посадские	—	—	—	—	2	3,9	—	—	5	11,4
	3	1,3	—	—	1	5,6	16	19,5	8	9,9
крестьяне	—	—	—	—	3	5,9	—	—	5	11,4
	2	0,9	—	—	—	—	6	7,3	18	22,2
бухарцы	—	—	2	5,4	4	7,8	3	12,5	1	2,3
	2	0,9	9	42,9	—	—	—	—	—	—
татары	—	—	4	10,9	8	15,8	1	4,2	2	4,5
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
чуваши	—	—	—	—	10	19,6	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
башкирцы	—	—	—	—	2	3,9	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	9	100	20	54,1	29	56,9	13	54,2	21	47,7
	192	85,0	13	61,9	5	27,8	33	40,2	55	67,9

Вышло из Тобольска на Русь

Жители Руси:	—	—	—	—	4	7,8	—	—	4	9,1
торговцы, их родственники и «люди»	6	2,6	2	9,5	—	—	3	3,7	2	2,5
промышленные люди	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	4	1,8	—	—	—	—	—	—	—	—
гулящие *	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	13	5,7	1	4,8	—	—	—	—	—	—

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Жители Сибири и прочие: служилые люди	—	—	6	16,2	2	3,9	4	16,7	6	13,6
	2	0,9	—	—	3	16,7	14	17,1	13	16,0
посадские	—	—	2	5,4	1	2,0	1	4,2	4	9,1
	4	1,8	—	—	8	44,4	23	28,0	8	9,9
крестьяне	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2,3
	—	—	—	—	—	—	9	11,0	3	3,7
бухарцы	—	—	8	21,6	4	7,8	6	25,0	5	11,4
	5	2,2	4	19,0	2	11,1	—	—	—	—
татары	—	—	1	2,7	3	5,9	—	—	3	6,8
	—	—	1	4,8	—	—	—	—	—	—
чуваши	—	—	—	—	7	13,7	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
башкиры	—	—	—	—	1	2,0	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	—	—	17	45,9	22	43,1	11	45,8	23	52,3
	34	15,0	8	38,4	13	72,2	49	59,8	26	32,4
Всего . . .	9	100	37	100	54	100	24	100	44	100
	226	100	21	100	18	100	82	100	81	100

* ПГАДА. СП, кн. 44, 348, 423, 547 (тобольские).

** И числители — количество лиц, про которых прямо сказано, что они пришли по Казанской дороге: «едет через Тюмень и слободы степью на Казань» (СП, кн. 547, л. 98); и знаменатели — лиц, пришедших и ушедших из «Тюмени и слободы в Тюбильск и обратно, без указания, по какой дороге (Верхотурской или Казанской) они пришли на Тюмень. И сразу этого мы относим их целиком к Казанской дороге или Верхотурской. Отсюда и двойное число: например, в 1639/40 г. по Верхотурской дороге прошло 1360—1586 чел.

возвешных из Tobольска лиц — последнее. И такое положение сохранялось на всем протяжении 1639—1671 гг.

Прежде чем переходить к анализу торгово-промышленного движения из Tobольска по восточной и южной группам дорог, выводящих путников к берегам Тихого океана, а также в сопредельные страны (Казахстан, Среднюю Азию, Джунгарию и Китай), рассмотрим трассы, динамику и состав торгово-промышленного движения по одиннадцати дорогам Tobольского разряда, часть которых возникла одновременно с прокладкой и освоением западной группы дорог.

Таблица 4

Роль западных дорог в торгово-промышленном движении через Tobольск (1639—1670 гг.)*

Дороги	1639/40		1655/56		1661/62		1669/70	
	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.
<i>Прибывающие в Tobольск</i>								
Западные	82,1	1363	62,4	320	60,6	302	60,7	432
Остальные **	17,9	299	37,6	192	39,4	196	39,3	279
Итого . . .	100,0	1662	100,0	512	100,0	498	100,0	721
<i>Убывающие из Tobольска</i>								
Западные	7,7	102	20,2	96	17,2	82	14,4	81
Остальные	92,3	1219	79,8	379	82,8	394	85,6	461
Итого . . .	100,0	1321	100,0	475	100,0	476	100,0	542
<i>Торгово-промышленное движение по всем сходящимся в Tobольске дорогам (и оба конца)</i>								
Западные	49,1	1465	42,1	416	39,4	384	40,3	513
Остальные	50,9	1518	57,9	571	60,6	590	59,7	750
Всего . . .	100,0	2983	100,0	987	100,0	974	100,0	1263

* ПГАДА. СП, кн. 44, 348, 423, 540.

** Восточные и южные, а также местные Tobольского разряда.

Крупным узлом этих местных дорог был Tobольск, лежащий при впадении Tobола в Иртыш, на правом берегу последнего. Основными путями сообщений служили реки Иртыш и Tobол, расходящиеся тремя радиусами на север, юго-запад и юго-восток. Вместе с несколькими сухопутными дорогами они придавали Tobольску положение естественного центра всей транспортной сети Сибири.

Дорога из Tobольска на Пелым тянулась по рекам Tobолу и Тавде мимо Тавдинской слободы, Кошутского городка и Табаринской слободы²⁵ и функционировала круглый год. Водным путем расстояние от Tobольска до Пелыма проходило за три недели, а зимним санным — за 9—11 дней. Летом на лошадях можно было проехать только до Табаринской слободы. На это уходило 9 дней. Дальше на Пелым сухопутной дороги не было²⁶.

Торгово-промышленное движение между Tobольском и Пелымом было небольшое, что подтверждается следующи-

ми данными тобольских таможенных книг о количестве прошедших по этой дороге: 1639/40 г. — 0, 1655/56 г. — 3 чел., 1661/62 г. — 1 чел., 1668/69 г. — 0, 1686/87 г. — 2 чел.²⁷ Из Пелыма в Тобольск везли соболей, собольи пушки и хвосты, бобровую черевись, выдр, красных и седых лисц, горностаев, кошлаков, белок, белчиц шубы, собольи шубы и подскоры, лисьи подскоры, обратно же в Пелым отвозили пртышскую рыбу, ямышевскую соль и тобольское мыло. Следовательно, по Пелымской дороге в Тобольск шли пушнина и изделия из нее, а из Тобольска в Пелым — промысловая и промышленная продукция сибирского производства, в которой нуждался Пелым²⁸.

Второй путь шел от «царствующего города Тобольска вверх по р. Тоболу» мимо Суклемского погоста и устья Тавды к устью Туры, войдя в которую поднимался по ней мимо Покровской «митропольей» слободы, устья Пышмы, города Тюмени, устья Ницы, Туринской слободы, города Туринска, Благовещенской, Тагильской и Салдинской слобод к Верхотурью²⁹. Все это более чем 540-верстное расстояние от Тобольска до Верхотурья можно расчленить, согласно Чертежу 1640 г., на три самостоятельных перегона: Тобольско-Тюменский, Тюменско-Туринский и Туринско-Верхотурский. На прохождение перегона Тобольск — Тюмень водным путем «в дощаниках» требовалось 10 дней, а обратно — 7 дней. «Летним сухим путем, лошадыми» это расстояние покрывалось «за 7 дней, а зимним путем — в пять дней». Расстояние от Тюмени до Туринска «водным путем в дощаниках» проходили за 9 дней, в обратном направлении — за 4 дня; «а зимним и летним путем из Туринского острогу до Тюмени ездю 3 дни». От Туринска до Верхотурья на дощаниках пробирались за 9 дней, а в обратном направлении — за 5,5 дня. «А зимним и летним сухим путем до Туринского острогу лошадыми ездю 4 дни, а наскоро 3 дни». Следовательно, от Тобольска до Верхотурья можно было доехать в дощаниках за 28 дней, а в обратном направлении — за 16,5 дня. Сухопутьем это расстояние покрывалось зимой за 12, а летом за 14 дней³⁰.

Интенсивность торгово-промышленного движения на отдельных участках этой трассы была различна. Наибольшей интенсивностью движения отличался перегон Тобольск — Тюмень, меньшей Тобольск — Верхотурье и еще меньшей Тобольск — Туринск. В 1639/40 г. прошедших из Тобольска в Тюмень и обратно было 61 чел., в 1655/56 г. — 22, в 1661/62 — 10, в 1668/69 г. — 31 и в 1686/87 г. — 19 чел., т. е. всего за 5 лет 143 чел., а из Тобольска в Верхотурье

и обратно — соответственно 9, 17, 2, 20 и 15, всего 63 чел. Из Тобольска в Туринск и обратно за эти же годы прошло только 10 чел. (1639/40 г. — 0, 1655/56 г. — 1, 1661/62 г. — 5, 1668/69 г. — 5, 1686/87 г. — 4). Всего же по этой трассе пришло в Тобольск и ушло обратно в Тюмень, Туринск, и Верхотурье 218 чел. (1639/40 г. — 70, 1655/56 г. — 40, 1661/62 г. — 17, 1668/69 г. — 51, 1686/87 г. — 38). По интенсивности торгово-промышленного движения эта трасса занимала среди всех других местных дорог одно из первых мест.

Однако экономическая значимость этой дороги, совпадающей с основным движением с Руси в Сибирь и обратно, определялась не столько количеством прошедших по ней людей, сколько тем, с какими сибирскими товарами они прошли. Хотя тобольские, сургутские, томские и тарские таможенные книги содержат очень мало сведений о внутреннем товарообмене Тобольска с Верхотурьем, Туринском, Тюменью, Березовом, Сургутом, Томском, Тарой, но все же кое-какие данные такого рода из них можно почерпнуть. Так, удалось установить, что из Тюмени в Тобольск привозили продукты питания: рожь, ржаную муку, солод, овес, овсяную крупу, толокно, ячмень, «яшную» крупу, горох, пшеницу, пшеничную муку, коровье масло, говяжье сало, свиное и говяжье мясо, а также скот (коров, быков, петелей), промысловую продукцию (смола, деготь, рыбий клей, хмель), промышленные изделия (сермяжное сукно, досинные камысы, дубленые, сыромятные и юфтяные кожи, овчинные деланные, бичева, блюда крайчатые, окончины слюдяные, мочальные шлеи) и татарский «ясырь»; обратно отвозили рыбу (стерлядей, осетров, муксунов, челбышей, язей, лещей, щук, налимов, нельм, сырков), рыбью икру, соль, хмель, тобольское мыло, выделанные кожи, телятнинные коты, олени рождуги, шапки женские и деньги. Следовательно, Тюмень снабжала Тобольск своей сельскохозяйственной и животноводческой продукцией и изделиями кожевенного, деревообделочного и ткацкого производства, а из Тобольска получала промысловую продукцию (рыбу, рыбий жир, икру, хмель, соль) и промышленную (мыло, кожи, коты, рождуги, шапки), которой недоставало в Тюмени, а также деньги.

Несколько иной характер носил товарообмен между Тобольском и Верхотурьем. Из Верхотурья в Тобольск везли изделия кожевенной (юфти дубленые, яловичные, сырые кожи; досинные камысы, сколоты подошвенные тройные), сапожной (коты красные телятнинные), деревообделочной (блюда деревянные крайчатые, окончины слюдяные, ложки ко-

резки), неводной (пряжа неводная, дели неводные), железоделательной (скобы судовые) и свечной (сальные свечи) промышленности, брусы точильные, жернова ручные, промысловую продукцию (медь, хмель) и продукты питания (мясо, коровье сало, рожи, овес, пшеницу). Из Тобольска в Верхотурье привозили соболей, недособолей, лисиц, недолбесей, весцов, заячины, барсуков, подберезовиц, бобровую, крылья лебязки, рыбу разных видов и сортов, рыбью икру, рыбий жир, соль, клей, треухи соболей, ролдуги, яловичные кожи, голицы, лук, слюду шиптуху. Таким образом, Верхотурье снабжало Тобольск не столько земледельческой и скотоводческой продукцией, сколько промышленной, а из Тобольска в Верхотурье шли промыслово-промышленные изделия.

Из Туринска же в Тобольск везли сельскохозяйственную и животноводческую продукцию (ржаную муку, ржаной солод, овес, пшеницу, крупу, толокно, ячмень, свиное мясо, крупный рогатый скот), промышленные изделия (телятничные коты, слободской холст, неводную пряжу, сани, готовые избушки срубы) и промысловую продукцию (хмель, воск), а в обратном направлении — мыло простое «тобольской вари», рыбу и рыбий жир, соль. Следовательно, благодаря функционированию второго местного пути Тобольск мог получать тюменскую сельскохозяйственную и животноводческую продукцию, овчинные, кожевенные и волокнистые изделия тюменских мастеров, товары верхотурской кожевенной, сапожной, деревообделочной, свечной и железоделательной промышленности, туринские продукты питания, строительные материалы, промысловое сырье, в которых он нуждался; обратно отправлял то, что сам имел в излишке, — пушнину, соль, деньги, мыло, кожи, готовую обувь, женские шапки, лук и т. д.

Третий путь шел от Тобольска вверх по рекам Тоболу и Туре до устья р. Ницы, а затем поднимался по ней мимо Усть-Ницынской, Нижне-Ницынской, Верхне-Ницынской, Чубаровской, Киргинской, Ирбитской, Ощепковской и Рудной слобод к Невьянской слободе, расположенной при слиянии образующих Ницу рек Невья и Режа. Отсюда, идя Режем мимо Арамашевской слободы, можно было попасть в Аяцкую слободу, а идя Невью — в Краснополюскую слободу, пройдя при этом Богоявленский монастырь, Алапаевскую и Мураинскую слободы. Идущие в Белослудскую слободу доходили по Нице до Усть-Ирбитской слободы, а затем, войдя в р. Ирбит, поднимались по ней до названной выше слободы.

Согласно Чертежу 1672 г., протяженность сухопутной трассы этого пути от Тобольска до Невьянской слободы через Тюмень, Усть-Ницу и Ирбит составляла 349 верст, и это расстояние преодолевалось лошадьми примерно в две недели. А от Невьянской слободы до Краснополюской и Аяцкой слобод считалось примерно по 80 верст³¹.

О важности этого пути для Тобольска свидетельствует состав товаров, провозимых по нему в Тобольск и из него. Из расположенных по Нице слобод в Тобольск поступали продукты питания (рожи, ржаная мука, ржаной солод «роща», молотый солод, овес, овсяная крупа, толокно, ячмень, ячная крупа, пшеница, пшеничная мука, горох, коровье масло, свиное мясо), лошади и крупный рогатый скот, сырые кожи, воск, хмель, изделия крестьянской домашней промышленности — слободские холсты, сермяжное сукно и пенька, а обратно из Тобольска отвозились рыба, рыбий жир, рыбья икра, соль, восковые свечи, кожи красные конинные яловичные и волины, «деланные розвалей» и «ролдуги оленьи деланные», простое мыло, готовая одежда, «шапки женские пух бобровый под верхом атласным», а также деньги. Недаром же в источнике 1653 г. указывалось, что «если хлеба из Тюмени и из слобод не повезут, то в Тобольске хлеба не добыть и по 4 рубли»³². Такое же явление отметил сибирский губернатор 20-х годов XVIII в. М. О. Долгорукий: «Обыватели в Тобольску хлебу никто сами не пахут... а покупают всегда с торгу»³³.

На базе значительного в Сибири XVII в. естественно-географического и общественно-экономического разделения труда происходило развитие товарного производства и укрепление экономических, в том числе товарно-денежных, связей между различными пунктами.

Четвертый путь шел от Тобольска вверх по Тоболу и по его притоку Туре до устья р. Пышмы, войдя в которую, тянулся по ней мимо Беляковской, Угетской, Куяровской, Пышменской, Красноярской, Новопышминской слобод до слободы Белоярской. Протяженность сухопутной трассы этого пути, проходившей через Тюмень, составляла примерно 290 верст. До расположенной немного в стороне от этого пути Буткинской слободы поднимались вверх по р. Беляковке³⁴.

О все расширявшихся и упрочивавшихся торговых связях Тобольска с поименованными выше земледельческими слободами, расположенными по берегам Ницы, Ирбита, Режа, Невья, Пышмы и Беляковки, свидетельствуют следующие данные: в 1639/40 г. из этих слобод пришло в Тобольск

и ушло обратно в слободы 17 чел., в 1655/56 г. — 24, в 1661/62 г. — 29, в 1668/69 г. — 73 и в 1686/87 г. — 78 чел.

Пятый путь тянулся от Тобольска вверх по р. Тоболу до устья Исети, а затем по ее притокам: Миасу, Тече и Синаре, соединив с Тобольском Инчалинскую, Бешкильскую, Архангельскую, Красногорскую, Тусяцкую, Меховскую, Маслинскую, Усть-Миасскую, Шадринскую, Красномысскую, Крутихинскую, Багаряцкую, Теченскую, Арамилевскую, Пещенскую, Окуневскую, Воскресенскую, Чумлиевскую слободы и Исетский, Катайский, Колчеданский остроги, Рафалову пустынь, Козький и Далматов монастыри. От Тобольска до Катайского острога было около 405 верст, а до истоков Синары — около 530 верст³⁵.

Этим путем из Исети в Тобольск привозили рожь, ржаную муку, ячмень, пшеницу, пшеничную муку, овес, скот, говяжье мясо, коровье масло, битую домашнюю птицу (гусей), шкуры кониные, овечью шерсть, коноплю, воск, хмель, бревна, тесницы, драницы, готовые срубы, рыбу, обратно отвозили соль и продукцию кожевенной, свечной и мыловаренной промышленности.

Местное торгово-промышленное движение по этой дороге развернулось в основном после 1669 г. Так, в 1639/40 г. в тобольских таможенных книгах еще не был зарегистрирован проезд в Тобольск местных исетских жителей, в 1661/62 г. с Исети в Тобольск пришли 3 чел., в 1668/69 г. — 1 и в 1686/87 г. — 49 чел. исетских, тобольских и тюменских жителей.

Шестой путь, тянувшийся из Тобольска вверх по Тоболу, соединял с Тобольском расположенные по берегам этой реки Тарханский острог, Ялуторовскую, Емуртлинскую, Суерскую, Тебеняцкую, Верхне-Суерскую, Белозерскую, Иковскую, Салтасарайскую, Царево-Городище, Утяцкую слободы и Капканскую волость³⁶.

От Тобольска до Тарханского острога, поставленного для оберегания «ясашных людей от прихода воинских людей», считалось 120 верст, и это расстояние в дощаниках проходило за неделю, в легких судах — за 5 дней, а лошадьми «летним сухим путем» — в 5 дней, зимним — в 4 дня. От Тарханского острога до Ялуторовской слободы было 60 верст³⁷.

По этой дороге поступали в Тобольск из расположенных вверх по Тоболу ясачных волостей и земледельческих слобод пушнина, лосиные кожи, хмель, воск, мед, скот и хлебные запасы. Привозилось все это в Тобольск слободскими, волостными и тобольскими жителями.

Седьмой путь шел по Иртышу вверх до устья р. Вагай, где стоял удаленный от Тобольска на один день сухопутного пути Вагайский острожек, миновав который дорога поднималась вверх по Вагаю до Атбашского острога. От Тобольска до Атбашского острога считалось примерно 200 верст.

На Вагай, славившийся своими промысловыми — «звероловными и хмелевыми» — угодьями, довольно часто ходили в середине XVII в. тобольские захребетные и служилые татары, служилые люди, посадские и крестьяне. Так, в 1648 г. их ушло туда 94 чел., в 1649 г. — 76, в 1654 г. — 11, в 1656 г. — 2, в 1658 г. — 15 чел.³⁸

Восьмой путь шел от Тобольска вверх по Иртышу мимо Абалацкого села, Каурдатского и Тебендинского острогов к Усть-Ишимскому острогу, от которого, войдя в р. Ишим, тянулся по ней до Кошкаргая и дальше³⁹. Этим путем ходили тобольчане на Ишимские звероловные и хмелевые промыслы. В 1639/40 г. туда их ушло 4 чел., в 1655/56 г. — 6 и в 1668/69 г. — 1 чел.

Девятым был путь «вверх Иртыша», которым «посылают из Тобольска на Тару государевы хлебные запасы служилыми людьми в дощаниках...». На прохождение его со стороны Тобольска требовалось: дощаниками — около 4 недели, легкими судами — 8—10 дней. Сухопутным это расстояние покрывалось: летом — за 3 недели, зимой — за 10—14 дней⁴⁰.

Торгово-промышленное движение между Тарой и Тобольском было весьма оживленным. В 1639/40 г. здесь только одних торговых людей прошло 43 чел., в 1655/56 г. — 45, в 1661/62 г. — 28, в 1668/69 г. — 11 и в 1686/87 г. — 3 чел.

Приходящие в Тобольск со стороны Тары являли в тобольской таможенной лосиные кожи (осенние и вешние, тугуши, юшицы, сууны), волнины, пушнину (красные лисцы, недолисы, лисьи лапы, корсаки, горностаи, белки, соболы, недособолы, соболы и недособолы пушки и хвосты, бобры, ярцы, кошлоки, бобровая черевь и струя, россомахи, куньи, куньи хвосты, барсуки, зайчьи), меховую одежду (соболы, лисьи, корсачьи, беличьи, куньи, хорьковые и заячьи шубы, соболы и лисьи исподы, лисьи кафтаны, соболы шапочные исподы), лосиные камысы, скот, сырые коровьи кожи, хмель, соль, а отвозили обратно из Тобольска промышленные изделия сибирского производства (коты красные, башмаки козловые, сапоги телятничьи, шапки пунчатые, шапки женские камчатые, пух бобровый с козлячьим, слободский холст-хрящ толстый, сукна), сукошные азямы, мыло, сколоты дубленные, восковые свечи, кожи

(юфти) и деньги. То есть в Тобольск из тобольских и татарских ясачных волостей, расположенных вверх по Иртышу, привозилось промысловое сырье, а обратно отвозились сибирские промышленные изделия и деньги.

Десятый путь соединял с Тобольском расположенные вниз по рекам Иртышу и Оби Демьяновский и Самаровский ямы, Березов, Обдорск и ясачные волости Тобольского и Березовского уездов. Расстояние от Тобольска до Березова груженные дощаники проходили за 20 дней, а лошади и собаки — за 16 дней⁴¹.

Торгово-промышленное движение по этой дороге было довольно оживленным. В 1639/40 г. по ней прошло 33 чел., в 1655/56 г. — 12, в 1661/62 г. — 42 и в 1686/87 г. — 71 чел.

Осуществлявшийся по этой дороге товарообмен был по составу товаров примерно таким же, как и с другими промысловыми районами. Со стороны Березова и Обдорска в Тобольск поступали стерляди, осетры, муксуны, сырки, чалбыши, щуки, пельмы, лзы, рыба икра, рыбий жир, белки, соболи, недособоли, собольи и недособольи пупки и хвосты, красные лисицы и недолисицы, кошколки, песцы и недолесцы, выдры, бобры, бобровая черевь, росомахи, горностаи, лосиные кожи, олени постели и рождуги, бобровое лоскутье, собольи шапочный подскор, бобровые рукавицы, белчицы, песцовые, норковые, непесцовые, горностаевые, собольи и волчьи шубы и кафтаны, белчицы пластины, олени и лосиные камысы, хмель и «остяцкий ясырь», тетерева, клюква, брусника, а обратно отвозились рожь, ржаная мука, овес, ячмень, мука пшеничная, печенье хлеба, репа, лук, чеснок, переда котовые, башмаки телятинные, простые кожи, шапки женские из козьего пуху и мыло тобольской варки.

Одиннадцатый путь шел из Тобольска вниз по Иртышу до Самарова, а затем вверх по Оби до Сургута. Расстояние от Тобольска до Сургута груженные хлебом дощаники проходили за 2—6 недель, а лошади и собаки с нартами — за 2 недели.

Из Сургута в Тобольск поступали соболи, недособоли, собольи и недособольи пупки и хвосты, черночеревые и красные лисицы, горностаи, белки, недолиси, песцы, лосиные кожи, выдры, росомахи, бобры, бобровые струя и черевь, яры, кошколки, белчицы и зайчьи шубы, лисьи, горностаевые и собольи исподы, исподы шапочные, крашенные шапки собольи и бобровые, собольи треухи, белчицы тудея, «остяцкий ясырь», а обратно отсылались из Тобольска в Сургут ржаная мука, рожь, ячная крупа, соль, шапки женские коз-

лячьего пуха и деньги на покупку пушинны «остяцкого промыслу». Следовательно, Сургут поставлял Тобольску пушину, меховую одежду, «исырей», а взамен получал хлебные припасы, соль, шапки, деньги.

Носителями экономических связей Тобольска с населенными пунктами Тобольского разряда выступали разные категории населения (табл. 5). В XVII в. здесь произошли существенные изменения. Внутриразрядная торговля местными товарами почти полностью сосредоточилась в руках сибиряков. Жители с Руси, т. е. из Европейской России, оказались почти полностью вытесненными из нее. Особенно сильно пострадали в этом отношении промышленные и гулящие люди. Наполовину упал и удельный вес торговых людей. Меньшие издержки понесли в этом отношении гости и сотни, а также торговые крестьяне с Руси, которые вообще принимали слабое участие в ней.

Среди сибиряков особенно возросло значение нетобольчан. Их удельный вес в торговле Тобольска с городами и слободами Тобольского разряда сибирскими товарами увеличился с 15,5 % в 1639/40 г. до 50 % в 1686/87 г. Увеличение это произошло в основном за счет возрастания роли слободских крестьян в торгово-промышленном движении по местным дорогам (с 2,5 % в 1639/40 г. до 26,8 % в 1686/87 г.). Степень участия в этом движении нетобольских посадских, служилых, ямщиков и церковников возросла в меньшей степени. Остальные категории нетобольчан (татары, бухарцы, ханты) совершенно выпали из этого движения. Активизация торговой деятельности слободских крестьян — наиболее яркий показатель происходивших в XVII в. социально-экономических сдвигов, в результате которых роль рынка в жизни сибирского населения увеличилась.

Среди тобольчан основную роль в товарообмене Тобольска с разрядом стали играть служилые люди, на которых к концу XVII в. приходилось 31,8 % этого движения. Возрастание их удельного веса в товарообмене происходило за счет сокращения доли участия в нем почти всех остальных категорий русского и нерусского населения Тобольска. Среднеазиатские купцы почти не участвовали в этом товарообмене. Таким образом, к концу XVII в. главная роль в торговле Тобольска с разрядом принадлежала служилым и крестьянам.

Развитие местных производительных сил, углубление общественного и территориального разделения труда и рост товарного производства привели к созданию в XVII в. то-

Таблица 5
Состав посетителей экономических связей Тобольска с населенными пунктами Тобольского разряда в XVII в.*

Состав торговцев	1639/40		1652/53		1661/62		1668/69		1686/87		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Жители Руси: гости и солд. тоговые люди торговые крестьяне промышленные люди гулящие	1 31 2 29 38	0,4 10,7 0,8 10,3 13,1	3 13 1 — 9	4,3 5,6 0,4 — 4	1 8 — 2 —	0,4 3,4 — 0,9 —	— 15 1 1 5	— 7 0,6 0,7 2,4	3 15 — — 2	1 5,4 — — 0,7	8 82 4 32 54	0,6 6,7 0,3 2,6 4,4
Итого . . .	101	35,2	26	11,3	11	6,7	22	10,7	20	7,1	180	14,6
Жители Сибири I. Непоселенцы: посадские бухары	9 9	3,4 3,1	5 9	2,2 4,0	2 2	0,8 0,8	7 5	3,5 2,4	24 —	8,8 —	47 25	3,9 2,0
Итого . . .	18	6,2	14	6,2	4	1,6	12	5,9	24	8,8	72	5,9
Служилые: служилые люди * татары захребетные татары первоначальники ямщики	11 — 4 1 1	3,6 — 0,3 0,3 0,3	15 5 — — —	6,9 2,2 — — —	27 — 3 1	12,2 — 1,2 0,4	18 — 2 10	8,1 — 0,9 4,7	31 — 7 2	11,3 — 2,4 0,7	102 5 13 14	8,3 0,4 1,1 1,1
Итого . . .	14	4,5	20	9,1	31	13,8	30	13,7	40	14,4	135	11,0

крестьяне исправные татары ханты	6 3 5	2,1 1,0 1,7	14 40 —	6,5 16,8 —	3 5 —	1,2 2,2 —	34 — —	16,7 — —	73 — —	26,8 — —	130 48 5	10,6 3,9 0,4
Итого . . .	8	2,8	40	16,8	5	2,2	—	—	—	—	53	4,3
Итого по I гр. II. Тобольчане Поселенцы: посадские бухары	46 11 60	15,5 3,6 20,8	88 3 29	38,6 1,3 13,4	43 10 30	18,8 4,4 23,1	76 32 7	36,8 15,9 3,5	137 — —	50,0 10,1 —	300 83 126	31,8 6,8 10,3
Итого . . .	71	24,4	32	14,7	40	17,5	39	19,4	27	10,1	206	17,0
Служилые: служилые люди служилые татары первоначальники захребетные татары	5 38 — — 21	1,7 13,1 — — 8,0	20 7 1 39	8,4 3,0 0,4 17,1	41 2 — 85	17,5 0,9 — 37,9	20 — 52	9,6 — 24,0	87 1 2 —	31,8 0,3 0,7 —	173 48 3 197	14,1 3,9 0,2 16,0
Итого . . .	64	22,8	67	28,9	128	56,3	72	33,6	90	32,8	421	34,3
Крестьяне	7	2,1	3	1,3	1	0,5	—	—	—	—	11	0,9
Итого II гр. . . .	142	49,2	102	44,9	169	74,3	111	53,0	117	42,9	641	52,2
Итого I и II гр. . . .	188	64,8	190	83,5	212	93,1	187	89,3	254	92,9	1031	84,0
Жители Бухары	—	—	12	5,2	5	2,2	—	—	—	—	17	1,4
Всего . . .	289	100	228	100	228	100	209	100	274	100	1228	100

* ЦГАДА, СП, тобольские таможенные книги 44, 348, 439, 533, 792.

больского областного рынка, связанного через Тобольск с другими рынками страны. Будучи центром областного рынка, Тобольск вбирал в себя разнообразную продукцию местных промыслов, земледелия, животноводства и промышленности и занимался перераспределением ее между различными населенными пунктами Тобольского разряда. Промысловые районы (Березов, Сургут, Пелым) получали в обмен на пушнину и рыбу хлеб и ремесленные изделия, а сельскохозяйственные районы (слободы и деревни) — промышленную и промышленную продукцию. Города обменивались между собой своей промышленной продукцией. В хозяйственном отношении сибирский город XVII в. уже отличался от деревни, поставлявшей ему хлеб и сырье в обмен на промышленные изделия. Особенно это касалось таких городов, как Тобольск, Тюмень, Верхотурье и Тара.

Прогрессивные социально-экономические сдвиги привели к особенному увеличению роли служилых людей и слободских крестьян в осуществлении торговых связей между различными районами разряда. Значение посада в этом отношении увеличилось меньше. Значительно возросла роль купщика.

Постоянное занятие служилых и их родственников торговлей и промышленностью делало их фактически посадскими людьми. Это содействовало превращению сибирского города в экономический центр округа.

Перед пришедшими с Руси в Тобольск лицами открывались самые разнообразные маршруты для дальнейшего движения в Восточную Сибирь, составлявшие восточную группу дорог.

Лица, желавшие пройти из Тобольска в Восточную Сибирь через Мангазею, спускались на купленных у сибирских жителей морских кочах вниз по Иртышу и Оби, и, пройдя Самарово, Березов и Обдорск, входили в устье Оби, из которого выезжали в Обскую губу. Дальнейший путь по бурной Обской губе шел, по-видимому, вдоль берегов, сперва в северном направлении до Русского заворота, отделяющего собственно Обскую губу от Тазовской, а затем сворачивал на юго-восток и тянулся через «Мангазейское море», как называли в XVII в. Тазовскую губу, к устью р. Таз и вверх по Тазу до Мангазейского города: далее притоком Таза, Волочанкою, доходили до так называемых «россох» или «режем», т. е. мелких протоков, которыми добирались до Енисейского волока (приблизительно в одну версту), переволоклись через который снова попадали в россохи и режими и, пройдя Подволочное и три других озера, входили в другую Волочанку, впадающую в Турухан, приток Енисея⁴².

В первой половине XVII в., когда «дальняя заоблачная государева вотчина», т. е. Мангазея, славились своими «черны пелми и великы» соболями («шерсть жива соболи по земли ся волочить»)⁴³, торгово-промышленное движение из Тобольска в Мангазею и дальше на Енисей было большим. «При прежних мангазейских таможенных головах, — писал таможенный голова И. Саблин в 1654 г. — приходили из Сибири в Мангазею морем многие торговые кочи с хлебными запасами и русскими товарами, в год кочей по 50 и больше, и по Енисею и по Турухану и по иным сторонним рекам промышленники многие промышленные люди, и промыслы... были большие... А торговых и промышленных людей бывало много, человек по 1000 и по две и больше»⁴⁴. Так было в 1620—1630 гг.⁴⁵, но не так стало в 1640—1650 гг., когда почти совершенно прекратилось торгово-промышленное движение из Тобольска в Мангазею морем. И действительно, если в 1640 г. из Тобольска в Мангазею морем было отпущено 226 чел. торговых, промышленных и гулящих людей, что составляло 23,8 % всего тобольского отпуска в Сибирь, в 1643 г. — 85 чел., то в 1656 г. в Мангазею морем не пошел уже ни один человек⁴⁶. Все предпочитали теперь попадать на Енисей, «идучи вверх», а не «вниз по Оби». Почти полное прекращение торгово-промышленного движения из Тобольска в Восточную Сибирь морским путем следует объяснять не только упадком мангазейских пушных промыслов и трудностью морского хода через бурное Мангазейское море, как это делает С. В. Бахрушин, но и трудностями продовольственного порядка. Лица, добравшиеся до Восточной Сибири этим путем, шли по «непашенным» и почти безлюдным местам, и всякая задержка в пути грозила им голодной смертью. А примером этого и сам Бахрушин приводит достаточно⁴⁷.

На преодоление расстояния от Тобольска до Туруханского зимовья через Самарово, Березово, Обдорск и Мангазею требовалось, в зависимости от погоды и времени выхода в дорогу, от 9 до 20 недель⁴⁸. «Мангазея от Тобольска и иных городов отдалена, большим погодем поспеть из Тобольска недель в восемь, а коли погоды живет мало, и ходу живет недель тринадцать и больше»⁴⁹. При благоприятных обстоятельствах, особенно при равном отпуске, можно было поспеть и скорее. Так, в 1645 г. кочи, отпущенные из Тобольска 31 мая, пришли в Мангазейский город 17 июля, т. е. менее чем за семь недель⁵⁰. Обычным же временем торгово-промышленного отпуска в Мангазею следует считать первую половину июля⁵¹.

Второй путь из Тобольска в Восточную Сибирь шел вниз по Иртышу до Самаровского яма, а затем вверх по Оби до Сургута. Из Сургута ехали «озерами и сухим путем» на верховья р. Таза, где было поставлено Сургутское зимовье, от которого спускались «вниз по Тазу до Мангазейского города» и, пройдя так называемый Енисейский волок, соединяющий две реки Волочанки, выходили на р. Турухан, а по ней и на Енисей. Идущие этой дорогой доходили от Сургута до Мангазеи за 7 недель и 3 дня⁵².

По этой дороге ушли из Тобольска в Восточную Сибирь 25 чел. торговых, гулящих и промышленных людей, или 2,7 % всего торгово-промышленного отпуска 1639/40 г. Все они ушли из «Тобольска в Мангазею мимо Сургута» по санному пути — в январе—марте 1639/40 г.⁵³ В 1655/56, 1661/62, 1668/69, 1669/70, 1670/71 гг. вообще не ходили этим путем из Тобольска в Восточную Сибирь, хотя обратно из Восточной Сибири в Тобольск пришли в мае 1662 г. 3 чел.⁵⁴ Следовательно, торгово-промышленное движение по этому пути было слабее.

Третий путь шел от устья Иртыша вверх по Оби, затем по ее притоку Ваху и далее в речку Волочанку (у Ремезова она называется Черной) до Елогуйского волока, преодолев пятнадцативерстное расстояние которого попадал в реку Елогуй, а из него — в Енисей⁵⁵. Этим путем преимущественно пользовались торговые и промышленные люди, ехавшие на промыслы на Нижнюю и Подкаменную Тунгуски или возвращавшиеся с промыслов. Помимо того, что этот путь, несомненно, сокращал дорогу к местам, лежащим ниже Енисейска, он позволял миновать без заезда три административных пункта (Нарым, Кетск и Енисейск) и избежать волокиты, связанной с регистрацией и процедурой «отпуска». Впоследствии на Елогуе была устроена застава⁵⁶.

Согласно тобольским таможенным книгам, торгово-промышленное движение между Тобольском и Туруханском по Елогую началось после 1656 г. Со стороны Тобольска «мимо Сургута Елогуюем рекой в Туруханское зимовье» прошло: в 1661/62 г. — 6 чел., в 1668/69 г. — 5 и в 1669/70 г. — 4 чел. В 1661/62 г. шли они «по санному пути», а в 1668/69 г. и 1669/70 г. — по водному. Со стороны Туруханска в Тобольск пришло: в 1661/62 г. — 3 чел., в 1668/69 г. — 9 и в 1669/70 г. — 7 чел. Возвратились они в Тобольск в 1661/62 г. по водному пути (май — октябрь), а в 1669/70 г. по водному и по санному пути (сентябрь, январь). По отношению ко всему торгово-промышленному движению из Тобольска в Восточную Сибирь и обратно это составило:

в 1661/62 г. — 4,8 % (9 чел.), в 1668/69 г. — 8,2 % (14 чел.) и в 1669/70 г. — 3,4 % (11 чел.)⁵⁷. Следовательно, торгово-промышленное движение между Тобольском и Туруханском через Елогуйский волок было невелико.

Четвертый путь из Тобольска в Восточную Сибирь лежал по Иртышу до его устья, а затем вверх по Оби и ее притоку Тьму, верховья которого близко подходят к верховьям Сыма, притока Енисея. Так ходили еще в 20-х годах XVII в. промышленники с Енисея на Сургут. С целью воспрепятствовать этому енисейскими ваводами на устье Сыма была устроена застава⁵⁸.

Пятый путь из Тобольска в Восточную Сибирь вел по рекам Иртышу и Оби к устью правого притока Оби — р. Кети, а затем по ней до устья р. Озерной, где сейчас расположено Усть-Озерное. Войдя в р. Озерную, поднимались по ней до ее левого притока, берущего свое начало из озера, из которого вытекал также и один из притоков р. Кас, относящейся к бассейну Енисея. Пройдя из Кети в Кас, выходили в Енисей⁵⁹.

Шестой, и основной в XVII в., путь из Тобольска в Восточную Сибирь шел вниз по Иртышу до его устья, а затем по Оби и ее притоку Кеть поднимался до Маковского острога, от которого начинался так называемый Маковский волок, шедший по берегу р. Тья, через Кемь, но ходили и другим путем — «волоком от Кети реки до речки Тьмы», на прохождение которого требовалось летом и зимой 2 дня. Выйдя на речку Тьму и сделав здесь струги или каюки, плыли затем по ней «полдни» до речки Кемь, а по Кемь доходили до Енисейска за один день⁶⁰. На прохождение всего расстояния от Тобольска до Енисейска через Самарово, Сургут, Нарым, Кетск и Маковский острог уходило от 11 недель 5 дней до 16 недель 5 дней⁶¹. Н. Спафарий преодолел это расстояние не за 8 недель 3 дня, как считает С. В. Бахрушин, а за 9 недель 5 дней⁶².

Среди всех проложенных между Тобольском и Сибирью дорог Енисейская дорога по интенсивности торгово-промышленного движения занимала первое место. На ее долю приходилось в 1639/40 г. 68,2 % (648 чел.), в 1655/56 г. 81,7 % (170 чел.), в 1661/62 г. 84,5 % (120 чел.) в 1668/69 г. 78 % (85 чел.) и в 1669/70 г. — 72,7 % (181 чел.) торгово-промышленного «отпуска» из Тобольска в Сибирь и соответственно 0; 70,6 % (12 чел.); 59,1 % (29 чел.); 70,0 % (42 чел.) и 43,6 % (31 чел.) торгово-промышленного приезда из Сибири в Тобольск. Такая большая интенсивность торгово-промышленного движения по Енисейской дороге объясняет

ся тем, что она, в отличие от всех прочих, проходила по более заселенным, безопасным и частично хлебопашенным местам, в результате чего движение по ней не прекращалось ни зимой, ни летом.

По этой дороге в Енисейский острог поступали верхо-турецкие, туринские, тюменские и тобольские хлебные запасы (рожь, ржаная и пшеничная мука, ржаной и яичный солод, ячмень, овес, толокно, овсяная и ячневая крупа, горох), животноводческая продукция (мясо свиное, масло коровье, сало говяжье), предметы промыслов (соль, хмель), изделия кожаной (сыромятные, дубленые, смольные и красные телитинные кожи, доскуты красное дубленое, камысы лесные и оленьи, ремени), мыловаренной (мыло простое), войлокотной (коровьи войлоки), обувной (коты телитинные красные, сколоты подошвенные тройные, подошвы, киси оленьи и лесные), портянковой (женские заденные и камчатные шубки, шапки женские, шубы одеваемые бараньи), деревообделочной (решета, хомутины мочальные дерева хомутиные), железоделательной (окоичины слюдяные) и ткацко-веревочной (прики, сети и дели неводные, однорядное прядено) промышленности Тобольского разряда и деньги, свидетельствуя тем самым о росте товарности в перечисленных отраслях тобольского разрядного хозяйства.

Создание и успешное развитие Енисейского земледельческого района, способного обеспечить хлебом, мясом и маслом местное и пришлое торгово-промышленное население, привело в фактическому прекращению к 1649/50 г. завоза частными лицами в Енисейск хлебных запасов из Тобольско-Верхотурского земледельческого района. Поступление в Енисейск этих хлебных продуктов упало с 3553 четвертей в 1639/40 г. до 3 четвертей в 1649/50 г.⁶³

Енисейск же Тобольску поставлял с 1645/46 г. туруханскую, тунгусскую и енисейскую мягкую рухлядь, бобровую и кабаргивую струю. Ассортимент мягкой рухляди поражает своим разнообразием. В течение 1655—1687 гг. в его состав входили цельные шкурки соболей, бобров, кошколов, выдр, лисиц, песцов, недонесцов, росомох, горностаев, белок и волков, отдельные части шкурок (соболи и недособоли хвосты, бобровая черевка) и меховая одежда из пушных шкурок — соболя кафтаны, шубы, треухи, шапки-малахан, рукавицы, пластыни, одеяла, подскоры и пластыни, песцовые кафтаны, одеяла и меха, недонесцовые шубы, бобровые пухи и мешина, горностаевые шубы, белчьи шубы, заячьи одеяла, волчьи и родужные рукавицы. При

этом важно отметить, что меховая одежда енисейской покупки 1669/70 г. была покрыта китайкой, что дает дополнительное свидетельство о распространении китайки в Сибири в это время. В явках 1669/70 г. встречались «шапка лисья тулея лап лисьях под вершком бархатным», «треушенок соболье пошено, покрыт китайкой», «шапка женская пучатая соболя под камкою красною китайкою», «подскор окол соболей, тулейка пучатая под вершком бархатным» и т. д.

В конце XVII в. из Енисейска в Тобольск стали привозить в большом количестве сырые недоделанные сохатинные, заячьи и медвежьи шкуры. Здесь они подвергались обработке, а затем отправлялись частично снова на восток, в Нерчинск, частично в европейскую часть страны⁶⁴.

И последний путь, которым можно было проехать из Тобольска в Восточную Сибирь, — сухопутная дорога из Тобольска на Иркутск через Тару, Барабу, Чатск, Томск, Ачинск, Красноярск, Канск, Удинск и Бельск. В первой половине XVII в. наиболее освоением на этом пути был участок от Тобольска до Томска, на прохождение которого затрачивалось при езде тяжелым ходом 7 недель. Однако и в первой, и во второй половине XVII в. чаще всего ехали из Тобольска в Томск водным путем, который проходил по Иртышу, Оби и Томи и на прохождение которого требовалось от 6 недель 5 дней до 7 недель 5 дней⁶⁵.

Торгово-промышленное движение между Тобольском и Томском было довольно оживленным, и на его долю из всего торгово-промышленного движения между Тобольском и Сибирью (в оба конца) приходилось в 1639/40 г. — 5,3 % (51 чел.), в 1655/56 г. — 18,6 % (42 чел.), в 1661/62 г. — 14,1 % (27 чел.), в 1668/69 г. — 16,9 % (28 чел.) и в 1669/70 г. — 23,1 % (74 чел.). Особенность этого движения, как и всего сибирского, состояла в том, что в период летней навигации (май — октябрь) оно было интенсивнее, чем зимой по санному пути (ноябрь — апрель). В летний период между Тобольском и Томском прошло: в 1639/40 г. — 49 чел., в 1655/56 г. — 42, в 1661/62 г. — 20, в 1668/69 г. — 20 и в 1669/70 г. — 71 чел., в зимний период — соответственно только 2, 0, 7, 8, 5 чел.⁶⁶

Среди самих тобольчан, томичей и прочих сибиряков, курсировавших между Тобольском и Томском, русских сибирских жителей было больше, чем бухарцев. Так, в 1639/40 г. между Тобольском и Томском ехали томский сын боярский Петр Лавров, томский посадский человек Федоров, тобольского посадского человека Бориса Корюкова приказчик Ларион Зоркоитин, и не было ни одного

тобольского или томского бухарца⁶⁷. В 1644/45 г. из Томска в Тобольск приехал с мягкой рухлядью только один томский служилый человек Антон Матвеев. В 1647/48 г. из Томска в Тобольск приехали с мягкой рухлядью и кожей лосиными 6 чел. томских служилых людей и снова не было ни одного бухарца⁶⁸. В 1649/50 г. между Тобольском и Томском с пушнной, кожей и «русским» товаром курсировали три тобольских бухарца и один томский сын боярский⁶⁹. В 1655/56 г. из Тобольска в Томск и обратно ездили томский сын боярский Осип Протопопов и тобольский юртковский бухаретин Сафар Кайбулли⁷⁰. В 1661/62 г. между Тобольском и Томском курсировали 13 томских служилых людей (с пушнной и «русским» товаром), 2 тобольских посаженных человека (с сырыми кожами, пушнной) и тобольский бухаретин⁷¹. Имея в виду эти данные, нельзя согласиться с Г. Н. Потаниным, что «тобольские бухаретины были, кажется, единственными представителями внутренней взаимной торговли городов Тобольска и Томска, торговали хлебом, мясом и сырыми кожами»⁷². Среди ввозимых из Томска и Кузнецка в Тобольск в 1639—1687 гг. «мягкой рухляди» и кож лосиных можно было встретить как полноценную пушнину, т. е. цельные соболя, недособоля, бобровые, ярецовые, кошачьи, выдренные, лисьи, недолисьи, куницы, недокуницы, ресомашья, белчицы, горностаевые, барсучьи шкурки, так и неполноценную. К последней относились отдельные части шкурок — соболя и недособоля пупки и хвосты, бобровая черевись, передние и задние лисьи лапы. Наряду с пушнной, подвергнутой только лишь первичной обработке (шкурки), имелись и меха, прошедшие всю промышленную переработку и превратившиеся в результате ее в готовые меховые изделия — соболя, недособоля, лисьи, горностаевые, суры и белчицы шубы, соболя шапки, рукавицы, пластины (несколько хребтов, сшитых вместе), исподы, подскоры. Наличие таких готовых и совершенно не пошечных вещей позволяет говорить о превращении томского и кузнецкого скорняжничества и портняжничества в мелкое товарное производство. Тобольск также получал томский хмель, кузнецкое «тоганное железо» и сырые кожи.

Из Тобольска, Тюмени, Верхотурья в Томск привозили рожь, ржаной солод, свиное мясо, мед, соль, шапки зепденные, пух козлячий, крайчатые деревянные блюда⁷³.

Перед вышедшими с Оби на Енисей торговыми, промышленными, гулящими и вными людьми открывались следующие маршруты на Лену.

Северный путь с Енисея на Лену шел по Нижней Тунгуске, а затем по ее притоку Титее до ее верховьев, с которых, переводокились через подораздел между Титеей и Чуркой, попадали в последнюю и, спустившись по ней с большим трудом из-за ее мелководности, заходили в Чону, из Чоны — в Вилую, из Вилуи — в Лену. Точных данных о продолжительности этого вилуйского пути нет, а сведения, сообщаемые А. Палицыным, несомненно, неверны⁷⁴.

Путь Вилуем имел большое значение для торгово-промышленного движения из Тобольска в Восточную Сибирь до тех пор, пока Мангазея оставалась крупным центром соболиных промыслов и пока не были созданы земледельческие очаги на более южном Енисейско-Илимском пути. Им ходили на Лену промышленные люди в поисках новых «собственных мест» и мангазейские ясачные сборщики для сбора ясака. Он же служил до 1640 г. для экспедиций служилых людей, посылавшихся на Лену из Тобольска через Мангазею. На рост его значения влияла также тесная связь с «чрезкаменным» путем: промышленники, возвращавшиеся весной с Тунгусок, старались воспользоваться навигационным временем на Мангазейском море. Выехав в конце июля или в августе, поспевали до заморозков на Обдор, а затем осенним путем перебирались на лодках через Камень и к октябрю достигали Соли Вычегодской и Устюга⁷⁵. В 1626 г. из Туруханска пошло на Тунгуски 501 чел. торговых и промышленных людей на 72 каяках. В 1627 г. на Русь пошло 2 коча, осталось зимовать 700 чел., «сoprичь новых приходов». В ноябре 1629 г. «поголовье» получено с 1270 чел. В мае 1630 г. из Тунгусок прибыло 887 чел. (94 коча, 5 карбасов и 1 лодка) да летовало и зимовало в Туруханском зимовье еще 127 чел., всего 1014 чел. В ноябре 1633 г. приехало с Руси 237 чел., летовало в Мангазее 293 чел. С 6 июня по 16 июля 1634 г. собрали в Туруханском зимовье «посорокового» и «поголовного» с 674 чел. В июне на Турухане отпущено на промысел 169 чел. В 1636 г. с Тунгусок прибыло 707 чел. В 1637 г. на Тунгуски ушло 243 чел., прибыло 586, всего 829 чел., а в 1638 г. соответственно 327, 215, 542 чел.⁷⁶ В 40—50-х годах XVII в. промышленные люди, «которым промыслы не удались», продолжают, однако, ходить из Мангазеи «на новые на Вилуи и Лену реки»⁷⁷. Всего в 1600—1670 гг. прошло из Тобольска и Березова в Мангазею и обратно более 227 кочей в составе 59 караванов. На каждом коче в качестве пассажиров и команды шло от 35 до 45 чел.⁷⁸

Из Тобольска в Мангазею везли хлебные (рожь, ржаную муку, ржаной солод, крупы, толокно, горох) и животновод-

ческие (свиное мясо, коровье масло) продукты питания тюменской, тобольской, туринской, чубаровской, киргизской, невьянской, индусской и нижнеиндусской купли, хмель, соль, коноплю, деготь, а также продукцию местной тобольской разрядной промышленности — кожи дубленные в скотках, козлыны неделанные, котовые подошвы и переди, оленьи и конные камысы, оленьи кисы, коты телятинные красивые, салыные съези, мыло простое, неводную пряжу, атласные и камчатские женские шапки, запяты сермизские средние. В связи с развитием местного мангазейского налаженного и связанного с рынком производства разнообразных промышленных изделий плавильщиков, кузнецов, кожевников, сапожников, шорников, деревообделочников, в том числе резчиков шахматных фигур и детских игрушек, ткачей, мастеров по изготовлению дорожно-транспортного и промышленного снаряжения ввоз этих изделий из Тобольска в течение 1639—1660 гг. почти прекратился.⁷⁹

Поступление в Тобольск мангазейской мягкой рухляди началось между 1655 и 1661 гг. Главными статьями мангазейского ввоза в Тобольск были песцы, горностаи, белки, недопесцы и изделия из них. Почти полное отсутствие ввоза соболя и бобра свидетельствует об истреблении их в этих местах; именовавшихся некогда «златокладницей государевой». Наличие ввоза готовых изделий — собольих, «норичьих» и недопесцовых кафтанов, недопесцовых и белых шуб, бобровых рукавиц, собольих шапочных исподов, оленьих рождут и постелей — означает превращение мангазейского ремесла в мелкое товарное производство. Обнаружение среди ввезенных в Тобольск из Мангазеи в 1670 г. готовых меховых изделий, «шубенки песцовой женской с пухом бобровым, покрытой китайкой черной», свидетельствует о распространении в Сибири китайских тканей еще до Нерчинского договора 1689 г.⁸⁰

Второй путь с Енисея на Лену проходил через так называемый Чичуйский (или Тунгусский) волок. Путь этот шел по Нижней Тунгуске «вверх воды» к ее верховьям. Миновав устье р. Цены, в шести днях выше высаживались и шли «сухим путем» «через вершины реки Куленги» на Лену, на что требовалось «конем ехать два дня» (по другим данным, еще меньше). На Лену выходили близ устья р. Чичуя. На волоку стоял Чичуйский острожек с таможенной заставой для досмотра, «которые торговые и промышленные люди с Ленского (Илимского) волока, мимо Чичуйский волок поплывут». Значит, промышленники, желавшие избежать остановки в Якутске и Енисейске, охотно пользовались

этим путем. Общая продолжительность пути от Туруханского зимовья на Енисее до Чичуйского волока определялась приблизительно в 14 недель, «а от Тунгуски реки Чичуйского волока сухого пути до Лены реки и до Ленских пашен», по одним отзывам — полдня летнего, а по другим — три дня.⁸¹

И наконец, последний и самый распространенный во второй половине XVII в. путь с Енисея на Лену шел от Енисейского острога вверх по Енисею до устья Верхней Тунгуски и дальше вверх по этой быстрой, порожистой, крижистой и трудной для судоходства реке до устья Илима. С устья Илима поднимались по Илимскому до так называемого Ленского (или Илимского) волока, который первоначально начинался с устья р. Идирмы, а позднее — с устья р. Туры. Илимским волоком переходили на верховья р. Муки. Сделав там плоты, спускались на них по Муке в Купу, из Купы в Куту, из Куты выходили в Лену. При впадении Куты в Лену стоял Усть-Кутский острог, в котором делались и снаряжались барки, кочи, дощаники, каюки и плоты для путешествия вниз по Лене до Якутского острога и дальше. Обыкновенно же, чтобы избежать длинного и утомительного плаванья по мелководной Муке, предпочитали выходить не на ее верховья, а на устье. «А зимний дорога санная с Илима реки лезит через Камень», «на усть Муки реки» — говорится в «росписи» П. Головинна. У впадения Муки в Купу, приток Куты, дожидались «вешней воды» и, поделав струки, плыли «за льдом» дальше на Лену.⁸²

Общая продолжительность пути из Енисейска до устья Куты определяется «росписью» П. Головинна, на основании собственного опыта первого якутского воеводы, почти в 9 недель (62,5 дня). Фактически требовалось гораздо больше времени, так как в «ходу... мешкота за судами и за порогами»; на порогах приходилось стоять подолгу, на иных — недели по две. Если верить Спафарию, то на Кашине пороге стояли иной раз «недель по 8». В общем итоге на дорогу шло гораздо больше времени. Вас. Пушкин в 1645 г. «за поздним водным путем» шел, например, от Енисейска до Ленского волока «13 недель без двух дней».⁸³

Вот что пишет, давая характеристику Ленскому волоку, В. Н. Шерстобеев: «Таможенная книга Илимского острога 1658 г. отметила 595 человек, в том числе крестьянина, принадлежавшего вологодскому архиепископу, патриаршего крестьянина, боярского крестьянина, двух архиерейских, всего 10 крестьян, которые ехали с товарами. Остальные 585 человек оказались торговыми и, главным образом, про-

мысленными людьми... вышедшими из разных частей Северной Руси: Устюга (168 чел.), Ваги (81 чел.), Вычегды (75 чел.), Соли Вычегодской (28 чел.), Усоля (20 чел.), Вологды, Галича, Чердыни, Ветлуги, Вятки, Иренска, Соли Камской, Пинеги, Ярославля, Новгорода, Увжи, Колмогор, Мезени, Пежмы, Каргополя, Нижнего Новгорода и из Западной Сибири — Тюмени, Тобольска, Тары, Верхотурья. Не отмечено ни одного человека из мест, лежащих южнее названных северных городов...

На Лене шло торговых и промышленных людей в общем в 3 раза больше, чем с Лены на Ангару. Какая-то часть этих предпринимателей оседала в бескрайних просторах северо-востока Сибири. Часть возвращалась с пушниной в Енисейск и другие сибирские города и далее за Камень, т. е. через Урал «к Русе». Движение на Лене было довольно равномерным в течение всего года: оно сокращалось в осенние месяцы, когда наступала распутица, и усиливалось при установлении саниного пути. Часть промышленников в зимнее время рассевалась по окружающим волостям, скупая пушнину и хлеб в Братске, Усть-Куте, Киренске, Чечуйске и Орленге. Март — апрель, время весеннего бездорожья, характерны резким понижением движения, зато май — июль вновь дают сильный рост его, так как с ледоходом на Лене открывался водный путь на северо-восток. Туда и стремились промышленники за соболями.

Другую закономерность представляет возвращая передвижка торговых и особенно промышленных людей, шедших с пушниной на Ангару: 89,1 % их падает на май — июль, т. е. на время открытого водного пути.

Что же везли эти люди? На Лене шли «русские товары», хлеб и деньги. По таможенной книге Илимского острога 1680 г., привезено 32 партии товаров на сумму 5186 руб., наценки Илимской таможни в пользу казны составили 2510 руб.

Перечень («русских товаров». — *О. В.*) охватывает 81 название распространенных тогда товаров. Кроме того, привезено денег 1165 руб.

По таможенным книгам можно проследить также провоз хлебных запасов... В самой древней таможенной книге Илимска 1649 г. отмечен провоз товаров и хлеба с 1 сентября по 19 октября 158 (1649 г. — *О. В.*). Весь хлеб шел по енисейским проезжым грамотам, значит, в то время земледелие в Илимском воеводстве еще не превратилось в товарное. Провезено муки ржаной 3666 1/4 пуда... солоду разного и круп 70 пудов... муки яшной 25 пудов, муки пшенич-

ной 144 пуда... муки овсяной 54 пуда... толокна 4 пуда... круп яшных и овсяных 11 пудов... семени конопляного 18 пудов... гороху 2 пуда... Кроме того, провезено 85 четей (тюменских) муки ржаной весом 701 пуд с четью. Следовательно, уже тогда употреблялась 8-пудная четверть, точнее, она весила 8 пудов 9 фунтов.

Совершенно другую картину представляет провоз хлеба... через 9 лет... В 1658 г. было увезено на Лене 3150 пудов муки ржаной, купленной в Илимске и окружающих его деревнях, 47 пудов муки пшеничной и 20 пудов муки овсяной и яшной. Партии хлеба невелики (от 5 до 500 пудов. — *О. В.*). ...Хлеб был илимской и левской покупки. В другие годы оптовики перебрасывали по 2000 пудов хлеба, чего в 1658 г. еще не было.

Отсюда можно заключить, что уже в пятидесятых годах, т. е. через 20—25 лет после появления русских на Ленском волоке, земледелие по р. Илим, особенно по нижнему течению, и по Лене — около Усть-Кута и Орленги, а также, несомненно, и около Киренска, приобрело товарный характер...

Промышленные и торговые люди везли с востока на запад только пушнину, и притом почти исключительно соболей. Через Илимск в 1658 г. прошло 20 тысяч соболей... из 20 тысяч соболей, подвергшихся осмотру в Илимской таможне, 5800 соболей оказалось илимской, киренской, чечуйской и верхоленской покупки. В самом Илимском остроге в этот год было совершено 102 сделки по покупке и перепродаже 6460 соболей... Вот что представлял Ленский волок в 1658 году. Это был быстро растущий, пульсирующий путь, вокруг которого складывалась экономика Илимского воеводства, с его пашней и отгрузкой хлеба в Якутск... Илимск на этом пути был крупным торговым, административным и хозяйственным центром⁸⁴.

Из приведенной цитаты видно, что прочная продовольственная база, созданная руками русского крестьянства в уловых пунктах исполнского транспортного пути на Тобольска в Восточную Сибирь через Енисейск и Илимск, и являлась той решающей силой, которая перетянула торговно-промышленное движение в Восточную Сибирь с Тобольско-Мангазейско-Туруханско-Вилуйского пути на Тобольско-Енисейско-Илимский.

С обширной системы притоков Лены открывались разнообразные маршруты по всей Восточной Сибири. Отсюда ходили торговые люди на «дальние заморские реки», впадающие в Северный Ледовитый океан: на Индигирку, Яну,

Колыму, Анадырь и другие, отчасти сухим путем, отчасти спускаясь по Лене до моря и далее огибая побережье в морских кочках. Отсюда же ходили на реки, текущие в «Восточный» океан, — Амур и Охоту.

Обычно путь с Лены «на заморские реки» и на полярное «Поморье» совершался «коньми» через Верхоянский хребет, отделяющий бассейн Лены от рек, впадающих в океан к востоку от ее устья. Торговые и промышленные люди, выйдя на Якутска, пересекали Алдан «у перевоза» и, преодолев «Камень», в пять недель достигали верховья р. Яны. С Яны, на конях же, шли дальше на восток вдоль ее притока Толстока и, перевалив хребет Тас-Хаяхта, через 3—4 недели попадали в Индигирку, а с Индигирки на нартах в такой же примерно срок доходили до р. Алазеи. От нее за 10 дней достигали верхнего течения Колымы. С Колымы можно было пройти и к берегам Берингова пролива и к северной части Охотского моря⁸⁵.

Попадая на Колыму, торговые люди шли по ней до устья р. Ашой, а затем поднимались по Аюю до хребта, пересекающий который на нартах, выходили на верховья Анадыри, по которому спускались в Анадырский залив. Известен был также волок между притоком Колымы — Блудной (Омолон) — и Анадырем. По Омолону добирались в 8 недель до Пенжинского хребта (Колымского), шли далее по хребту до р. Пенжины и затем по берегу моря до Чендонского хребта и хребтом до р. Чендона или Гижиги⁸⁶.

Во время переходов с Лены на побережье Охотского моря торговые и промышленные люди пользовались в основном притоком Лены Алданом и притоком Алдана Маей, верховья которой очень близко подходили к верховьям рек, впадающих в Охотское море: Уди, Ульи и Охоты.

Торговые люди, желающие попасть из Якутска на р. Удь, шли по Лене, Алдану и по Мае до возникшего на ней в середине XVII в. Майского зимовья, из которого можно было «сосеиным путем» проехать «налегке» на оленях в 4 недели до р. Удь к морю. Всего на проезд с устья Алдана до моря требовалось три месяца⁸⁷.

Другой путь шел по р. Мае до Волочанки, от которой Ульским волоком «грузными нартами» за 8—14 дней достигали р. Сикши, впадающей в Улью, и Ульею спускались в Охотское море. От Майского зимовья до моря можно было пройти в 7 недель 6 дней⁸⁸.

Третий и наиболее употребительный во второй половине XVII в. путь шел вверх по Мае до устья р. Юдомы, далее по Юдоме до устья Горбицы, где начинался волок «Юдом-

ский крест», ведущий на р. Блудную, приток р. Урака, или непосредственно на Урак, где находилось «Уратское плотбище» — место стоянки и постройки судов. С Урака было тоже два пути — либо волоком на Охоту, либо вниз по Ураку до моря, откуда до устья Охоты было, по подсчету И. Г. Гмелина, всего 10—15 верст. Длительность пути и трудность перевала через «Юдомский крест» заставляли часто предпочитать более короткий, хотя и не менее тяжелый, сухопутный путь из Якутска через Амгу (Амгильская переправа) и Алдан (Бельская переправа) на «Юдомский крест» и далее на Урак. Несмотря на то что с Бельской переправы начинались, по выражению Гмелина, «поразительные горы, через которые проехать невозможно на телегах, приходится поклажу перевозить на вьючных лошадях и оленях», сравнительная быстрота сухопутного пути (немногом более месяца от Якутска) сделала его общепотребительным к началу XVIII в.⁸⁹

С Лены на Амур можно было пройти через Тугирский волок или через Зейские хребты.

Ехавшие через Тугирский волок шли сначала по притоку Лены, Олекмы, до устья Тугира, а затем поднимались по Тугиру до р. Нюгзи (Нюгчи), или Нюзи (Нюнчи), где начинался «через хребет» восьми- или двенадцатидневный волок, выводивший к устью р. Урки, или Уры, впадающей в Амур, где делали суда и спускались в самый Амур⁹⁰.

Другой вариант того же волока вел на р. Амазар, впадающую в Амур несколько выше Урки⁹¹. Продолжительность пути от устья Олекмы через Тугирский волок до Амура исчислялась, по одним данным, в 11 недель 5 дней, по другим — в 8 недель 2 дня и даже в 6 недель 2 дня⁹².

Идущие с Лены на Амур через Зейские хребты поднимались по Алдану, далее — по Учуре до устья Гонома и вверх по Гоному. Из Гонома входили в р. Нюемку, от которой начинался волок через «Зийские хребты». Волок приводил на р. Брянду, впадающую в Зею (Зию), приток Амура. От устья Алдана до Амура Вас. Поярков шел 12 недель и 3 дня⁹³. Позднее наметился и другой вариант этого пути: с Алдана не по Учуре, а по другому его притоку, Тонторе, и из Тонторы — в Катм; затем шел волок, который в пять дней приводил на Зею. Всего от устья Алдана считалось 10 недель и 5 дней пути⁹⁴.

Однако во второй половине XVII в. торговые люди предпочитали ходить на Амур не из бассейна Лены, а из бассейна Енисея. Для этого они спускались по Енисею до устья Верхней Тунгуски и, поднимаясь по ней, входили

в Байкал, по которому шли мимо острова Ольхон на Баргузинский острог или на устье р. Селенги ⁹⁵.

С южного берега Байкала открывалось несколько дорог на Шилку. Из Баргузинского острога до Нерчинска ходили «сухим путем верблюдами и конями через высокие горы, камни и леса и болота, с великою трудностью» недели две и больше.

Другой путь с Байкала шел вверх по Селенге, а затем по ее притоку Хилку до озер Иргеня и Ераклея, затем «озерами и волоками» в р. Ингоду, которая через р. Нерчу выводила в Шилку. Длина так называемого Иргенского волока, находившегося между реками Хилкой и Ингодой, исчислялась в один день ходьбы ⁹⁶.

Третий путь с Байкала, который в последнюю четверть XVII в. сделался общеупотребительным, шел с Селенги по берегу ее притока — р. Уды, затем направлялся к трем Еравинским озерам, пройдя от которых мимо оз. Теленбы упирался в речку Читку, а затем выходил на Ингоду и по ней доходил до Шилки. Продолжительность пути от Енисейска до Нерчинска указанной дорогой зависела от времени года и направления. Ехавшие зимним путем Спафарий и Избранд воспользовались течением р. Ангарты и прошли его менее чем в 5 недель. По данным же В. И. Шункова, на прохождение этого пути со стороны Енисейска требовалось 27—30 недель ⁹⁷.

Теперь, после того как мы рассмотрели основные направления путей, соединявших Тобольск с восточной частью Западной Сибири, Восточной Сибирью и Приамурьем, и показали условия хождения по ним, остановимся на анализе интенсивности и состава торгово-промышленного движения по всей восточной группе тобольских путей сообщения в 1639—1670 гг. (табл. 6).

Торгово-промышленное движение из Тобольска в Сибирь было оживленнее, чем из Сибири в Тобольск, ибо многие возвращались обратно не через Тобольск, а через «Березов за Камень» к Руси.

В течение 1639—1670 гг. уменьшилось количественное несоответствие между восточным и западным направлениями торгово-промышленного движения по восточной группе тобольских путей сообщения. Если в 1639/40 г. это несоответствие в относительном исчислении выражалось в 31 640 %, то в 1655/56 г. оно равнялось уже только 1212 %, в 1661/62—300, в 1668/69—181,2 и в 1669/70—350,9 %. В абсолютных цифрах это несоответствие снизилось с 946 чел. в 1639/40 г. до 178 чел. в 1669/70 г. Уменьшение этого несоответствия,

Таблица 6

Состав торгово-промышленного движения и его динамика по восточной группе тобольских дорог (1639—1670 гг.)*

Состав участников движения	1639/40	1655/56	1661/62	1668/69	1669/70
1	2	3	4	5	6
<i>Ушло в Сибирь</i>					
Жители Руси:					
гости и сотни	41	10	15	—	8
торговые люди	67	54	82	51	63
промышленники	113	2	13	7	9
гулящие	735	138	30	38	162
крестьяне	4	2	—	—	1
Итого . . .					
чел.	930	206	140	96	243
%	98,0	99,1	98,6	88,0	97,6
% к 1639/40	100,0	22,2	15,0	10,3	26,1
Жители Сибири:					
посадские	7	—	2	8	—
служилые	5	1	—	5	5
крестьяне	7	1	—	—	1
Итого . . .					
чел.	19	2	2	13	6
%	2,0	0,9	1,4	12,0	2,4
% к 1639/40	100,0	10,5	10,5	70,0	31,5
Всего . . .					
чел.	949	208	142	109	249
%	100,0	100	100	100	100
% к 1639/40	100,0	22,0	14,9	11,4	26,2
<i>Пришло из Сибири</i>					
Жители Руси:					
гости и сотни	1	—	12	2	1
торговые люди	1	3	2	21	16
промышленники	—	2	—	7	3
гулящие	—	—	—	—	2
крестьяне	—	—	6	—	—
Итого . . .					
чел.	2	5	20	30	22
%	66,6	29,4	40,8	50,0	31,0
% к 1639/40	100	250	1000	1500	1100
Жители Сибири:					
посадские	—	—	3	2	4
тобольские бухарцы	—	1	—	—	—

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6
служилые крестьяне	1	11	24 2	28	45
Итого					
чел.	1	12	29	30	49
%	33,4	70,6	59,2	50,0	69,0
% к 1639/40	100	1200	2900	3000	4000
Всего					
чел.	3	17	49	60	71
%	100	100	100	100	100
% к 1639/40	100	567	1633	2000	2366
Всего ушло					
чел.	949	208	142	109	249
%	99,7	92,5	74,4	64,5	77,9
% к 1639/40	100	22,0	14,9	11,4	26,2
Всего пришло					
чел.	3	17	49	60	71
%	0,3	7,4	25,6	35,5	22,1
% к 1639/40	100	567	1633	2000	2366
Всего прошло в оба конца					
чел.	952	225	191	169	320
%	100	100	100	100	100
% к 1639/40	100	23,6	20,0	17,7	33,6

* ЦГАДА, СП. ин. 44, 348, 432, 540, 547.

как мы увидим ниже, вызывалось сокращением торгово-промышленного движения из Тобольска в Сибирь и увеличением его из Сибири в Тобольск. Но так как абсолютное уменьшение торгово-промышленного движения из Тобольска в Сибирь было большим в сравнении с абсолютным увеличением его из Сибири в Тобольск, то произошло общее сокращение торгово-промышленного движения между Тобольском и Сибирью со 100 % (952 чел.) в 1639/40 г. до 33,6 % (320 чел.) в 1669/70 г.

Наблюдаемое в 1639—1670 гг. более чем четырехкратное (в 1639/40 г. — 949 чел., в 1669/70 г. — 249 чел.) сокращение торгово-промышленного движения из Тобольска в Сибирь следует поставить в связь с юридическим оформлением на Руси крепостного права, с некоторым «испромышлением» в Сибири соболя, с развитием в Западной Сибири земледелия,

промышленности и транспорта, поглощавших значительную часть прившедших с Руси лиц, и с началом в какой-то мере торгово-промышленного движения «с Тюмени на Тару, не займун Тобольска»⁵⁸.

Происшедшее в 1639—1670 гг. более чем двадцатикратное увеличение торгово-промышленного движения из Сибири в Тобольск (в 1639/40 г. — 3 чел., в 1669/70 г. — 71 чел.) следует поставить в связь с «испромышлением» ценного пушного зверя в пределах Тобольского разряда, в результате чего для удовлетворения потребностей Тобольского рынка и Ирбитской ярмарки и пушнине потребовался привоз ее из Восточной Сибири, а в связи с экономическим развитием центра и Поволжья увеличивался спрос на экспортную восточно-сибирскую пушнину.

На всем протяжении 1639—1670 гг. доминирующее положение в торгово-промышленном движении из Тобольска в Сибирь занимали жители Руси, а не Сибири, хотя и проявлялась некоторая тенденция к увеличению доли участия последних в этом движении. Если в 1639/40 г. на долю жителей Руси приходилось 98 % (930 чел.), в 1655/56 г. — 99,1 % (206 чел.), а на долю жителей Сибири — соответственно только 2 % (19 чел.) и 0,9 % (2 чел.), то в 1661/62 г. на долю жителей Руси стало приходиться 98,6 % (140 чел.), в 1668/69 г. — 88 % (96 чел.), в 1669/70 г. — 97,6 % (243 чел.) а на долю жителей Сибири соответственно 1,4 % (2 чел.), 12 % (13 чел.) и 2,4 % (6 чел.).

В течение 1639—1670 гг. жители Сибири, увеличив интенсивность своего участия в торгово-промышленном движении из Сибири в Тобольск, поменялись с жителями Руси местами, оттеснив последних с первого места на второе.

Среди жителей Руси, уходивших из Тобольска на восточно-сибирские пушные промыслы, абсолютному и относительно сокращению подвергся в 1639—1670 гг. главным образом количественный состав промышленных и гулящих людей, а не торговцев всех мастей (гости, сотни, торговые люди, частновладельческие торговые крестьяне), доля которых в абсолютном выражении за этот промежуток времени осталась почти без изменений, а в процентном отношении даже увеличилась. Среди самого купечества европейской части страны доминирующее положение по количеству участников торгово-промышленного движения из Тобольска в Сибирь и обратно занимали не гости и торговые люди гостинной и сукошной сотен, а непривилегированные купцы.

Среди жителей Руси, возвратившихся в Тобольск из Сибири, доминирующее положение занимали торговые (го-

сти, сотни, торговые крестьяне и т. д.), а не промышленные и гулящие люди, которые предпочитали или совсем не возвращаться на Русь и оседали в Сибири, или возвращались в нее не через Тобольск — Верхотурье, а через северные уральские перевалы. Поэтому и получилось, что из Сибири на Русь через Тобольск вышло больше торговых людей всех мастей, чем промышленных и гулящих.

По интенсивности торгово-промышленного движения из Тобольска в Сибирь и обратно первое место среди участвовавших в этом движении сибиряков принадлежало тобольским, нарымским, кетским, томским, кузнецким, красноярским, енисейским, мангазейским, илимским, якутским, баргузинским и нерчинским служилым людям, на долю которых приходилось в 1639/40 г. 30 % (6 чел.), в 1655/56 г. 85 (12 чел.), в 1661/62 г. 77,4 % (24 чел.), в 1668/69 г. 78,8 % (33 чел.) и в 1669/70 г. 90,9 % (50 чел.); второе — тобольским, тюменским, енисейским и илимским посадским с долями соответственно 35 % (7 чел.); 0; 16 % (5 чел.); 21,2 % (10 чел.) и 7,2 % (4 чел.); третье — ницынским крестьянам с долями 35 % (7 чел.); 7,2 % (1 чел.), 6,6 % (2 чел.); 0 и 1,9 % (1 чел.) и последнее — тобольским бухарцам, чье участие в движении зафиксировано источниками только в одном 1639/40 г. — 7,1 % (1 чел.). Отсюда ясно, что тобольские бухарцы почти не участвовали в торговых поездках на восток дальше Томска.

В течение 1639—1670 гг. расширился круг расположенных в восточной части Западной Сибири и в Восточной Сибири городов и районов, связанных с Тобольском торгово-промышленным движением, и увеличилось число самих сибиряков, участвовавших в этом движении. Если в 1639/40 г. Тобольск был связан только с Мангазеей, Томском, Енисейском, то в 1669/70 г. он поддерживал торговые связи также с Туруханском, Подкаменной Тунгуской, Леной, Якутском, Индигиркой, Алазеей, Колымой, Нерчинском, Баргузинском, Баултой (Баунтой), Илимском, Красноярском, Кузнецком, Кетском и Нарымом и превращался в связи с этим в центр складывающегося общесибирского рынка, формировавшегося в системе всероссийского. Одновременно с этим росло и число самих сибиряков, поддерживающих торговые связи Тобольска с этими районами. В 1639/40 г. оно составляло 20 чел., в 1655/56 г. — 14, в 1661/62 г. — 31, в 1668/69 г. — 42 и в 1669/70 г. — 55 чел.

Среди ввозимых в рассматриваемое время в Тобольск по восточной группе дорог товаров преобладала охотничье-промысловая продукция с увеличением в составе ее доли

готовых, «веношенных», специально приготовленных для продажи меховых и кожевенных изделий, свидетельствуя тем самым о происходившем превращении скорняжничества, кожевничества, сапожничества и портняжничества в мелкое товарное производство, темпы которого были не быстры и в разные годы не одинаковы. На долю этих меховых изделий в стоимостном балансе поступавшей в Тобольск по восточной группе дорог тарской мягкой рухляди в 1639/40 г. приходилось 1,6 %, в 1655/56 г. — 1,4, в 1661/62 — 2 и в 1668/69 г. — 1,9 %; березовской — соответственно 65,4; 5; 35,5 и 49,2 %; сургутской — 0; 0; 2,3 и 16,8 %; мангазейско-обдорской — 0; 0; 0 и 96,3 %; кетско-нарымской — 0; 5,4; 9 и 9,4 %; кузнецко-томской — 0; 0; 4,7 и 1 %; красноярской — 0; 0; 13 %; 0; туруханско-тунгусско-енисейской — 0; 0; 1,3 и 11,3 %. В целом же готовые изделия по стоимости составляли в 1639/40 г. 1,9 % от всего охотничье-промыслового товара, поступающего в Тобольск, в 1661/62 — 5,5 и в 1668/69 — 9,1 %⁹⁹.

О значении восточных дорог в общей системе всех сходящихся в Тобольске путей красноречиво свидетельствуют данные, представленные в табл. 7. По количеству прибывших в Тобольск лиц восточные дороги занимали среди всех сходящихся в Тобольске дорог последнее место, а по количеству выбывших из него — первое. И такое положение сохранялось в течение 1639—1670 гг.

Примечательно и время движения торговых, промышленных и гулящих людей по восточным дорогам из Тобольска в Сибирь и обратно (табл. 8). По соединявшим Тобольск с восточной частью Западной Сибири и с Восточной Сибирью дорогам торгово-промышленное движение было довольно равномерное в течение всего года: оно сокращалось в осенние и весенние месяцы, когда наступала распутица, и усиливалось при установлении летнего (водного и сухопутного) и зимнего (саниного) путей.

Торгово-промышленное движение из Тобольска в Сибирь совершалось главным образом ранним летом, а из Сибири в Тобольск — осенью. При движении из Тобольска в Сибирь на май — июнь 1640 г. приходилось 70,8 % (672 чел.), на май — июнь 1656 г. — 95,7 % (199 чел.), на май — июнь 1662 г. — 72,5 % (103 чел.), на май — июнь 1669 г. — 100 % (109 чел.) и на май — июнь 1670 г. — 98 % (224 чел.), а на остальное время года (июль — апрель) — соответственно 29,2 % (227 чел.); 4,3 % (9 чел.); 27,5 % (39 чел.); 0; 2 % (3 чел.) движения. Совершенно отсутствовало движение из Тобольска в Сибирь в сентябре — декаб-

Таблица 7

Роль восточных дорог в торгово-промышленном движении через Тобольск (1639—1670 гг.)*

Дороги	1639/40		1655/56		1661/62		1668/69	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
<i>Прибывающие в Тобольск</i>								
Восточные	0,2	3	3,5	17	10,1	40	10,1	71
Остальные **	90,8	1659	96,5	495	89,9	449	89,9	640
Итого . . .	100,0	1662	100,0	512	100,0	508	100,0	711
<i>Убывающие из Тобольска</i>								
Восточные	71,8	949	43,7	208	30	142	44,3	249
Остальные	28,2	372	56,3	267	70	334	55,7	313
Итого . . .	100,0	1321	100,0	475	100,0	476	100,0	562
<i>Движение по всем соединившимся в Тобольске дорогам (в оба конца)</i>								
Восточные	31,9	952	22,8	225	19,6	191	25,1	320
Остальные	68,1	2031	72,2	762	80,4	783	74,9	953
Всего . . .	100,0	2983	100,0	987	100,0	974	100,0	1273

* ЦГАДА, СП, кн. 44, 348, 433, 540.

** Западные (кроме «примыкающей»), казачьи, местные (Тобольского разряда) дороги.

ре 1639 г., в сентябре — январе, в марте и августе 1655/56 г., в августе — октябре и в июне 1661/62 г., в июле — апреле 1668 г. и в июле — феврале 1670 г. При движении из Сибири в Тобольск на октябрь — ноябрь приходилось: в 1639 г. — 66,9 % (2 чел.), в 1655 г. — 76,5 % (13 чел.), в 1661 г. — 40,8 % (20 чел.), в 1668 г. — 65 % (39 чел.) и в 1669 г. — 81,7 % (58 чел.), а на остальное время года (декабрь — сентябрь) — соответственно 33,1 % (1 чел.); 23,5 % (4 чел.); 59,2 % (29 чел.); 35 % (21 чел.) и 18,3 % (13 чел.). Совершенно отсутствовал торгово-промышленный приезд из Сибири в Тобольск: в апреле, сентябре, ноябре и феврале 1639/40 г., в декабре — мае и июле — августе 1655/56 г., в декабре — феврале и апреле 1661/62 г., в декабре, марте, мае и августе 1668/69 г. и в январе — мае 1670 г.

В течение 1639—1670 гг. время основного торгово-промышленного «отпуска» из Тобольска в Сибирь передвинулось с июня — июля на май — июнь. Если в 1640 г. на июнь — июль приходилось 95 % (908 чел.), в 1656 г. — 9,6 % (20 чел.), в 1662 г. — 0,7 % (1 чел.) и в 1669 г. —

Таблица 8

Распределение по месяцам и динамика торгово-промышленного движения по восточным дорогам через Тобольск (1639—1670 гг.)*

Месяц	Число людей по годам				
	1639/40	1655/56	1661/62	1668/69	1669/70
<i>Ушло из Тобольска</i>					
Сентябрь	—	—	—	—	—
Октябрь	—	—	4	—	—
Ноябрь	—	—	1	—	—
Декабрь	—	—	16	—	—
Январь	5	—	6	—	—
Февраль	7	2	10	—	2
Март	20	—	1	—	3
Апрель	5	6	1	—	—
Май	2	180	103	57	230
Июнь	671	19	—	52	14
Июль	234	1	1	—	—
Август	5	—	—	—	—
Итого . . .	949	208	142	109	249
<i>Пришло в Тобольск</i>					
Сентябрь	—	1	8	13	3
Октябрь	2	7	7	1	49
Ноябрь	—	6	13	38	9
Декабрь	—	—	—	—	—
Январь	—	—	—	2	—
Февраль	—	—	—	1	—
Март	1	—	4	—	—
Апрель	—	—	—	—	—
Май	—	—	6	—	—
Июнь	—	3	6	4	2
Июль	—	—	1	1	3
Август	—	—	4	—	2
Итого . . .	3	17	49	60	71
<i>Всего прошло в оба конца</i>					
Сентябрь	—	1	8	13	3
Октябрь	2	7	7	1	49
Ноябрь	—	6	17	38	9
Декабрь	—	—	1	—	3
Январь	5	—	16	2	—
Февраль	7	2	6	1	—
Март	21	—	14	—	2
Апрель	5	6	1	—	3
Май	2	180	109	57	230
Июнь	671	22	6	56	16
Июль	234	1	2	1	3
Август	5	—	4	—	2
Итого . . .	952	225	191	169	320

* ЦГАДА, СП, кн. 44, 348, 533, 540.

47,7 % (52 чел.), то в 1670 г. — 5,6 % (14 чел.) всех ушедших. В 1640 г. на май — июнь приходилось 70,9 % (673 чел.) и в 1656 г. — 95,6 % (499 чел.), в 1662 г. — 72,5 % (103 чел.) и в 1669 г. — 100 % (109 чел.), а в 1670 г. — 97,9 % (244 чел.) всех ушедших.

Проведенное в течение 1639—1670 гг. перенесение времени основного торгово-промышленного выхода из Тобольска в Сибирь с июня — июля на май — июнь было вызвано: включением в состав Российского государства не бывших еще в 1639/40 г. в его составе Прибайкалья, Забайкалья, Приамурья и некоторых северо-восточных и восточных областей Восточной Сибири, в результате чего конечные пункты торгово-промышленного движения в Сибирь были вынесены с берегов Лены на берега рек, впадающих в Тихий океан; предпочтением торгово-промышленными людьми при своем движении в Сибирь как можно дальше идти по водным путям, максимально используя для этого весьма короткий для Сибири навигационный период¹⁰⁰.

В течение 1639—1670 гг. расширялись временные рамки торгово-промышленного движения из Сибири в Тобольск. Если в 1639/40 г. они составляли только 2 месяца, то в 1655/56 г. — 5, в 1661/62 г. — 8, в 1668/69 г. — 7 и в 1669/70 г. — 7 месяцев.

Основная масса торговых, служилых, посадских и иных людей приходила в Тобольск из Сибири по последнему водному и по первому санному путям, в результате чего на октябрь и ноябрь в 1639/40 г. приходилось 66,7 % (2 чел.), в 1655/56 — 76,5 % (13 чел.), в 1661/62 г. — 40,8 % (20 чел.), в 1668/69 г. — 65 % (39 чел.) и в 1669/70 г. — 81,7 % (58 чел.) всего годового торгово-промышленного движения из Сибири в Тобольск.

Подобное помесечное распределение торгово-промышленного движения из Сибири в Тобольск объяснялось условиями хождения по сибирским путям сообщения, временем прибытия в Тобольск среднеазиатских караванов¹⁰¹, временем открытия Ирбитской богоявленской ярмарки¹⁰² и желанием торговых людей дойти по санному пути до Соли Камской или Устюга.

Совокупные данные о помесечном распределении торгово-промышленного движения из Сибири на Русь и обратно по восточной и западной группам дорог опровергают утверждение Н. Г. Потанина о том, что «торговые отношения Сибири с своей метрополией Москвой производились только раз в году»¹⁰³. К концу рассматриваемого периода они носили уже регулярный и почти круглогодичный характер.

Теперь рассмотрим трассы и динамику торгово-промышленного движения в эти же годы по южной группе дорог, соединявших Сибирь с Казахстаном, Средней Азией, Джунгарией, Монголией и Китаем.

Торговые пути между Западной Сибирью и Средней Азией были проложены в глубокой древности. Уже во второй половине I тысячелетия до н. э. вдоль Иртыша, пересекая болотистые пространства Барабы, шла проторенная караванная дорога из Средней Азии в таежные районы северных угорских племен. Древнейшее существование этой дороги подтверждается многочисленными находками по берегам впадающих в Иртыш рек железных племени, серебряных блюдец, чаш, кубков, изображений Артемиды, сработанных бактрийскими, хорезмийскими, иранскими мастерами в IV—I вв. до н. э.¹⁰⁴

На заре эры хорезмийские и бухарские купцы, двигаясь вдоль Ишима и Тобола, вышли к уральским перевалам и, перейдя их, очутились на вершинах левых притоков Камы, в местах старинной Ананьинской культуры (VIII—III вв. до н. э.).

Переход мусульманских купцов через Урал означал установление нового караванного пути из Средней Азии в Среднее Поволжье. Теперь сюда можно было попасть не только через Яик в Башкирию, но и через Тюменский волок. Древнее функционирование этого сибирско-камского пути подтверждается многочисленными находками по обеим сторонам Уральских гор хорезмийской посуды и иранских монет первых веков нашей эры¹⁰⁵.

Сибирско-камская дорога, связывавшая Среднее Поволжье со Средней Азией через Камско-Иртышское междуречье, продолжала существовать длительное время, вплоть до XIX в.¹⁰⁶

О торговых путях из Волжской Болгарии через Сибирь и Башкирию в Среднюю Азию русские узнали не позднее X в. В пользу этого предположения говорят и поход киевского князя Святослава Игоревича на волжских болгар и хазар в 965 г., и повторный поход на них Владимира Святославовича в 985 г., и заключение Владимиром Святославовичем торгового договора с волжскими болгарами в 1006 г., и существование в самом городе Болгаре в X в. особого древнерусского квартала, населенного русскими ремесленниками и торговцами, и оживленнейшие торговые связи Волжской Болгарии с Русью и Средней Азией в X—XIII вв.¹⁰⁷ Опираясь на эти факты, можно, пожалуй, пойти и дальше и предположить, что в X в. русские не только

знали эти пути, но и сами торговали по ним со Средней Азией, подобно тому как они торговали с ней по путям, проходившим еще южнее¹⁰⁸. Начавшееся в XIII в. татаро-монгольское нашествие не могло, конечно, не расстроить этих путей в обоих направлениях и не оттеснить еще надолго русское купечество от непосредственных связей с отдаленными среднеазиатскими рынками. Понадобились упорная и длительная борьба с последствиями татаро-монгольского ига, образование Русского централизованного государства и включение в его состав татарских ханств на Волге и в Сибири, чтобы это купечество вышло наконец на старые, проторенные еще мусульманскими купцами среднеазиатские торговые пути, постепенно оттесняя их здесь в качестве главных хозяев и распорядителей. Тогда сразу открылись перед русскими купцами два основных пути, которые позже, в последующие века, так широко были использованы ими для своих целей. Один — камский, приведший их в Сибирь и в степи Казахстана, другой — юго-восточный, в сторону Якиа и Каспийского моря.

Очутившись на Камском пути, русское купечество развернуло кипучую деятельность по его освоению. Немалую услугу ему в этом отношении оказала и сама сибирская администрация, не меньше его заинтересованная в точном знании путей, по которым совершались на Сибирь опустошительные набеги кочевых феодалов. Поэтому со всех лиц, вышедших и выбежавших в русские пределы от кочевников, снимались подробные расспросные речи, при записи которых особое внимание обращалось на точное фиксирование маршрутов движения¹⁰⁹. При сведении этих показаний воедино получается, что Тобольск в XVII в. был соединен с Калмыкней, Казачьей Ордой и Бухарней несколькими торговыми путями.

Одна из этих дорог, называемая Ишимской, шла от Тобольска вверх по правому берегу р. Иртыша до расположенного у Шаншинских гор Калмыцкого перевоза, где, перейдя на левый берег реки, продолжала следовать по нему до устья р. Вагай. От устья реки Вагай до находившейся немного южнее Атбашского острога переправы дорога проходила по левому берегу Вагай, пересекая на своем пути «многие грязные реки, дуга, дубравы и боры». Перейдя Вагай, дорога пролегла «через зыбучия и мелкия болота» и выходила, «миная озеро Якишуль», на «Ишимские падьи», на речку Карасунь. Отсюда, следуя «подле Ишима», дорога добиралась «до урочища бору Шанши-Карагай» и, переметнувшись на правый берег реки, выходила «на вершину

Ишима реки, на Каменный брод». Идущие этим путем отмечали, что «ход де бывает коньми и верблюдам пужливый, а телегами... и идти не возможно, потому что та дорога околична и многие по ней огорки и объезды и речки крутобережны и грязны и лесные и водою глубокие и болота зыбучие и грязи тонкие и без мостов де перебродить невозможно»¹¹⁰. Но, несмотря на это, торговое движение по Ишимской дороге было большим, так как она обеспечивала идущих по ней пищей и кормом и была по сравнению с другими дорогами более безопасной от набегов кочевых феодалов.

Кроме этой окольной дороги имелась и другая, так называемая «пристойная дорога внешнего пути в Казачью Орду». Начинаясь в Тобольске, она шла «слободами вверх по Тоболу реке» до Калмыцкой (Утинской) слободы, от которой, пройдя степью до Ишима, переваливала через него в Большой Луке, прозванной Улутатой, и выходила на Каменный брод, где сливалась с Ишимской дорогой. В отличие от последней она проходила не через болота и горы, а через «ровную степь», где «людям и скоту было кормно». Единственным, хотя и важным, недостатком этого пути было то, что он, совпадая в основном с «приходной Ордынской дорогой», не всегда уберегал торговые караваны от разграбления кочевыми феодалами.

Имелся, по-видимому, еще и третий путь, выводивший торговых людей на верховья Ишима. Этот путь шел от Тобольска вверх по левому берегу Ишима до расположенного напротив Чернолуцкого острога речного загиба, затем поворачивал на юго-запад и, пройдя по степи солидное расстояние, неожиданно появлялся в верховьях Ишима; перескочив его восточнее Каменного брода, встречался с вышеописанными торговыми путями; соединившись с ними, он образовывал Туркестанскую дорогу.

Возникшая от этого слияния Туркестанская дорога «лежала прямо на зимний полдень»; перевалив через речки Терсазир, Сары-су, Чиганамон и Тарганскую вершину, она выходила к озеру Тыркуль, расположенному среди невысоких холмов, с которых струились в р. Тургай небольшие речки. От Тыркуля, где обычно «воевавшие по слободам воровские воинские люди кидали телеги, арбы и кошевую посуду дальнего похода», дорога, перешагнув через речку Кынырь, шла подле нее по камню до прибывшей сюда с востока от Нор-Ишимских озер «большой речки Кынырбай». Перехлестнув речку Кынырбай, она снова тянулась по камню, у подножия которого лежали «рынь-пески». Миновав мечеть Каменную палату, дорога выходила «наволо-

ками» к устью р. Кымырбай. В устье реки Кымырбай, впадавшей «с левой стороны» в р. Сары-Су, «на мысу», стоял разрушенный «Чудской кирпичный город Сургуна (Бургуна). Перейдя здесь Сары-Су, дорога извивалась возле нее до урочища Кручин-Куш, недалеко от которого начиналось узкое и глубокое ущелье, преодолеть которое можно было только «в один человек, а шеренгою и телегами было пройти невозможно». И вот к этому месту, находившемуся от Туркестана в шести днях пути, сходились все степные дороги: «и от кочевий, и от городов». Минувая этот опасный проход, где «воровские люди ждут караванов и, сождав, разбивают и грабят», дорога направлялась к последнему сарыускому «кормовищу», к Тюмень-Карагаю, или, иначе, к Пятнадцати деревьям. Здесь от реки, уходящей вскоре «под землю в озеро Тиниккуль», Туркестанская дорога делилась на две: на правую и на левую. Правая дорога приводила песками к камню, от которого можно было, идя на запад, попасть в Кара-Калпакию, и идя на юг, с последующим поворотом на юго-восток, — в Туркестан. Левая же, «калмыцкая дорога» тянулась от Пятнадцати деревьев к р. Чу, от которой, минувая три Чуйских озера и перевалив через горы Улутау, упиралась в Туркестан. Все это расстояние от Тобольска до Туркестана покрывалось тихим ходом в 9 недель, средним — в 2 месяца, а скорым — в 30 дней. Далее дорога от города Туркестана шла в сторону бухарских владений, пересекала р. Сыр-Дарью и направлялась к колодезю Дерт-Кушук, откуда через три колодезную степью доходила до колодезца Авитлы и заканчивалась наконец у города Бухары; на прохождение до Бухары этой дорогой требовалось около 15 дней¹¹¹.

Кроме дорог в Калмыкию, Казачью орду и Бухарию из Тобольска шло несколько путей в Джунгарию, из которых нам более или менее известен только один, да и то не на всем протяжении, а только в северной части его. Пользуясь этим путем обычно плыли из Тобольска вверх по Иртышу до Ямышевского озера на дощаниках, а затем тряслись до урочища Семи Палат на телегах. До урочища Семи Палат необходимо было идти вверх по р. Чар-Гурбану, переваливать в вершинах его через хребет Халма (Калба), выходить на вершины Бекони и Чегуляка и спускаться по ним в Зайсанскую котловину. Дальше путь пролегал через реки Карабуга, Кабарга-Базар и прочие и тянулся подле северной подошвы хребта Табаргата до горного прохода Хабар-Табан (Хамар-Асу). Досюда можно было проехать и на телегах. Здесь телеги разбирались и вычились

на верблюдов. По другую сторону хребта снова ехали на телегах до р. Имель, где караван находил оседлых бухарцев, пахавших тут пашню. Здесь телеги оставались, и далее товары везлись на верблюдах. От Иmeli дорога шла через Шара-Хулусан (южнее Чугучака), через западные отроги хребта Сауры на озеро Халтарын-Иге. Отсюда на р. Боро-тола и на озере Талки караван переходил третью горную цепь и спускался на р. Илю, а потом достигал Урги при р. Текес. Весь этот путь от Иртыша до Урги караваны совершали в 60 дней. За какое время и каким путем проходили караваны от Урги до Кашгара и Яркенда, мы не знаем. Протяженность же северной части описанного пути, тянувшегося от Тобольска до Урги через Тару, Омск, Семипалатинск, Кокпекты и Чугучак, составляла примерно 2292 версты¹¹².

Несколько торговых путей соединяло Тобольск с Китаем. В протекении одного из них большая заслуга принадлежит московскому дворянину, бывшему воеводе на Валуйках и в Мангазее Федору Исаковичу Байкову, ходившему первым с официальным посольством в Китай «для государства торгового промысла» в 1654—1658 гг.¹¹³

Идея отправления официального посольства в цинский Китай зародилась и была реализована ближайшим окружением молодого царя Алексея Михайловича. В то время многие важнейшие государственные дела решались за царским обедом, к которому приглашались лишь самые доверенные лица. Наиболее частыми гостями были патриарх Никон и князь А. Н. Трубецкой — ближайшие советники царя и творцы внешней политики Русского государства. 2 февраля 1654 г. на царском обеде встретились вновь Никон и А. Н. Трубецкой, и в тот же день последовал указ Алексея Михайловича думным дьякам А. Иванову и И. Патрикееву о подготовке наказа Ф. И. Байкову, отправляемому в Китайское государство в качестве посла. При отложении русского посольства в Китай исходили прежде всего из престижных и фискальных интересов, а объективные условия — развитие производительных сил Русского государства, его географическое сближение с Цинской империей благодаря освоению Сибири и Приамурья, развитие дипломатических отношений с Турцией, Персией, Индией, расширение посольских связей с монгольскими ханствами — создавали благоприятные возможности для установления прямых контактов Русского государства с цинским Китаем. Особое значение в восточной политике московского двора в этот период приобретает необходимость поисков на Востоке новых рынков для русских товаров, главным образом пушнины, спрос

па которую в Западной Европе во второй половине XVII в. уменьшился в связи с широким распространением там шерстяных и шелковых тканей и конкуренцией североамериканской пушнины. Внешнеторговые связи развивали как в интересах влиятельного слоя богатого купечества, так и руководствуясь господствовавшими идеями меркантилизма¹¹⁴.

По возвращении из Китая Ф. И. Байков представил в Приказ Большой Казны подробный устный отчет о своем путешествии, вылившийся в записи дяков в статейный список, подлинник которого впоследствии погиб в одном из московских пожаров вместе со всеми делами Приказа Большой Казны. О существовании подлинника статейного списка Ф. И. Байкова свидетельствует упоминание о нем, относящееся к 1666 г., когда готовилось новое посольство в Китай Сенткула Аблина: «В Приказе Большой Казны выслан Федора Байкова статейный список, как он, Федор, послан в Китайское государство, и тот статейный список дячьей и Федоровой рукою не закреплен»¹¹⁵. Причиной дефектов в оформлении основного посольского документа послужила якобы неграмотность самого посла и отсутствие при нем подьячего. В выписке, составленной 14 марта 1666 г. в Приказе Большой Казны о товарах, привезенных из Цинской империи Ф. И. Байковым, И. С. Перфильевым и Сенткулом Аблиным сказано: «А книг покупки товаров Федор Байков не подал, а сказал, что де у него подьячего не было, а книг писать было векому, а он сам грамоте не умеет»¹¹⁶. Следующая копия со статейного списка Ф. И. Байкова была сделана в Приказе Большой Казны в 1674 г. при подготовке посольства Н. Г. Спафария в Китай¹¹⁷.

Читая записи байковского отчета, поражаешься обилию в нем ценнейших географических, этнографических, экономических сведений и удивляешься способности русского служилого человека, каким был Федор Исакович Байков, удерживать в своей памяти все виденное по дороге в Китай и уметь воспроизвести все это так ярко, образно, кратко и точно. Из всего многообразия содержащихся в этом памятнике XVII в. сведений наше внимание особенно привлекают те, которые характеризуют самую трассу движения Байкова в Китай. На описании маршрута пути Байкова в Китай остановимся более подробно, потому что некоторыми исследователями¹¹⁸ этот маршрут воспроизводится не совсем точно.

Анализ данных, содержащихся в сохранившихся вариантах статейного списка Ф. И. Байкова (1658 г.)¹¹⁹, показывает, что русское посольство в Китай в составе примерно

160 чел. служилых и торговых людей, в числе которых были даже индийские купцы на их астраханской колонии¹²⁰, вышло из Тобольска 25 июня 1654 г. и поехало на дощаниках вверх по Иртышу на Тару, в которую и прибыло 27 июля 1654 г., пробыв в пути 4 недели и 3 дня. Отбыв из Тари 10 августа 1654 г., Ф. И. Байков 17 сентября 1655 г. пришел на урочище Белые воды, каковым именем называется рукав Иртыша недалеко от озера Ямыш. На Белых водах Ф. И. Байков простоял 4 недели, ожидая от калмыцкого тайши Аблая вожей, лошадей и верблюдов. Получив от него 40 верблюдов и 50 лошадей, он тронулся в путь 16 октября 1655 г. и, пройдя по западному берегу Иртыша 9 дней, очутился перед жилищем калмыцкого ламы, расположенным на восточном берегу Иртыша¹²¹.

Однако Г. Ф. Миллер в работе «О первых российских путешествиях в посольствах в Китай»¹²² утверждает, что Ф. И. Байков шел по западному берегу Иртыша только от Белых вод до устья р. Енкуль, а от устья реки Енкуль и до жилища калмыцкого ламы он шел уже по восточному берегу Иртыша. Если Миллер еще и допускал некоторое движение Байкова по западному берегу Иртыша, то А. Г. Банников¹²³ и Большая Советская Энциклопедия (2-е издание)¹²⁴ вообще не допускают этого и на своих картах-схемах трассе его пути от Белых вод до жилища калмыцкого ламы, т. е. до современного Семипалатинска, прокладывают только по одному восточному (левому — по ходу Байкова, правому — по течению. — *О. В.*) берегу Иртыша, хотя это и находится в вопиющем противоречии с показаниями самого Байкова: «А от Долон Караган до речки Енкуля ходу день. А выпала та речка Енкуль из Камени, а от речки Енкуля вверх же подле реки Иртыша по правой стороне (правой — по ходу Байкова, левой — по течению. — *О. В.*) до Лабы ходу три дня: а живет тут калмыцкий лама, подле Иртыша на левой стороне». Имея перед собой такое ясное, четкое и одно и то же для обоих вариантов статейного списка описание, в котором сам путешественник говорит о движении своем от Белых вод до калмыцкого ламы только по одному правому берегу Иртыша, просто удивляешься, как могли указанные авторы не считаться с указаниями самого Байкова и прокладывать трассу его пути не по западному (правому — по ходу Байкова, левому — по течению. — *О. В.*), а по восточному берегу Иртыша, тем более что в их распоряжении были, в отличие от Миллера, и полный текст описания путешествия Байкова, и многочисленные коммента-

рин, в которых этот участок пути воспроизводится правильно по ¹²⁵.

От жилища калмыцкого ламы Байков «пошел степью от Иртыша по правую сторону» и на 15-е сутки 22 ноября 1654 г. достиг пашен «Аблаевых пашенных бухарцев», расположенных по обоим берегам небольшой реки Карабути, про которую сам Байков отметил, что течет она из Камени, а «устьем пала в Иртыш с правой стороны». У «Аблаевых пашенных бухарцев» Байков прожил 4 месяца 10 дней, получая от кочевавшего в это время недалеко от озера Зайсан по притокам Иртыша — Енкулю, Чегуляку, Чару — тайши Аблая ежемесячно для своих людей 30 капов ячменя и пшеницы, 50 капов муки пшеничной, «а кап весом по пуду». 3-апреля 1655 г. тайша Аблай снялся со своих кочевий и пошел «от тарану» вместе с Байковым к речке Дюну-дун, а затем к р. Чегуляк, от которой, перевалив Камень-Калмы, попал в верховья р. Чара, а потом в речке Бешки (Аблайлитка), на устье которой по его аблаевому распоряжению строился китайскими мастерами «городок». Отсюда и отпустил тайша Аблай Федора Исаковича в «Китайское царство», по данным первого варианта статейного списка, 29 июня 1655 г., а по данным второго — 30 июня 1655 г., но это противоречие трудно проверить ¹²⁶; и пошел Байков снова к аблаевым пашенным бухарцам, у которых он зимовал, а от них к тарану, под которым следует подразумевать, по мнению Г. Н. Потанина, поселения хлебопашцев около стойбищ князей, а не отождествлять его, как это делает А. Г. Банников, с городом Нарыном, что совсем противоречит источнику ¹²⁷. От тарана Ф. И. Байков, «дождавшись» калмыков и бухарцев, направился к р. Темир-Чюрга, где стояло зимовье Аблая.

Описывая Темир-Чюргу, Байков указал, что «течет та речка из Камени к Иртышу». «А на той речке Темир-Чюрге живут бухарцы пашенные контайшних детей. А родится у них пшеница и ячмень, просо и горох, и скота всякого много. А лес по той речке топольник. Переходил ту речку в трех местах» ¹²⁸. Под Темир-Чюргой, как доказали П. П. Семенов и Г. Н. Потанин, следует разуметь речку Чергу, или Джиты-Арал, вытекающую из котловины Кызыл-Чирх на Зайсанскую равнину, ибо 10 дней пути от Аблайлитки приводят к Базару или Бугазу, где действительно существовали и в XIX в. земледелие и остатки древних пашен и арыков. Здесь, следовательно, было земледельческое население Аблая. Недалеко отсюда к востоку находился таран, т. е. хутор, служивший зимовкой Аблаю и составлявший край-

ний предмет его владений, потому что на Темир-Чюрге Байков встретил уже пашенных бухарцев, «контайшних детей», т. е. владения сыновей джунгарского князя Эрдени-Батура — хунтайджи, боровшегося, как и его отец Хара-Худа, за создание централизованного ойратского государства и объявившего себя в 1635 г. всеойратским ханом ¹²⁹.

На прохождение этого отрезка пути Байкову потребовалось 12 дней: от устья реки Аблайлитки, где Аблай-тайша строил город, до «аблаевых пашенных бухарцев» — 10 дней, от «аблаевых пашенных бухарцев» до «тарану» и от «тарану» до Темир-Чюрги — 2 дня.

От Темир-Чюрги Байков направился к Кара-Кучиру и дошел до нее за день. Речка Кара-Кучир, по которой кочевал в то время Сепкей-тайша (Сенгей-тайша), второй сын джунгарского контайши (хунтайджи) Батура, принадлежала к бассейну Иртыша и протекала в этом месте по безлесному пространству, окаймленному с востока горами. До них Байков добирался целый день. Вид снежных вершин, чуть розовевших в лучах вечернего солнца, запомнился путешественнику. «...А на том камени, — рассказывает Байков, — лежат снега великие. А калмыки сказывают: никогда де те снега не сходят» ¹³⁰.

Здесь под Кара-Кучиром следует разуметь восточную вершину реки Черги, известную в нижнем течении, ниже Саза, под названием Канды-Су и выше Саза — под названием Карагайты (Чагань-Обо). Обе они действительно безлесны на том пространстве, где подле них проходит дорога, тогда как по Черге и Тарс-Апрыку, на ее западной вершине, растет лес топольник. На переход с Черги на Карагайты уходит день, сколько и употребил на это Байков. Отсюда день пути до восточного склона горного прохода Кереген-Тас, и Байков также говорит, что «от Кара-Кучира до Камени день». А «снеги великие», которые, по его словам, лежат на том Камне, могут относиться только к Сауру, потому что другого снежного хребта в Кызыл-Чиликтинской долине нет. Тарбагатай, ограничивавший долину с юга, понижался здесь далеко ниже снежной линии ¹³¹.

От Камени (хр. Саура) путь Байкова лежал к контайшипову городку, отстоявшему от гор на расстояние трехдневного перехода. Заходил ли Байков в этот городок, мы не знаем, так как в его статейном списке по этому поводу отмечено только следующее: «А городок, сказывают, глиняной, а в нем две палаты каменные бурханские. А живут в том городке ламы да пашенные бухарцы», переселенные на Зайсанскую равнину Батуром после победы над войсками бу-

харского хана под предводительством Янгира в 30—40-е годы XVII в.¹³² Положение контайшинова городка в трех днях пути от Камня также подтверждает высказанное выше предположение, что Байков Камнем называет хребет Сауру. Контайшинов городок находился на урочище Кубаксары (Кубакзари, Кубук-Джайр) и был построен до 1639 г., так как прибывшие в этом году тобольские посланники, конный казак Кузема Абрамов и юртовский татарин Хожамаммет Итеев, нашли этот городок уже построенным. Находился ли он на р. Кобук в нагорном ее течении или уже по выходе из гор, ближе к горам Джайр, трудно сказать; во всяком случае, он не должен быть далее двух дней пути от южной подошвы Сауры, и Байков через городок или близко от него мог пройти, только следуя через горный проход Чаган-Обо.¹³³ Важно при этом отметить, что уже в этих местах задолго до Байкова побывали из Тобольска литвин Ян Куча в 1618 г., Томил Петров и Дружин Кулагин в 1636—1638 гг. и др.¹³⁴ Побывавшие в контайшиновом городке тобольчане Кузема Абрамов и Хожамаммет Итеев сообщали в 1639 г., что «поставил де он, контайша на мунгальской границе, в урочище Кубаксарах городок каменной и заводит пашню и хочет в том городке жити... А Кубаксары де, государь, урочище сказывали им колмацкие люди от речку от Ясыти, где они контайшу наехали, всего в трех днищах кочевных; а в том де городке живет у него контайши лаба и заводит на контайшу пашню; а пашут де, государь, пашню бухарские люди, сеют пшеницу и просо и семена де завезены из Бухары; а кон де тайша в том городке еще не жилал, кочует около кочевьем»¹³⁵. Следовательно, сведения Байкова о контайшиновом городке (1655 г.) и Кузема Абрамова и Хожамаммета Итеева (1639 г.) идентичны.

От контайшинова городка Байков направился к Камню, по-видимому, Кара-Адырю¹³⁶, до которого дошел за 2 дня. Перевалив «заполднища» Камень, т. е. Кара-Адырь, и выйдя на его северную сторону, немного не доходя до Улай-Булака, первого перехода к западу от Зайсана, Байков очутился в голой степи с небольшими зарослями саксаула, описанного им следующим образом: «Растет невысоко, а дерево тяжело, на огне горит, что дуб, тошко»¹³⁷.

По этой дикой и пустынной местности шел Байков от Камени до озера «верст с 20», «а зовь тому озеру Калмацким языком Кызылбаш. А калмаки сказывают: рыбы де в том озере много, вода в том озере пресная, зелена. А сквозь то озеро прошла река Иртыш»¹³⁸, т. е. Черный Иртыш. Кызылбаш — это пресноводное озеро Зайсан, расположенное в вер-

ховьях Иртыша на обширной долине Алтайского нагорья. На идентичность этих двух названий, как справедливо отмечают Н. Ф. Демидова и В. С. Мясников, есть прямое указание в путевом журнале Н. Г. Спафария: «До Ясака-озера, которого выше того писали, что по калмыцки Кызылбаш именуется»¹³⁹. В литературе высказывалось и другое мнение. Сосновский, например, считал, что под названием Кызылбаш подразумевается озеро Улюнгур, однако вода в озере Улюнгур соленая, что противоречит описанию Байкова. А. Г. Банников склоняется к тому, что в статейном списке речь идет об озере Мерка-Куль (Мирка-Керов. — О. В.)¹⁴⁰.

Минувши озеро Кызылбаш, Байков очутился «у иртышской вершины», отстоящей по первому варианту статейного списка от озера на «полднище» пути, а по второму — «от того озера до реки Иртыш» было «ходу день». Перейдя «иртышскую вершину поперек» и выйдя на заросший лесом правый берег Черного Иртыша, русские встретили здесь на исходе, по первому варианту, пятого, а по второму — восьмого дня пути «мугальского Тайчина-тайши». Возможно, что под Тайчин-тайшой имеется в виду Дайчин-тайша — восьмой сын Батура-хунтайджи. Однако он назван «мугальским», как именovali людей Алтын-хана, что же касается представителей ойратского объединения Батура, то их называли «калмыками». Поэтому с большим основанием можно предположить, что в данном случае речь идет о Дайтчин-табуне, зяте Алтын-хана Лубсана Эрнечина-хунтайджи, кочевья которого в 50-х годах XVII в. сильно продвинулись на север¹⁴¹. В каком же из вариантов статейного списка допущена ошибка относительно времени пути от озера Кызылбаш до кибиток «мугальского Тайчина-тайши», установить трудно.

С рассветом следующего дня снова пустились в путь и шли по правому берегу Черного Иртыша вдоль хребтов Монгольского Алтая еще 14 дней. Затем Байков резко повернул от Черного Иртыша, уходящего «вверх в розсыпь мелкими речками», на восток (влево), так, что «Иртыш остался в-право», и, пройдя меж гор по голой степи без воды и корма 2 дня, вышел наконец к «мунгальцам», которые, по словам Байкова, «людишка добре худы, а житие их самое нужное».

Впрочем, Д. М. Лебедев и А. Г. Банников¹⁴² утверждают, что Байков шел от Семипалатинска к Алтаю не через реки Чар, Бугаз, Карабуга, Черга (Джигты-Арал), Канды-Су, Карагайту (Чагань-Обо), район урочища Кабук (Хобук), хребет Саура, озеро Зайсан, р. Черный Иртыш, как полагаем мы, а прямее: по берегу Иртыша к северо-восточной

оконечности озера Зайсан, от него повернул на восток и вышел через город Нарын к озеру Мерка-Куль, от которого прошел на правый берег Черного Иртыша и по нему к Алтайским перевалам. Подобная трасса пути мало согласуется с содержанием самого статейного списка, что выше уже отмечалось: «от Ламы» Байков пошел к Аблай-тайше, «стесью от Иртыша на правую сторону» и на 15-е сутки пришел к небольшой речке Карабуге, протекавшей «промеж пашен» «аблаевых пашенных бухарцов» и впадавшей «в Иртыш с правой стороны» (правой — по ходу Байкова, левой — по течению. — О. В.). В одном переходе от этой речки кочевал и сам Аблай-тайша. С наступлением весны (3 апреля 1655 г.) Аблай-тайша снялся со своих кочевий в этом районе и, захватив с собой Байкова, направился к рекам Дюнму-дун и Чегуляк к «Каменн-Калме», от которого пошел через р. Чар к устью р. Бешки (Аблайдинки), где по его аблаевому распоряжению строился китайскими мастерами город. Из сказанного видно, что зимние кочевья тайши Аблая находились «на правой стороне реки Иртыша», недалеко от западного берега озера Зайсан. От Семипалатинска они были удалены на расстояние пятнадцатидневного перехода. Откладывание этого расстояния (20—25 км × 15 дней = 300—375 км) на карте приводит как раз в район р. Карабуг, по берегам которой, согласно Байкову, и находились «пашни аблаевых пашенных бухарцев».

В китайское государство, согласно статейному списку, Аблай отпустил Байкова с речки Бешки только 29 июня 163 (1655) г. Отсюда Байков пошел обратно к аблаевым пашенным бухарцам, у которых он зимовал с 22 ноября 1654 г. по 3 апреля 163 (1655) г., и дошел до них за 10 дней. Откладывание этого расстояния на карте приводит нас опять в междуречье рек Бугаз, Базарка и Карабуг. Отсюда ясно, что при своем движении в Китай Байков шел до Семипалатинска не на северо-восток, как полагают Д. М. Лебедев и А. Г. Банников, а на юго-запад. Следовательно, он обошел озеро Зайсан не с северо-востока, а с юго-запада. Точно так же не совсем правильно воспроизведен маршрут Байкова на участке пути от Чугучака до Алтай и в Большой Советской Энциклопедии (2-е издание). Противоречие здесь статейному списку состоит в том, что трасса пути Байкова на Алтай проведена не через Черный Иртыш, а только по одному западному берегу его. Таким образом, если по статейному списку Байков вошел в Алтай, перейдя в каком-то месте Черный Иртыш, то по БСЭ он вошел в Алтай, не переходя Черного Иртыша, а просто обойдя его с запада.

Далее путники Байкова преодолели предположительно перевалом Джаматы еще один безводный, пустынный горный, выйдя на восточный склон Южного (Монгольского) Алтая, спустились к соленому озеру, возможно Дабует-Дабусун¹⁴³, где соль оказалась «добре чиста и бела и сладка». На это ушло двое суток.

«А от того соляного озера до мунгальских же калмыков ходу 10 дней». Дорога лежала «меж гор каменистых», по пространству между Алтаем и Ханганом по безводным местам, где скоту «ни воды ни корму» не было. Горы, окружавшие дорогу, были «добре высоки, а снега велики» и никогда «не сходят». Но вот вдалеке показались кибитки «мунгальских людей», а вместе с ними и отдых, и кров.

С рассветом снова тронулись в путь и к вечеру дошли до брошенных у подножия гор «китайских пашен». Пашни обратили на себя внимание Байкова, и он запомнил, что «на тех пашнях ставлены хоромы глиняные. А хоромы ставлены на четыре угла, верхи круглы, а окон у тех хором нет, только сверху поло, что у татарских юрт; а стоят от многих лет»¹⁴⁴.

«А от тех китайских пашен до мунгальцев ходу день. А от мунгальцев до Саахану», под которым следует подразумевать р. Паган, пересекавшую дорогу из Улиссатай в Кокхото, «ходу 2 недели 5 дней». Здесь путешественники шли среди гор, высоких песчаных бугров, сухих водотоков, поросших кустами хармыка с кисло-сладкими ягодами; в горах верблюды падали один за другим, лошади не выдерживали безводных пространств Гоби. «...Кормом и водою добре скудно и скота мрет много...» — повествовал Байков. Но вот на горизонте замаячил Саахен — местность «добрых кормов и вод»¹⁴⁵.

Немного отдохнув и запасшись провiantом, снова двинулись в путь и на пятые сутки были у тайши Доброна.

От тайши Доброна через Абуги — урочище тибетского кочевья — до первого китайского города Кокототан (Гуйсуй) тридцатитрехдневный путь лежал снова по пустынным пескам Гоби.

Крупный китайский город Кокототан (Хуху-Хото, или Гуйсуй (Гуйхуачэнь)) с его шумными базарами и многочисленными лавками Байков описал во всех деталях, отметив продаваемые товары, цены на них и характер торговли: «А рид у них велик: лавки каменные, а позади поделаны дворы; а лавки деланы по-русски с замены. А торгуют серебром ланами. А лан у них весом в их вес 10 золотников, а нашего весу 9 золотников. А мелочь всякую купят на чай. А чай

купят по 14 бакши на лан. А в лавках у них товары: камки и баази всякие цветы их китайские, и шелку много всяких цветов. Железа и меди у них много. А сено и дрова привозят у них на телегах»¹⁴⁶.

Описал Байков и земледелие под городом, и обилие сельскохозяйственных культур. «А пашни у них по-русски, — сообщал путешественник, — а хлеб родится у них: просо, и пшеница, и ячмень, и овес, и лен, и конопли; а овощи: чеснок, и морковь, и орехи грецкие и масла семенинова много»¹⁴⁷.

Под Кококотаном простояли путешественники 8 дней — с 12 по 21 января 1656 г., ожидая провожатых в Канку (Калган).

Во время двенадцатидневного пути до Калгана три раза путники переваливали через горы и попадали то в долины, населенные земледельцами, то на высокие равнины, где пасли стада кочевники. «А как пошел Федор Исакович Байков от Кококотану, и на дороге снег выпал, сутками больше полуаршина, и морозы были добре велики. А до того был не велик, только в копыте копыто, и морозов не было»¹⁴⁸. Животные не находили корма, и приходилось подолгу задерживаться на крутых склонах, где снег не был так глубок и еще яркое солнце быстро сгоняло его. «А к заставному городу Канке пришел Федор Исакович Байков февраля в 10 день в Мяное загоенье и стал, не дошед до города за полдня»¹⁴⁹.

В Калгане стояли русские 10 дней, ожидая указа из Пекина. Город как торговый центр показался Байкову интересным: «Запас великий дорог: муки пшеничной и проса и толочка цуд купили по лану, а быки покупали не велики лан по 6 и по 7 и по 8»¹⁵⁰. Но в противоположность Кококотану он заинтересовал путешественников как военная крепость, отделенная Великой Китайской стеной, которую русские увидели здесь впервые. «А стоит тот заставной город Канка, — рассказывал Байков, — меж гор каменных, а через горы с обеих сторон приведена стена каменная, камень дич. А стена высока, сажени три початых, а поперег сажени в полторы. А город кирпичной, смазван известью»¹⁵¹.

Об огромной протяженности стены, поражающей в те времена всех видевших и слышавших о ней, рассказывает и Байков. При этом интересен здесь указанный им западный ориентир — известный уже тогда в России город Сучкоу (Исюцюань), у Байкова названный «Сукция», — город, где в те времена была сосредоточена торговля Китая с мусульманами и куда приезжали купцы из Тобольска¹⁵².

«А стена де та ведена, — повествовал путешественник, — от ревенных Китай, где родится корень ремень копытчатой, из-за Сукция города от моря. А ведена де та стена за то Китайское царство до моря ж. А сказывали про то бухарим и калмыки и китайцы»¹⁵³.

Из Калгана посольство Ф. И. Байкова в составе 100 чел.¹⁵⁴ вышло 21 февраля 1656 г. и, пройдя 18 городов, прибыло в Канбалык (Пекин) 3 марта 1656 г., пробыв в движении 7 дней, в остановках — 4 дня.

На прохождение же всего маршрута Тобольск — Тара — Ямышево — Лаба (Семипалатинск) — р. Чар-Черга (Джикты-Арал) — р. Канды-су — р. Карагайты (Чагань-Обо) — хр. Саура — оз. Зайсан — р. Черный Иртыш — хр. Алтай — оз. Дабует-Дабусун — зап. склон Ханганя (район Улиссатай) — Саахен (или р. Цаган, или Гурбан-Сайхан) — Абуги — Гоби — Гуйсуй — Калган — Пекин¹⁵⁵ Байков затратил 19 месяцев и 8 дней (88 недель)¹⁵⁶, из которых на непосредственное движение в Китай ушла только 31 неделя, а остальное время заняли различные задержки в пути и перекочевки с Аблай-тайшой по рекам Дзонму-дун, Чегуляк, Чара и Аблайлитка.

В начале 70-х годов XVII в., когда эта трасса, хотя и с некоторыми изменениями, была хорошо освоена русскими торговцами людьми, на прохождение ее от Тобольска до Пекина через Тару, озеро Ямыш, расположенный около западного берега озера Зайсан улус Аблая, ставку контайши Сенги, «мунгалские урочища Урунга и Булаган», стоябище монгольского тайши Елдена, хребет Алтай, тибетское урочище Айбути, города Кококотан (Гуйсуй), Канку (Калган) и Бай-Сумы требовалось всего только 22—24 недели¹⁵⁷.

Второй путь в Пекин из Тобольска проходил через Тару, Барабу, калмыцкие улусы хана Бошохты, хребет Саянский, улусы монгольского хана Калги и китайские порубежные города Гаус и Канку. Идя этим путем, русские торговые люди достигали китайской столицы через 22—24 недели¹⁵⁸. Возможно, что этот путь в каком-то месте близко подходил или совпадал с другим путем в Китайское государство — «степня с усть Бии и Катуня»¹⁵⁹.

Дорога в Китай из Томска шла вдоль р. Томь, через Шорию и Абаканский хребет, на верхнее течение р. Абакан. Перевалив здесь западные Саяны, дорога выходила на верховья р. Кымчик, чтобы затем, перейдя через р. Барлык, и миновав несколько перевалов (в том числе, по-видимому, Кадр-Орух), попасть, кажется, в долину р. Харингол. Дойдя долиной до р. Урлюкнур, дорога уходила горами и сте-

пами к озеру Убса-нур, чтобы от него пустынной котловиной выйти на юго-восток к горам Хангая. Перевалив через самый западный хребет Хангая — Хан-хухэй — и преодолев хребет Болнай, разделяющий долины Тэса и Дельгер-Мурена на севере и долину Идэра на юге, дорога выводила в район города Уласатай, чтобы затем, повернув на юго-восток, очутиться около Каракорума. Отсюда она шла на восток, а затем, повернув на юго-восток и пройдя пустыню Гоби, выходила к Калгану, от которого было недалеко и до Пекина. На прохождение этого маршрута было затрачено в 1618 г. 3 месяца 22 дня (9 мая — 1 сентября)¹⁶⁰. В начале 80-х годов XVII в. на прохождение этого, хотя и несколько видоизмененного, маршрута, проходившего через земли енисейских киргизов, а также через монгольские и китайские земли Саниг Лоджана-хана, Очироя-хана и императора Канси, торговым людям, идущим «сухим путем на лошадях со вьюками», требовалось около 9—10 недель¹⁶¹. А от Тобольска до Томска можно было ехать двойкой: и сухопутным (через Тару и Барабу), на что уходило при езде тихим ходом около двух месяцев (7 недель), и водным (через Самарово, Сургут, Нарым, Кетск), на что уходило, в зависимости от погоды и загрузки судов, от 5 до 7 недель¹⁶².

Основной недостаток всех вышеописанных торговых путей состоял в том, что они проходили через калмыцкие, киргизские и монгольские земли, в которых, особенно в калмыцкой, «жили войны частые», в силу чего торговым людям через эти земли было ездить «опасно и мешковато»¹⁶³. Все это, вместе взятое, и привело к тому, что торговцы начали искать в Китай новые, более удобные торговые пути, обращая свои взоры главным образом на восточные рубежи страны, которые к этому времени, с присоединением Забайкалья и Даурии к Русскому государству, вышли к границам Китая. Поиски дали желанные результаты, и такие пути были открыты в 1660—1670 гг.¹⁶⁴

Одна из дорог шла из Тобольска вниз по Иртышу до Самаровского яма, от которого поднималась Обью и Кетью к Маковскому волоку, миновав его, выходила Кетью на Енисей, а затем поднималась Верхней Тунгуской к Байкалу, преодолев который, выходила на Селенгинский острог. От Селенгинского острога дорога шла на Кяхту (Троицкосавск). Ургу, далее — через монгольские степи и пустыню Гоби и заканчивалась в Пекине, пройдя через Калган¹⁶⁵. На прохождение этого пути из Тобольска до Пекина требовалось 4—8 месяцев¹⁶⁶.

С выходом русских на Амур и постройкой в 1653 г. Нерчинска открылась возможность проникнуть в Китай по Шил-

ке и Аргуни. От Тобольска до Нерчинска шли обычно водным путем до Селенги, а затем — сухим путем по берегу ее притока Уды, направляясь к трем Еравнинским озерам, от которых проходили мимо озера Теленбы на речку Читу и на Ингоду, в которую Чита впадала, и выходили на Шилку, а по ней достигали и Нерчинска. Это был тот путь, которым ехал в 1675 г. Спафарий, а после него — Избраид и Ланге. Он сделался официальной дорогой в Китай, которой долгое время велись все дипломатические и торговые сношения с этой страной. От Нерчинска до Пекина официальные лица шли обычно через Шилку, Унду, Газимур, Борзю на город Цурухайтуй сухим путем или же достигали его водной, плывя по Шилке и Аргуни. От Цурухайтуя путь в Пекин лежал через города Цицикар, Гириш, Мукден, Цзиньчжоу, Шанхайгуань. На прохождение этого пути из Нерчинска в Пекин требовалось около полутора месяцев¹⁶⁷. По сравнению со всеми другими сибирскими дорогами в Китай последняя дорога имела наибольшие преимущества, так как, идя этой дорогой, можно было найти «езде, — как говорил Спафарий, — воды, реки... и лес», можно было не опасаться никакого нападения в пути и «не давать некоторому тайше поминков», в силу чего «вся корысть в китайском торгу останется русским людям, а не иноземцам»¹⁶⁸.

Некоторое представление об интенсивности торгового движения по всем дорогам, соединявшим в XVII в. Тобольск с Колмакией, Казачьей Ордой, Средней Азией и Китаем, могут дать представленные в табл. 9 данные. Из таблицы видно, что зарегистрированное в тобольских таможенных книгах торговое движение по соединявшим Тобольск с Колмакией, Бухарой и Китаем дорогам было довольно оживленным. В 1639/40 г. по этим дорогам пришло в Тобольск из Колмакии и Бухары 147 чел. торговых людей с кашеварами, в 1644/45 г. по этим же дорогам добралось до Тобольска из Средней Азии и Китая торговых людей с кашеварами 41 чел., в 1647/48 г. — 20, в 1649/50 г. — 27, в 1654/55 г. — 87, в 1655/56 г. — 75, в 1657/58 г. — 68, в 1668/69 г. — 59, в 1669/70 г. — 47, в 1670/71 г. — 35, в 1690/91 г. — 23, в 1694/95 г. — 34 и в 1703 г. — 23 чел. разных торговых людей.

В течение XVII в. интенсивность торгового движения по рассматриваемым дорогам не оставалась неизменной. Наибольшей она была в 50-х годах, когда по этим дорогам ежегодно проходило 70—90 чел., а наименьшей — в 90-х годах, когда по ним проходило только 20—30 чел.

Таблица 9
Интенсивность торгового движения по дорогам, соединяющим в XVII в.
Тобольск с Колмашей, Казачьей Ордой, Бухарой и Китаем

Годы	Иностранцы		Россины		Всего купцов	
	Число	%	Число	%	Число	%
1639/40	118	90,7	12	9,3	130	100
1644/45	20	90,9	2	9,1	22	100
1647/48	10	62,5	6	37,5	16	100
1649/50	14	51,8	13	48,2	27	100
1654/55	25	75,8	8	24,2	33	100
1655/56	51	68,0	24	32,0	75	100
1657/58	51	75,0	17	25,0	68	100
1668/69	43	72,9	16	27,1	59	100
1669/70	45	95,8	2	4,2	47	100
1670/71	30	85,8	5	14,2	35	100
1686/87	Нет данных		18		Нет данных	
1690/91	5	26,1	17	73,9	23	100
1694/95	7	20,6	27	79,4	34	100
1703	3	13,0	20	87,0	23	100

* ЦГАДА, СП, фн. 44, 181, 231 и 752, 263, 348, 371, 539, 540, 547, 592, 989, 1078, 1368.

Наблюдаемое в конце XVII в. абсолютное сокращение торгового движения по дорогам, соединявшим Тобольск со Средней Азией и Китаем, связано с частичным перенесением русско-калмыцко-бухарско-китайской торговли из Тобольска на Ямышевскую и Ирбитскую ярмарки, в результате чего бухарские караваны стали реже посещать Тобольск. Сказалось здесь и реформирование в 80—90-х годах XVII в. сибирской таможенной системы, в силу чего китайские товары, обложенные десятинной пошлиной в Нерчинске, провозились через всю Сибирь беспопливно (если они в ней не продавались, а при продаже пошлину платил не продавец, а покупатель) и поэтому в таможенных, кроме Верхотурской, не регистрировались¹⁶⁹. В торговом движении по этим дорогам участвовали и российские (русские, татары, сибирские бухарцы), и нероссийские (бухарцы, калмыки) купцы. За указанные годы всего прошло по этим дорогам 169 чел. российских торговцев и 422 чел. нероссийских купцов.

В течение 1639—1703 гг. произошло изменение удельного веса российского и нероссийского купечества в торго-

вом движении по дорогам, связывавшим Сибирь через Тобольск с государствами Средней и Центральной Азии. Если в 40-е годы XVII в. удельный вес российского купечества в этом движении колебался от 9 до 50 %, а иностранного, калмыцко-бухарского, — от 91 до 50 %, то во второй половине XVII в. — соответственно от 4 до 87 % и от 96 до 13 %.

Увеличение в XVII в. удельного веса российского купечества до 87 % произошло за счет сокращения в этом движении удельного веса бухарского купечества с 91 до 13 % в связи с переносом его торговли на Ямышевскую и Ирбитскую ярмарки и в другие места.

Ямышевская ярмарка имела в свое время немалое значение для торговых сношений Сибири с внутренней Азией и существовала в XVII—XVIII вв., пока внешняя торговля Сибири не перешла окончательно в Кяхту. Выгодная меновая торговля с калмыками и бухарцами всегда привлекала на Ямышевскую ярмарку много российских торговцев из Тюмени, Тобольска, Тары и Томска, хотя они беспрестанно подвергались в пути нападениям кочевников. Первое русское известие об озере Ямыш находим в наказе 1594 г. о строительстве города Тары, приведенном Г. Ф. Миллером в «Описании сибирского царства». В наказе этом, между прочим, сказано: «Взять на расход розным людям 70 пуд соли, и в тому в прибавку послать из нового города татара и стрельцов на озеро на Ямыш, и велети соли привезти в стругах»¹⁷⁰.

Следующее упоминание об озере Ямыш встречается в Сибирской летописи под 1601 г.¹⁷¹ В этом году тобольскими воеводами был организован поход «по соль к Ямыш озеру», кончившийся, впрочем, неудачно. Иначе бы не стоило в 1604 г. в числе служб аялыных татар отмечать обязанность «по соль ходить»¹⁷². Появление в 1605 г. в районе Ямышевских озер калмыков сильно затруднило солеснабжение Сибири. Случалось, что в течение нескольких лет Сибирь оставалась без ямышевской соли. В 1611 г. тобольские воеводы отмечали: «В Тобольске соли нет, а с Тары соль по два года не присылывана для того, что калмыки озера отняли»¹⁷³.

В ответ на это тобольские воеводы организовали в 1611 и 1613 гг. военные походы на калмыков¹⁷⁴. Походы увенчались успехом, и русским удалось восстановить свои права на ямышевскую соль и на ямышевский торг. Непонятно после этого предположение Миллера, что озеро Ямыш открыто в 1613 г. литовского списку ротмистром Бартышем Станиславовым¹⁷⁵. Последний не открыл, а только восстановил утраченное Сибирью право на соледобычу из этих озер.

Начавшиеся в 1615 г. регулярные соляные и торговые поездки к озеру Ямыш¹⁷⁶ ежегодно собирали несколько десятков¹⁷⁷ тяжелых пяти-, двенадцатисаженных казенных и частных дощаников¹⁷⁸. К моменту отправки каравана они подходили в Тобольск из Тюмени, Туринска, Пелыма, Березова, Сургута, Томска. Отправлялся караван обычно в конце мая — начале июня, прихватывая по пути и тарские дощаники. В 1626 г. тобольский воевода отправил из Тобольска к «Ямыш-озеру по соль» 16 дощаников и 7 ладей с 604 сибирскими служилыми людьми. В 60—70-е годы XVII в. число уходивших из Тобольска за ямышевской солью казенных дощаников возросло до 40. Их сопровождало иногда более 700 чел. В 1699 г. к Ямыш-озеру пошло 25 казенных дощаников с 840 служилыми и работными людьми. Количество частных дощаников, уходивших из Тобольска к Ямыш-озеру в 1639—1671 гг. и принадлежавших западно-сибирским служилым, посадским, крестьянам, ямщикам и церковникам, колебалось от 4 до 11. Они сопровождались «наемными гулящими» и «работными людьми» численностью от 36 до 157 чел.¹⁷⁹ Вместе с соледобытчиками на уходивших из Тобольска дощаниках ехали и торговцы на открывавшуюся «в пост Успения Богородицы» (15 августа) и продолжавшуюся две-три недели¹⁸⁰ Ямышевскую ярмарку. Они везли с собой различные российские и иностранные товары: кожи, металлические изделия, пушнину, галантерею, сукна, «щепье», одежду, воск, писчую бумагу, осетровый и стерляжий клей, чтобы в обмен на них получить от приезжавших сюда из Колмакни, Бухары и Китая среднеазиатских купцов «китайские и эркецкие» ткани, бадьян, корицу, чай, хлопчатую бумагу, калмыцкий скот, мерлушки и исырей¹⁸¹.

В 1703 г. на Ямышевской ярмарке русскими, бухарцами и калмыками было продано различных товаров на 58 000—62 000 руб. Российские торговцы выменяли там 37 746 концов китайки тюевой и селинской, 170 концов китайки однопортищной, 15 648 выбоек бухарских, 24 780 зеидней и чавдаров, 1000 бязей, 1500 кушаков бумажных, 20 азамов, 20 тулупов, 240 лисиц и недолисей плохих, 470 овчинок астраханских, 4 пуда бадьяну. Кроме того, ими было куплено еще прочих мелких товаров на 1060 руб. В начале XVIII в. таможенные пошлинные сборы Ямышевской и Ирбитской ярмарок были почти равными (около 3000 руб. и 3317 руб. 8 алт.)¹⁸².

Нагрузив суда солью и закончив меновой торг с калмыками и бухарцами, русские в конце августа — начале сен-

тября отправлялись в обратный путь, «а калмыки и прочие — в улусы своя». «И то место, — как пишет современник, — остается опять пусто»¹⁸³. Вместе с русскими уходили в Тобольск и те бухарские купцы, которые по каким-либо причинам не желали продавать или не продавали своих товаров на Ямышевской ярмарке. Добирались они до Тобольска и других сибирских городов (Тары, Тюмени, Томска) или на государевых соляных дощаниках, или на верблюдах сухопутным караванным путем. Однако не все из этих караванов, направлявшихся в Сибирь через Ямыш-озеро или минуя его, попадали обязательно в Тобольск. Многие из них, особенно в конце XVII в., совсем не заходили в Тобольск, направляясь на Ирбитскую ярмарку более прямым путем — через Тару или Тюмень.

Ирбитская ярмарка, начавшая свое официальное существование по указу 1643 г.¹⁸⁴, открывалась в первой половине января, обычно не ранее 2—6-го числа, и продолжалась несколько недель. Усилению торговли Ирбитской ярмарки во второй половине XVII в. способствовали, в частности, центральное положение возникшей в 1631 г. Ирбитской слободы среди довольно густой сети земледельческо-торгово-промышленных русских слобод и охотничье-промысловых поселений татар, хантов и манси, выгодное расположение на безопасной сухопутной слободской дороге между двумя крупнейшими западно-сибирскими городами Верхотурьем и Тобольском и срединное положение на пути из Соли-Камской в Тобольск, позволявшее российскому купечеству вести торговлю, не предпринимая долгого и дорогостоящего путешествия из Европейской России в глубь Сибири. Зародившиеся здесь еще в конце XVI в. внутриуездные связи способствовали превращению Ирбитского слободского рынка, лежавшего на основной транспортной магистрали торгово-промыслово-промышленного движения в Сибирь и из Сибири, сначала в уездный, потом в областной, а затем в межобластной торг, обслуживавший в конце XVII в. различными зауральскими, сибирскими и восточными товарами не только «основную, — как считает В. А. Александров, — земледельческую зону Западной Сибири», но в общей сложности и значительную часть Азиатской и Европейской России и в силу этого органично связанный с торговыми пунктами Поморья, Урала, Поволжья, Сибири, Северо-Запада и Центра страны¹⁸⁵.

В орбиту торговых связей Ирбитской ярмарки в 1721 г. были втянуты 24 города и населенные пункты, находившиеся на пространстве от Петербурга до Иркутска и от Архан-

гельска до Симбирска. В состав этих поселений входили Петербург, Оленец, Москва, Суздаль, Симбирск, Казань, Ялutorовская слобода, Тюмень, Тара, Тобольск, Нарым, Томск, Братский острог, Иркутск, Невьянские заводы, владения Строгановых, Соль-Камская, Чердынь, Яренск, Лальск, Сольвычегодская, Устюг Великий, Вага, Архангельск¹⁸⁶.

Органичность торговых связей Ирбитской ярмарки с экономическими центрами России проявлялась в постоянстве их поддержания. Непрерывно происходившее углубление общественного разделения труда вызвало погодные изменения в географии, номенклатуре, стоимости и удельном весе как отдельных видов и групп товаров, так и их совокупных погодных товарных масс, поступавших на Ирбитскую ярмарку в рассматриваемое время из разных регионов страны. По количеству приезжавших купцов и по стоимости привозимых ими товаров первое место на Ирбитской ярмарке до 1703 г. занимало поморское купечество. Затем оно, пропустив вперед себя волжан, боролось в 1703-1706 гг. с сибиряками, уральцами, москвичами и башкирцами за второе — четвертое места.¹⁸⁷ Основание Петербурга (1703 г.), падение внешней торговли через Архангельск и более успешное по сравнению с Поморьем экономическое развитие в начале XVIII в. Поволжья, тесно связанного с Макарьевской ярмаркой, неблагоприятно сказались на торговых операциях поморского купечества на Ирбитской ярмарке. Однако в 1721 г. поморское купечество по количеству приехавших на Ирбитскую ярмарку купцов (25 чел.), уступив незначительно сибирякам (29 чел.), серьезно опередило в этом отношении купечество Урала (8 чел.), Поволжья (5 чел.), Северо-Запада (5 чел.) и Центра (4 чел.). Ирбитская ярмарка, ежегодно собиравшая до нескольких тысяч торговцев, работников и обслуживавшего персонала, располагала всегда в этом составе довольно стабильной численностью торговцев из Европейской России (80—120 чел.)¹⁸⁸.

Возрастание роли сибирского купечества в торговле на Ирбитской ярмарке было связано с успешным созданием и развитием сибирского сельскохозяйственного и промышленного производства и увеличением его товарности. В результате доля сибирской сельскохозяйственной (хлеб, лошади, рогатый скот, мясо, сало, масло, невыделанные шкуры и т. д.) и промышленной (кожи, мыло, свечи, кожевенные, деревянные, металлические изделия, железо и т. д.) продукции в общей массе сибирских товаров на Ирбитской ярмарке росла. Вместе с охотничье-промысловой продук-

цией (меха, рыба, хмель, соль и т. д.) на ее долю в общей стоимости всех ярмарочных товаров приходилось в 1699—1705 гг. от 0,8 до 6,7 %. Доля зауральских товаров в этой стоимости составляла от 88,8 до 98,5 %, а восточных — от 0,7 до 4,5 %.

О наметившейся специализации отдельных мест Сибири по производству тех или иных товаров свидетельствует их происхождение. Тюмень, в которой до середины XVII в. «мыловарение являлось сугубо городской отраслью промышленности», посылала в ярмарочную торговлю Ирбита преимущественно мыло и кожевенные изделия. Наиболее крупный привоз кожевенных изделий из Тюмени был отмечен в 1704 г. (531 пара обуви — по 6 явкам на 35 руб.). Из Тобольска помимо кожевенных изделий поступали железо и металлические изделия. В 1706 г. трое тобольцев привезли более 170 пудов железа; железо поступало также из Невьянской, Арамилской, Арамашевской слобод. Отдельные тобольские и туринские товаропроизводители поставляли медные и серебряные изделия (кресты, серьги, кольца и пр.). Верхотурье и слободы доставляли на ярмарку деревянные изделия, в том числе блюда, ложки и т. д., иногда коровье масло (в 1699 г. — 6 пудов, в 1706 — 14 пудов). Башкирия питала Ирбитский ярмарочный торг медом, воском, хмелем, орехами, поставляя партии этих товаров иногда в 300—400 руб.¹⁸⁹

По объему обращавшихся товаров Ирбитская ярмарка занимала виднейшее место в сибирской и общероссийской торговле, являясь в Сибири первым после Верхотурья оптовым центром «распределения» зауральских, сибирских и восточных товаров. Она была непосредственно связана с Макарьевской ярмаркой и многочисленными городскими и сельскими рынками страны. Среднеазиатские караваны и российские торговцы доставляли на нее товары из Средней Азии, Джунгарии, Китая.

Общая ежегодная стоимость зауральских, местных и восточных товаров на Ирбитской ярмарке в 1699—1706 гг. колебалась в пределах 13 542—41 036 руб., в 1699 г. она составляла 13 542 руб., в 1700 г. — около 22 631, в 1703 г. — 17 466, в 1704 г. — 19 323, в 1705 г. — 41 036 и в 1706 г. — более 25 943 руб. Общая стоимость всех товаров, поступивших на Тобольский рынок в 1694/95 г., составляла 33 762 руб., а в 1703 г. — 25 252 руб. По данным С. В. Бахрушина, в 1692/93 г. через Верхотурье только одних товаров с Руси прошло на 25 056 руб.¹⁹⁰ Стоимость товаров, поступивших и проданных на Енисейском рынке в 1697/98 г.,

по данным В. А. Александрова, составила 6700 руб. Отсюда видно, что по стоимости поступавших товаров Ирбитская ярмарка успешно конкурировала с рынками Тобольска и Верхотурья и значительно превосходила рынок Енисейска. По сравнению с Макарьевской ярмаркой ее торговые обороты были меньше в 3—5 раз¹⁹¹.

Происходивший рост торговли Ирбита, а также и других сибирских городов, посещаемых бухарскими торговыми караванами и калмыками, заставил тобольских воевод принимать некоторые административные меры по сосредоточению бухарско-калмыцкой торговли только в одном Тобольске. Начало этому, по-видимому, было положено еще распоряжением Ю. Я. Сулешева (1624 г.), в котором, между прочим, тюменским воеводам рекомендовалось «на отпуске... говорити колмацким послам, чтоб *вперед* (курсии наш. — О. В.) тайши их присылали послов своих с лошадьми и иными колмацкими товары торговати в Тоболеск, а государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии тайшей их пожелает, велит послом их в Тобольску лошадьми и иными колмацкими товары торговать повольно, как и иных тайш послом». Но и после этого, если не считать некоторой заминки в 1624—1632 гг.¹⁹², калмыцкие послы и бухарцы приходили «с торгом» на Тюмень, а через нее и на Ирбитскую ярмарку, поэтому в 1647 г. последовало более резкое распоряжение: «По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу и по тобольской отписке калмыцких послов на Тюмень принимать не велено; а которые колмацкие послы и станут приходить на Тюмень, и с Тюмени велено их посылать с проводкатыми в Тоболеск, а на Тюмени им пословать отнюдь не велено». Исполняя это распоряжение, тюменский воевода Иван Тургенев не пропустил в июне 1647 г. с Пышмы на Тюмень 32 чел. калмыцких послов, торговых бухарцев и кашеваров, идущих на Тюмень по Ордынской дороге «от Тайчиной жены Дарыки да сына ее Ешкена да от Ирденея контайши»¹⁹³. Но так как данное распоряжение было не в интересах тюменских, верхотурских и туринских воевод, радевших об увеличении во вверенных им городах государственной таможенной казны, то оно и не соблюдалось ими. Распоряжение это снова пришлось повторять в 1661 г.¹⁹⁴ Но и после этого бухарские торговые караваны продолжали приходить на Ирбитскую ярмарку, минуя Тобольск. Это распоряжение оказалось не состоятельным, потому что оно шло вразрез с общим поступательным движением Сибири, в результате которого в ней появлялись новые экономические центры, торговля которых

затмевала торговлю старых центров. В силу этого и получилось, что в конце XVII — начале XVIII в. торговые бухарские караваны стали чаще приходить в Ирбит, минуя Тобольск, а некоторые бухарские караваны и вообще не входили в пределы Западной Сибири, ограничиваясь продажей своих товаров на Ямышевской ярмарке. В иные годы Тобольск навещался не торговыми бухарскими караванами, а только лишь отдельными «приезжими бухарцами» (табл. 10).

Из приведенной таблицы видно, что помесечное распределение прибытия бухарских караванов в Тобольск было таким: сентябрь — 19,3 %; октябрь — 26,0; ноябрь — 16,1; декабрь — 9,7; январь — 0; февраль — 3,2; март — 0; апрель — 0; май — 3,1; июнь — 0; июль — 9,6; август — 13,0 %. Наибольшее количество бухарских караванов приходило в Тобольск в октябре, сентябре, ноябре, августе, а наименьшее — в феврале, мае, июле и августе. Следовательно, бухарские караваны появлялись в Тобольске в первой половине осени (45,3 %) и во второй половине лета (22,6 %). Поэтому является неверным утверждение А. Чулошниковца: «Временем обычного появления в сибирских пограничных городах среднеазиатских торговых караванов были обычно зимние месяцы — ноябрь и декабрь — и уже значительно реже — осенние — сентябрь и октябрь»¹⁹⁵. Если уже в Тобольск основная масса бухарских караванов приходила в конце лета — начале осени (июль — октябрь), то в пограничные сибирские города (Тару и Тюмень) — еще раньше.

Кроме описанных выше путей, существовала дорога из Тобольска на Астрахань «степью» через калмыцкий «Дербитский улус» или через «Оловот» камень¹⁹⁶. Этой дорогой приходили обычно из Астрахани в Тобольск бухарцы, татары и служилые люди¹⁹⁷.

О значении южных дорог в общей системе всех сходящихся в Тобольске путей красноречиво свидетельствуют следующие данные. В 1639/40 г. на их долю приходилось 9,8 % (130 чел.) от общего количества ушедших из Тобольска (во всех направлениях), в 1655/56 г. — 9,0 % (43 чел.), в 1661/62 г. — 34,0 % (152 чел.) и в 1669/70 г. — 22,2 % (125 чел.), а на долю всех остальных (западных, восточных и местных) — соответственно 90,2 % (1191 чел.), 91 % (432 чел.), 66 % (314 чел.) и 77,8 % (437 чел.). В общей массе пришедших в Тобольск по всем дорогам доля, приходившаяся на южные дороги, составляла: в 1639/40 г. — 8,8 % (147 чел.), в 1655/56 г. — 14,6 % (75 чел.), в 1661/

Т а б л и ц а 10

Время прихода, направление доставки, количество и состав бухарских караванов, приходивших в Тобольск в XVII в.*

№ п/п	Время прибытия	Откуда пришли	Маршрут каравана	Количество состав по каравану, чел.
1	4 сент. 1639 г.	Бухара	«Мимо калмыков степью»	4
2	15 мая 1640 г.	»	Не указан	49
3	15 июля 1640 г.	»	»	82
4	4 окт. 1644 г.	»	»	31
5	4 нояб. 1644 г.	»	»	8
6	30 окт. 1647 г.	»	»	7
7	25 нояб. 1647 г.	»	»	7
8	24 окт. 1649 г.	»	»	11
9	3 дек. 1649 г.	Колмакия	»	3
10	20 нояб. 1654 г.	»	»	6
11	5 дек. 1654 г.	Бухара	»	73
12	23 сент. 1655 г.	»	»	11
13	20 окт. 1655 г.	»	»	18
14	15 нояб. 1655 г.	Колмакия	»	1
15	Пост. 1656 г.	Бухара	»	21
16	5 окт. 1657 г.	Колмакия	»	12
17	5 нояб. 1657 г.	Бухара	»	7
18	13 авг. 1658 г.	»	»	7
19	30 авг. 1658 г.	»	»	16

20	18 июля 1660 г.	»	»	17
21	18 авг. 1660 г.	»	»	5
22	2 сент. 1668 г.	»	»	15
23	18 окт. 1668 г.	Китай*	«На соляных дощаниках от Ямаш-озера»	42
24	Февр. 1669 г.	Тара	До г. Тара не указан	13
25	3 авг. 1669 г.	Бухара	Не указан	3
26	17 сент. »	Китай	«На государевых дощаниках от Ямаша...»	6
27	9 окт. »	»	«Мимо калмыков степью»	95
28	12 окт. »	Китай, Бухара	»	10
29	18 дек. »	Колмакия	«Степь»	4
30	17 сент. 1670 г.	Бухара	«Приехали из Китайского государства и из Бухар к соде к Ямашу озеру, а от соли на государевых дощаниках проехали Тобольск» (ЦГАДА, СП, кн. 547, л. 43)	42
31	26 сент. »	Китай, Бухара	«С приселках бухарцев взято в августе месяце двадцатой посылки 1065 руб.» (ЦГАДА, СП, кн. 802, л. 257)	18
32	Авг. 1686 г.	Бухара	»	5
33	Авг. 1691 г.***	»	«Через Атбасинский острог»	

* ЦГАДА, СП, кн. 54, л. 122, 752, 231, 263, 327, 348, 371, 412, 439, 533, 540, 547, 562, 989, 1078, 1368.
 ** «Они бухарцы... О. П. из своей степи имеют в Китай двухмесячный путь, а затем из Бухары до Тобольска — 6 недель, какой они обычно делают на верблюдах» (Исторический архив. — М.: Л., 1936. — Т. 1. С. 160).
 *** Про этих караваны в Тобольск через Атбасинский острог не сказано, что они приехали в Тобольск с торговым караваном ЦГАДА, СП, кн. 797.
 В 1684 г. бухарские караваны вообще не приходили в Тобольск, так как не было сбора аштарской пошлины от Дунгуларского а. 1—171). В 1684 г. приехали в Тобольск только отдельные караваны, приехавшие по пути к Ямашу в Тобольск от Дунгуларского Ямаш-озера (Там же, кн. 1078, л. 983, В. 1701 г. приехали в Тобольск только отдельные караваны от Ямаш-озера (Там же, кн. 1368, л. 1—236).

/62 г. — 1,8 % (9 чел.) и в 1669/70 г. — 6,6 % (47 чел.), а доля всех остальных дорог — соответственно 91,2 % (1515 чел.), 85,4 % (437 чел.), 98,2 % (489 чел.) и 93,4 % (664 чел.).

В торгово-промышленном движении по всем сходявшимся в Тобольске дорогам (в оба конца) на долю южных дорог приходилось: в 1639/40 г. — 9,3 % (277 чел.), в 1655/56 г. — 12,0 % (118 чел.), в 1661/62 г. — 17,5 % (171 чел.) и в 1669/70 г. — 13,5 % (172 чел.), а на долю остальных — соответственно 90,7 % (2706 чел.), 8,8 % (869 чел.), 82,5 % (803 чел.) и 86,5 % (1101 чел.). Следовательно, по количеству перевезенных в Тобольск лиц южные дороги уступали западным и местным дорогам и превосходили восточные, а по количеству отвезенных из Тобольска лиц они превосходили западные и уступали восточным и местным дорогам. По интенсивности же торгово-промышленного движения в оба конца южные дороги занимали четвертое, т. е. последнее, место.

*
* *
*

Первыми русскими поселенцами в Сибири была создана разветвленная, достаточно эффективная и прогрессивная для того времени транспортная сеть, включавшая водные (речные, морские) и сухопутные (волоковые, нартные, верховые, караванные, санные и тележные) пути сообщения. При этом в каждый данный момент ее использование подчинялось целям и задачам освоения Сибири.

Формирование сибирской транспортной сети началось с приполярно-таежной зоны. В создаваемую сеть вошли как имевшиеся в дорусской Сибири пути сообщения, так и новые дороги, разведанные и проложенные в ней русскими с помощью и при содействии аборигенного населения. Прокладка транспортных дорог, соединявших Сибирь с Европейской Россией, несколько опережала появление местных дорог, возникавших уже после основания на этих транзитных путях русских поселений. Главную роль в сибирской транспортной сети конца XVI — начала XVIII в. играли водно-волоковые пути, сформировавшиеся раньше сухопутно-тележных. Интенсивное развитие последних, начавшееся с конца второго десятилетия XVII в. и проходившее на базе успешного демографического, промыслового, сельскохозяйственного и промышленного освоения Сибири и роста товаризации ее хозяйства, создавало необходимую почву для прокладки с середины 30-х годов XVIII в. Московско-Сибирского сухопутного тракта.

В XVII в. были также проложены вблизи северных, северо-восточных и восточных берегов Сибири морские пути для достижения по морю устьев рек, по которым можно было подняться до богатых соболями участков таежной зоны. Успешно развивавшееся в это время полярное мореходство позволило в 1648 г. Семену Дежневу совершить одно из самых крупных географических открытий XVII в. Он впервые в мире прошел из Северного Ледовитого океана в Тихий проливом, находившимся между двумя континентами, доказав тем самым, что Американский материк не составляет единого целого с Евразийским континентом. «Испромышление» к 80-м годам XVII в. сибирского соболя привело к сокращению и полярного мореходства около берегов Сибири¹⁹⁸.

Основными путями сибирской транспортной сети в XVII в. были дороги, соединявшие Сибирь с европейской частью России, и местные уездные ответвления от них. Среди этих протянувшихся от Урала до берегов Тихого океана дорог особое значение в то время имели «чрезкаменная» с тремя своими вариантами, Верхотурская, бывшая до 1763 г. официальной, и Казанско-Кунгурская. До царского запрещения 1620 г. существовал и морской путь в Сибирь и из Сибири, которым поморские промышленники еще в первой половине XVI в. ходили в Сибирь из устья Северной Двины «морем-окияном», «мимо Пустозерский острог»¹⁹⁹. В период интенсивного сибирского соболяного промысла, сосредоточенного в таежной и приполярной зонах, главный поток грузов в Сибирь и из Сибири шел не по Верхотурской дороге, а по «чрезкаменному» пути. В 40—50-х годах XVII в. почти вся сибирская пушнина вывозилась в Европейскую Россию по этому пути. В провозе «русских» товаров в Сибирь в те же годы «чрезкаменная» дорога также в 1,5—2 раза превосходила Верхотурскую. Пользование «чрезкаменным» путем ускоряло как выход в богатые соболями приполярные и таежные районы, так и реализацию добытой пушнины на рынках Поморья, Цentra и Архангельской ярмарки.

Для городов и слобод юго-западной Сибири (Верхотурье, Пелым, Туринск, Тюмень, Тобольск, Тара и др.), расположенных в основной земледельческой и промышленной зоне Сибири и удаленных от районов интенсивного приполярного и таежного соболяного промысла, «чрезкаменный» путь не играл определяющей роли. Здесь преобладали перевозки по Верхотурской дороге с ее многочисленными поуздовыми разветвлениями. Роль Казанско-Кунгурской дороги усилилась с последней трети XVII в. с связи с успехами экономического развития Поволжья.

Среди причин начавшейся с середины XVII в. переадресовки восточно-сибирской пушнины с «чрезкаменного» пути на Верхотурский не последнюю роль играла и неспособность Западной Сибири только одной своей пушниной полностью удовлетворять возрастающий спрос на пушнину, особенно соборей, со стороны успешно развивавшейся через Тобольск, Тару, Тюмень, Томск, Ямышево и Ирбит русско-сибирско-восточной торговли²⁰⁰, общесибирским центром которой до Нерчинского договора 1689 г. был Тобольск. Частичная переадресовка восточно-сибирской мягкой рухляди с «чрезкаменного» пути на Верхотурский способствовала также превращению Тобольска в общесибирский центр пушной торговли, в той или иной степени мобилизовавший охотничье-промысловую продукцию 18 из 20 уездов Сибири. В роли постоянных поставщиков Тобольску «мягкой рухляди», лосиных кож, оленьих рондуг и постелей, мерлушек и «рыбьего зуба» выступали Тобольский, Тарский, Березонский, Сургутский, Томский, Енисейский и не входивший в состав Сибири Уфимский уезды, а в роли спорадических — Нерчинский, Иркутский, Тюменский, Верхотурский, Кузнецкий и Кетский. По сравнению с ними Майгазейский, Пелимский, Нарымский, Якутский, Илимский и Красноярский уезды посылали свою пушнину в Тобольск во второй половине XVII в. почти ежегодно. Вместе с пушниной сюда поступали и иные промысловые, сельскохозяйственные и промышленные товары Сибири.

Развитие русско-сибирско-восточной торговли сопровождалось постепенным перемещением в XVII в. основного потока торгового движения по соединявшим Сибирь с восточными странами путям сообщения с одних дорог на другие: с Туркестанской — на Ямышевскую, с Ямышевской — на Селенгинскую, с Селенгинской — на Нерчинскую, а также переходом в связи с этим перемещением основной роли в торговом движении между Сибирью и сопредельными странами от среднеазиатского купечества к российскому, от русского к собственно русскому²⁰¹. Развернувшаяся в Сибири на базе роста производительных сил, естественно-географического и общественно-экономического разделения труда, отделения «промышленного и торгового труда от труда земледельческого»²⁰² и города от деревни специализация отдельных местностей Сибири на производстве тех или иных товаров увеличила роль местных уездных и межуездных дорог в процессе образования общесибирского рынка в рамках формировавшегося всероссийского. Первое место в торгово-промышленном движении по этим местным уездным

и межуездным путям принадлежало с самого начала сибирякам, а не торговцам Европейской России. В течение XVII в. увеличились регулярность и интенсивность торгово-промышленного движения по местным дорогам и возросла их роль в социально-экономическом развитии Сибири. Создание развитой транспортной сети имело определяющее значение для хозяйственного освоения и экономической консолидации Сибири.

3. СИБИРСКАЯ ТАМОЖЕННАЯ СИСТЕМА И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ ФУНКЦИИ ГОРОДА

Непосредственному рассмотрению сибирской таможенной системы и значения в ней Тобольска предпослано краткое обобщенное описание социально-экономического развития городов Сибири и более развернутое изложение результатов изучения торговли и промышленности Тобольска в сравнении с другими городами.

Русское правительство, стремясь создать наиболее благоприятные условия для становления и развития торговли Сибири с европейской частью России, казахскими и среднеазиатскими ханствами, в первое десятилетие присоединения Сибири придерживалось политики беспопытной торговли. Оно понимало исключительную роль торговли для успешного функционирования в Сибири первых русских городов как центров ее освоения. С момента появления здесь любого русского города торговля становилась одной из ведущих функций в его многогранной деятельности.

Особенно велико было значение торговли в первоначальный период освоения края русскими. Первые русские города, построенные в неземледельческой и непромышленной Сибири, могли развиваться и нормально функционировать в начальный период только путем обмена продукции сибирского промыслового хозяйства (пушнины, рыбы и т. д.) на привозимые из Европейской России и Средней Азии промышленные и продовольственные товары. Торговля помогла не только становлению и развитию сибирских городов, но и освоению Сибири русскими, созданию в ней собственного пахотного земледелия с двух- и трехпольным севооборотами, оседлости кочевых племен, стойлового содержания скота, новых видов транспорта, путей сообщения, срубных и каменных построек, ремесленной,

мелкотоварной и мануфактурной промышленности, разрушению натуральных и становлению и развитию товарных форм хозяйства, удовлетворению потребностей населения, в том числе и аборигенного, в недостающих предметах хозяйственно-производственного и бытового употребления и продуктах питания. Без развития торговли освоение Сибири русскими сильно бы задержалось.

Сам русский город Сибири — это укрепленное или острожным, или рублеными, или острожными и рублеными, или деревянно-земляными стенами поселение в основном не с натурально-хозяйственным, а с торгово-промыслово-промышленным профилем, с государственными, культовыми и частными службами и зданиями, с соответствующим составом населения и особым городским строем. Возник он в условиях государственного-политического, демографического, социально-экономического и культурного освоения Сибири русскими. Освоение слабозаселенных просторов Сибири, в которой на одного аборигена приходилось от 3 до 300 кв. км территории¹, началось в «новый период русской истории (примерно с 17 века)»², когда в недрах господствующей в России феодально-крепостнической системы зарождались и развивались раннекапиталистические отношения. Особенно заметны они были в Поморье, откуда шел основной поток русского населения в Сибирь³. Сибирские города и возникали как опорные пункты этого продвижения и освоения Сибири русскими.

Возникновение и развитие здесь русских городов, подчиняясь общим закономерностям, связанным с развитием производительных сил, общественного разделения труда и производственных отношений, имело и свои особенности. Дорусская Сибирь не имела города как торгово-ремесленного центра с особым городским строем и составом населения, хотя мелкие укрепленные городки знала. В ней в силу недостаточной развитости производительных сил, общественного разделения труда и социальных отношений город, как таковой, только зарождался. Поэтому первые русские города в Сибири были порождены не столько местными, сколько общероссийскими условиями. Они являлись результатом в основном общерусского общественного разделения труда. По мере создания русскими в Сибири ремесла и земледелия и отделения различных видов ремесла от натуральных видов ремесла и хлебопашества и от промыслов в самостоятельные отрасли промышленности сибирские города стали формироваться все в большей степени на собственной основе. Превалирование местных градообразующих факторов

над внешними прослеживается для городов Западной Сибири к концу первой четверти XVII в., а для городов Восточной Сибири — к 70-м годам XVII в.⁴

Выбирая место под город, сибирские градоделцы стремились учесть всю совокупность факторов, обуславливающих жизнеспособность и функциональную направленность в данных природно-климатических, ландшафтно-гидрографических и демографических условиях закладываемого населенного пункта. Реки тогда служили главными и наиболее безопасными транспортными магистралями, надежными источниками водоснабжения и неисчерпаемыми «рыбными долями». Пойменные луга и «елани» давали возможность для развертывания животноводства и хлебопашества. В приречных лесах водились разнообразные пушные и мясные звери и дичь. Здесь же брали древесину для строительных надобностей и на топливо, а высокий обрывистый берег, позволявший «вписаться» в береговую излучину или расположить город (острог) на стрелке (мысу), с трех сторон окруженной водой, предоставлял особые удобства для обороны. Русские города, став первыми городскими поселениями края, нередко возникали на месте древних укрепленных центров местного населения или рядом с ними. Такие города, как Верхотурье, Туринск, Пелым, Березов, Сургут были поставлены русскими на месте прежних укрепленных «городков» Нером-Карра, Еланчина, Пельма, Сугмут-Ваши, «Бардакова городка». Русская Тюмень была построена около старого татарского городка Чимги-Туры, а Тобольск в 16 верстах от татарской столицы Сибири (Кашлыка, Искера), Томск — напротив «Гоянова городка», на противоположном берегу Томи, маковский острог — «около жилищ князя Намака» и т. д. Обдорский «Носовой городок» вообще был старинным остицким поселением, используемым русскими для сбора ясака с хантов и ненцев и для разрешения споров между ними⁵.

Эта особенность образования городов, перенесенная в Сибирь русскими из Северного Поморья, где также многие города возникали на месте или рядом с древними поселениями финно-угорских племен и иногда сохраняли их названия (Муром, Суздаль, Устюг и т. д.), объяснялась удобным расположением местных центров в географическом, хозяйственном, административном и демографическом отношении, возможностью использования их укреплений на первых порах существования города, удобством торговли и сбора налогов с местного населения, необходимостью подрыма значения племенных и религиозных центров местного

населения и замены их опорными пунктами царского владения и хозяйственного освоения края русскими. В связи с этим, а также ввиду стремления правительства привлечь верхушку местного населения на свою сторону нерусские поселения и нерусское население входили в состав русских городов Сибири с самого начала их возникновения. Проживанию в городах нерусского населения способствовало и пребывание аборигенов в рядах служивых людей, воздвигавших русские города, а также нахождение в услужении у разных чинов горожан «ясурей» и «женок» из местного населения. Все это с первых шагов приводило к разностороннему общению русских с аборигенами и взаимообогащению культур⁶.

В отличие от русских городов Сибири, основой которых были поселения местных племен, город Мангазея был основан в 1601 г. на месте существовавшего с 1572 г. русского поселения, воздвигнутого на территории треугольника, образованного впадением небольшой речки Осетровки в р. Таа, русскими поморскими промысловиками и торговцами. Города же Тара, Енисейск, Красноярск, Иркутск, Чита, Охотск и другие были построены на совершенно свободных от всяких прежних поселений местах⁷.

Характерной особенностью становления русских городов Сибири конца XVI — начала XVIII в. можно считать возникновение их в «новый период русской истории» на «государевой» земле в стратегических, хозяйственных и демографических сгустках края при отсутствии в нем помещичьего землевладения и крепостного права. В силу этого Сибирь знала только один тип города — «государев» город. В ней не было ни частновладельческих, ни вотчинных, патриарших городов, как это имело место в Европейской России. Отсутствие крепостного права и условия вновь осваиваемой территории давали большую свободу горожанам Сибири в выборе своих городских профессий и в торгово-ремесленной деятельности.

Показательны и такие моменты в развитии русских городов Сибири: формирование с самого начала по общегосударственным градостроительным нормам с заданной планировкой в качестве «живописных городов» и «городов регулярности»; расположение в таежно-лесной зоне на основных водно-сухопутных путях торгово-промыслового движения русских на восток за сибирским собором в конце XVI—XVII в.; одновременное исполнение с момента возникновения, в соответствии с московскими государственными наказами, военных (оборона, объясачивание «новых земель»), административных (управление), культовых (церковь), финансовых

(ясак, налоги, повинности), хозяйственных (транспорт, изучение и освоение прилегающей территории, заведение и развитие промыслов, торговли, земледелия, промышленности) и культурных (школы и т. д.) функций, причем для каждого отдельного города в конкретный момент его развития имелась своя определяющая его облик функция; постоянное пребывание из имевшихся к концу XVII в. в Сибири примерно 150 «рубленных городов и острогов» 19 крупных городов в роли административных центров и самых людных поселений своих уездов; большой разнородностью по количественному и сословно-социальному составу, по экономической мощи своих посадок, пополнявшихся в конце периода главным образом за счет естественного прироста и выходцев из сибирского, а не пришлого из-за Урала населения; преобладание в торгово-промыслово-промышленной деятельности в количественном отношении служивых над посадскими и несслуживых горожан над служивыми; превалирование торговли над промышленностью и обрабатывающих отраслей промышленности над добывающими; способность ремесленной, мелкой товарной и раннекапиталистической городской промышленности Сибири, обладавшей высокой степенью повидовой специализации и отрыва ремесленников, а также прочих горожан от натурального хлебопашества, не только удовлетворить в основном к началу XVIII в. внутренние потребности местного сибирского населения в промышленных и сельскохозяйственных товарах первой необходимости, но и отпускать часть этих товаров на рынки сопредельных стран⁸; более низкий по сравнению с сельскими местностями уровень естественного прироста; более высокий по сравнению с городами Европейской России удельный вес горожан и посадских в составе населения; появление потомственного торгово-ремесленного профессионализма; наличие сильного социального расслоения и классовой борьбы и неодинаковый уровень их для разных городов и разных слоев городского населения; возникновение и успешное развитие городской культуры, в том числе городского летописания; сложение сибирской ветви общерусской культуры⁹.

Городская жизнь в Сибири указанного периода проходила и развивалась в том же направлении, что и жизнь городов Европейской России. Сибирские города, возникнув позже многих старых городов России, в очень короткие сроки прошли те же самые стадии своего развития, по уровню которого наиболее крупные города Сибири (Тобольск, Енисейск, Томск, Иркутск, Тюмень, Верхотурье, Нерчинск)

к началу XVIII в. подошли вплотную к ведущим центрам социально-экономической жизни России. В этом движении они опередили своих собратьев из старых районов заселения России. По составу населения Сибирь в конце XVII — начале XVIII в. была более городской страной, чем Европейская Россия. На долю городских сословий Сибири в 1719 г. приходилось 7,35 % (17 725 чел.), а в целом по России — 4,05 % (295 799 чел.). Предложенная в 1962 г. В. И. Сергеевым схема первоначального развития городов-острогов Сибири, состоящая из трех последовательных ступеней (военный центр, центр торговли, торгово-ремесленный центр и центр сельскохозяйственной округи), теперь существенно дополнена и уточнена. Исследования последних лет показали, что одновременно или почти одновременно с возникновением крепости сибирские города-остроги выполняли также военно-административно-финансовые и транспортно-хозяйственные функции. Русские города Сибири возникли в результате действия не одного, а целого комплекса градобразующих факторов, среди которых для каждого города был и свой главный, определяющий фактор¹⁰.

Сибирские города, взаимосвязанные между собой, как и с прочими городами страны, устойчивыми, регулярными и разнообразными отношениями, прочно вошли еще в XVII в. в единую систему общероссийского народнохозяйственного и политико-культурного организма. Поэтому системность, взаимосвязанность городской сети начала формироваться не со второй половины XVIII в., как полагают некоторые исследователи¹¹, а еще в начальный период складывания всероссийского рынка с его буржуазными связями. Генезис капитализма в России проходил не без участия городов Сибири конца XVI — начала XVIII в.

Однако беспощадная торговля в Сибири продолжалась только до первых успехов здесь градостроительства, промыслов, торговли, сельскохозяйственного и промышленного производства. Как только Сибирь оказалась в какой-то мере вовлеченной в орбиту торговли российскими и иностранными товарами, царское правительство в целях увеличения своих доходов стало вводить в ней таможенную систему. Организацию, функционирование и эволюцию сибирской таможенной системы рассмотрим на примере деятельности тобольской таможенной избы, осветив при этом права и обязанности тобольских таможенных голов и целовальников, их взаимоотношения с тобольскими воеводами, значение тобольских воевод в системе таможенного обложения в Сибири, распоряжения правительства по сибирской таможен-

ной системе и мерам востребованности сыпучих тел. Эти вопросы, связанные с ролью Тобольска в организации и функционировании сибирской таможенной системы, в имеющейся литературе¹² или совсем обойдены, или освещены недостаточно. Между тем Тобольск, в силу своего положения столицы Сибири и крупнейшего ее транспортного, торгового, промышленно-промышленного, сельскохозяйственного и культурного центра, играл в сибирской таможенной системе главную роль.

Воздвигнутый в 1587 г. в узле старинных дорог, идущих из Средней Азии, Кашгарии, Китая в Сибирь и за Урал, Тобольск стал с самого начала связующим звеном Сибири с Европейской Россией, Казахстаном, Средней Азией, Джунгарией и Китаем. По этим дорогам ежегодно в 1639—1670 гг. проходило через него в оба конца от 986 до 3253 чел. торгово-промышленных людей и обслуживающего их персонала, не считая всех прочих путников. Погодовая стоимость явленных ими в тобольской таможене «русских», сибирских и восточных товаров колебалась в 1639—1695 гг. от 33 762 до 121 379 руб. Наиболее часто она составляла 50—60 тыс. руб. в год. По размерам ее в 50—70-е годы XVII в. Тобольск превосходил такие крупные торговые центры России, как Псков и Тихвин, и стоял на уровне Смоленска¹³. В самой же Сибири Тобольск господствовал в торговле «русскими», восточными, рыбными, сельскохозяйственными, кожевенными, салотопенными товарами. В торговле мягкой рухлядью он значительно уступал Мангазею, Енисейску и Якутску — главным центрам соборного торгового дела в Сибири. После 1689 г. он лишился своего первенства и в торговле с Китаем. Оно перешло к Нерчинску, а после 1703 г. — к Селенгинску¹⁴.

Тобольск выполнял не только торгово-передаточные и товарно-распределительные функции, но и товарно-мобилизующие. Огромные массы стягиваемых со всей Сибири пушнины, добываемой главным образом раннекапиталистическим паймом, Тобольского разряда рыбы, хлеба, скота, слободского холста, кож, мыла, свечей, деревянных и металлических изделий, одежды и западно-сибирских железа, хмеля имели большое значение для товаризации местного хозяйства, появления в нем капиталистических элементов и сложения под влиянием всероссийского рынка местного сибирского. Стоимость мобилизуемых в основном через скупку Тобольском в 1639—1703 гг. сибирской пушнины и кож лосиных колебалась от 5702 до 15 563 руб., хмеля — от 3 до 313, рыбы — от 3 до 666, хлеба — от 132 до 8669, скота — от 351 до 2322 руб. В 1703 г. на тобольский рынок поступило свыше

11,2 % (217 240 пудов) всего произведенного государственными крестьянами Тобольского разряда хлеба. В этом количестве покупной хлеб, доставленный местными скупщиками, в том числе скупщиками из крестьян (65,3 %), составлял 79,5 %, а хлеб «своей пахоты» — 20,5 %.

Вывоз на Восток через Тобольск «мягкой рухляди», кож, сермяжного сукна стимулировал развитие российской скорняжной, кожевенной, портняжной и суконной промышленности, а реэкспорт западно-европейских сукон и других товаров содействовал росту торговли с Западной Европой. Сибирская пушнина, став одним из экспортных товаров России, усилила процесс втягивания всероссийского рынка в мировую. Поддерживавший торговые связи с 63 российскими городами и местностями, а также с Казахстаном, Средней Азией, Джунгарией и Китаем, Тобольск играл в этом процессе важную роль. Он был передаточным торговым центром между европейской и азиатскими частями внутреннего всероссийского рынка и являлся в то же время связующим звеном между внутренним рынком и внешним¹⁵.

Роль Тобольска в товаризации российской экономики еще больше возросла с превращением его в крупный промышленный центр. По количеству специалистов по изготовлению промышленных изделий (в 1624 г. — 42 чел., 18 специальностей, в 1655 г. — 84 чел., 27 специальностей, в 1698 г. — 97 чел., 32 специальности и в 1720 г. — 655 чел., 64 специальности) Тобольск к третьему десятилетию XVII в. стал самым крупным промышленным центром Сибири, Приуралья, и Прикамья. Тобольские городские пищеники и шапочники, мыловары, свечники, кожевники, судостроители, кирпичники, каменщики перешли из ремесленников в ряды товаропроизводителей, а среди сапожников, портных, серебряников, иконников, котельников, кузнецов, деревообделочников, дегтярей и прочих были и ремесленники, и товаропроизводители. В кожевничестве к 1720 г. появились предприятия капиталистического типа. В 1702 г. в Тобольске начал работу основанный суздальским оружейником Никифором Пиленком казенный оружейный завод, на котором было занято 154 оружейных мастера и работника. Действовали также в окрестностях Тобольска селитряный (на Кучумовом городище) и кирпичные заводы. Последние появились в связи с развертыванием в 70—80-х годах XVII в. сибирского каменного строительства¹⁶.

На рубеже XVII—XVIII вв. в Тобольске были возведены белокаменные стены кремля — единственного каменного кремля Сибири, в которой Тобольск был не только «столь-

ным», но и самым многолюдным городом. В 1703 г. в нем насчитывалось 2726 дворов, а в 1719 г. — 3258. По сравнению с 1624 г. прирост составил 2913 дворов. В 1696 г. на долю Тобольска приходилось 25 % (2466 чел.), а в 1710 г. 51,3 % (4735 чел.) всех сибирских служилых людей. Доля тобольских посадских дворов составляла в 1697 г. 37,0 % (405 дв.) от общего числа посадских дворов (1093) в Сибири¹⁷.

В Тобольске, как и в других сибирских городах, происходило отделение посадского и служилого населения от земледелия. К 1697 г. по сравнению с 1624 г. удельный вес пашенных посадских людей сократился в 2,5 раза (44,4 и 17,6 %), а служилых — в 2,05 раза (23,4 и 11,4 %). Полностью отошло от хлебопашества промышленное население. По переписи 1698 г. уже не удалось обнаружить в Тобольске ни одного посадского мастерового, пахавшего пашню¹⁸. О четко проявившемся и успешно развивавшемся процессе отделения промыслово-промышленного труда от земледельческого свидетельствует и посетивший Тобольск в 1666 г. неизвестный путешественник, сказавший, что «русские промышленяют здесь, главным образом, ловлей рыбы... также промышленяют они различным зерном, продавая и перепродавая его, и другим барышничеством, так что, можно сказать, всякий из них хочет поступать, как купец. Здесь живет также много ремесленников, как-то: кузнецов, сапожников, портных, кожевников и др., но заниматься земледелием никто из них не хочет, поэтому замечательно плодородная земля остается необработанной»¹⁹.

Аналогичные явления наблюдались и по другим городам Сибири. Так, количество посадских, владевших пашней, в г. Верхотурье с 1624 по 1680 г. сократилось с 65 до 12 %²⁰, а служилых — с 59 (1625 г.) до 46 % (1699 г.)²¹. На рубеже XVII—XVIII вв. «среди всех тюменских городских хозяйств основных категорий населения пашни не имело около 1/3», а «среди торговцев и промышленников — около 1/2»²². Если в 1646 г. из 52 енисейских посадских минимум 33 чел. (около 64 %) жили в деревнях и пахали землю, то в 1669 г. из 355 посадских только 112 чел. (31 %) занимались земледелием. Показательно, что из 180 чел. посадских людей, живших в 1669 г. в уезде, 31 чел. (16,4 %) пашни не имел, а о 43 чел. (22,7 %) нет данных²³. В 1685—1691 гг. из нескольких сот (251 чел. — О. В.) городских жителей енисейского посада земельные владения были отмечены только у братьев Полевинных, братьев Кондаковых, А. В. Кожевникова, Я. Ф. Корелы и у И. П. Игумнова, который сам жил в Енисейске и вел крупную торговлю, а в его деревне,

оставшейся по наследству от отца, жил брат Федор. Да еще в деревню из города переселился между 1669—1685 гг. кузнец Дмитрий Опрелков с сыном. Поэтому не случайно еще в 1669 г. енисейский воевода К. А. Яковлев писал, что енисейской пахоты «покупают хлеб для своего пропитания приезжие служилые и торговые и промышленные люди и енисейские посацкие и красноярские и илимские и мангазейские приезжие всяких чинов люди»²⁴.

Процесс отделения «промышленного и торгового труда от труда земледельческого» приводил «к отделению города от деревни и к противоположности их интересов»²⁵. При этом в Тобольске процесс отделения «промышленного и торгового труда от труда земледельческого» имел свои особенности, связанные с расположением города на основном пути торгово-промышленного движения в Сибирь. С момента основания города идущие на сибирские торги и промыслы предьявляли здесь повышенный спрос на «хлебные запасы» и вынуждали возникающее земледелие сразу же откликаться на этот спрос и постепенно переходить от продажи излишков к работе на рыночный спрос. Товаризация успешно развивавшегося в Верхотурско-Тобольском районе земледелия ускорила процесс отделения промышленности от земледелия и установления между ними обмена результатами труда. Развивающаяся специализация промышленности, сопровождавшаяся отделением промышленности обрабатывающей от добывающей и подразделением каждой из них «на мелкие виды и подвиды, производящие в форме товара особые продукты и обменивающие их со всеми другими производствами»²⁶, в том числе с земледелием, еще больше углубляла товаризацию всего хозяйства, так как земледелие в этих условиях «само становится промышленностью (т. е. производством товаров), и в нем происходит тот же процесс специализации»²⁷. Поэтому нам представляется, что когда Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» писали об отделении «промышленного и торгового труда от земледельческого труда», то подразумевали натуральное земледелие. К такому же заключению можно прийти, вчитываясь в ленинские определения домашней промышленности и ремесла. Характеризуя их, Ленин писал: «Домашней промышленностью мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которая их добывает. Домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство. ...Первой формой промышленности, отрывающейся от патриархального земледелия,

является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя... В этой форме промышленности нет еще товарного производства, здесь появляется лишь товарное обращение в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами или продает полученную за работу долю продукта, покупая себе сырые материалы и орудия производства. Продукт труда ремесленника не появляется на рынке, почти не выходя из области натурального хозяйства крестьянина... Ремесленник появляется на рынке, хотя и не с тем продуктом, который он производит...», но, «придя в соприкосновение с рынком, он переходит со временем и к производству на рынок, т. е. делается *товаропроизводителем*»²⁸. Отсюда следует, что товарное, а не натуральное земледелие является таким же городским занятием, как и другие торгово-промысловые-промышленные занятия горожан, чего не учитывают некоторые критики нашей концепции, правильность которой ясно прослеживается и по данным тобольской дозорной книги 1623—1624 гг. По этим данным, из 10 пашенных крестьян, проживавших в городе своими дворами, 5 чел. владели четырьмя лавками и двумя полками, из 22 посадских, располагавших своими дворами не в городе, а в своих подгородних деревнях, где занимались земледелием, также 5 чел. имели в городе собственные четыре лавки и полком²⁹. На собственных полках и те, и другие регулярно продавали, как указывает источник, «рыбу и мясо и хлеб и калачи», т. е. свою собственную промысловую, сельскохозяйственную и хлебопекарную продукцию, производившуюся специально для продажи и в силу этого ставшую меновой стоимостью, т. е. товаром. По своей социально-экономической сущности и товаропроизводителя, и торговца рассматриваемые нами городские пашенные крестьяне и подгородних деревень посадские люди ничем не отличаются от всех прочих тобольских товаропроизводителей и торговцев. Ведь сущность самого товара не меняется от того, в какой сфере народного хозяйства он произведен.

Соотношение между разными категориями тобольского городского населения по степени участия в торговой, промысловой и промышленной деятельности не было однозначным и изменялось во времени. Так, если на долю 45 посадских дворовладельцев приходилось в 1624 г. 40 торговых мест (32 лавки и 8 полков), то на долю 174 служилых дворовладельцев — только 10 (1 и 9) торговых мест, на долю 10 крестьян-дворовладельцев — 6 (4 и 2) и на долю 17 дворов церковнослужителей — 6 (6 и 0). Отсюда видно, что в розничной городской тобольской торговле 1624 г. посадские

доминировали по числу торговых мест над всеми, вместе взятыми, другими городскими жителями, в том числе и над юртовскими бухарцами, которым принадлежало только 5 лавок. «Окладная книга сборным деньгам» 1655 г. являет уже иную картину. Из ее данных следует, что разными видами торгово-промысловой деятельности среди 98 посадских занимаются только 19 чел. (19,4 %), а в составе 938 служилых ею занято 117 чел. (12,4 %). То есть в 1655 г. в столице от 1624 г. посадские уже не доминировали над служилыми в этой сфере деятельности. Более того, по количеству занятых в ней служилые превосходили посадских более чем в 5 раз, но еще уступали им на 7 % по удельному весу занятых торгово-промысловой деятельностью. Изменилось, хотя и не в такой степени, соотношение между посадскими и служилыми и в занятиях промышленностью. Служилые по количеству промышленников и в 1624 г. (19 чел.), и в 1655 г. (38 чел.) превосходили посадских, имевших соответственно 8 и 9 чел., но уступали им и в том (17,7 % (8 от 45 посадских дворовладельцев) и 10,9 % (9 от 174 служилых дворовладельцев)), и в другом (9 % (9 от 98 посадских дворовладельцев) и 4 % (38 от 938 служилых дворовладельцев)) году по удельному весу промышленников в каждой из сравниваемых между собой категорий населения в отдельности. За промежуток времени с 1624 по 1655 г. разрыв между служилыми и посадскими по количеству промышленников (11 и 29 чел.) возрос в пользу служилых в 2,6 раза, а по удельному весу промышленников в населении каждой из сравниваемых категорий сократился на 1,8 % (6,7 % (17,7 % — 10,9 %) — 5 % (9 % — 4 %)). Отсюда видно, что в рассматриваемый период служилые люди составляли очень сильную конкуренцию посадским по занятиям торгово-промысловой и промышленной деятельностью и заметно потеснили их в ней³⁰.

Товаризация сибирской, в том числе тобольской, экономики привела к выпадению из ассортимента (386 наименований) ввозимых в 1639—1695 гг. в Тобольск на продажу «русских» товаров 216 номенклатур и к значительному сокращению натуральных и стоимостных показателей у 46 товаров. Из ассортимента (395 видов) «русских» товаров, провозимых через Тобольск дальше в Сибирь в 1639—1668 гг., исчезли 317 наименований и сократили свои натуральные и стоимостные показатели 74 вида товаров. Эти изменения в ассортименте ввозимых в Тобольск «русских» товаров вызывались развитием местного производства подвергшихся выпадению из ассортимента ввозимых в Сибирь «русских» товаров, ибо компенсации их за счет ввоза с Востока не про-

исходило. К концу XVII в. в торговле тобольскими разрядными товарами промыслового, сельскохозяйственного и промышленного производства безраздельно господствующее положение заняли местные торговцы-скупщики. Появляясь из всех слоев тобольского разрядного населения, некоторые наиболее предприимчивые из них превращались в крупных капиталистов-купцов. Так, тобольский посадский человек Степан Михайлович Третьяков стал в конце XVII — начале XVIII в. торговым человеком гостиной сотни, крупным предпринимателем и владельцем кожевенного предприятия капиталистического типа с ежегодной производительностью в 500—2000 кож³¹.

Наметившийся в феодальной экономике России еще во второй половине XVII в. необратимый процесс появления и вызревания раннекапиталистических отношений усиливал социальное расслоение посадского населения и формирование из его обедневших и лишившихся средств производства людей прослойки наемных работников. Обеднение общей массы тобольского посада сопровождалось, как и в других городах России, увеличением числа людей, кормящихся «черною работою». В Тобольске их удельный вес возрос с 52,1 % в 1655 г. до 83,5 % в 1696 г. Обедневшая часть тобольского посада вынуждена была жить продажей своей рабочей силы. В 1698 г. из 309 чел. «старых» посадских людей 216 (около 70 %) не имели своих «промыслов и торгов» и кормились «черною работою»; 62 чел. (34,8 %) из них жили по чужим подворьям. В Тюмени в конце XVII в. из 450 чел. посадских 100 чел. (22,2 %) не имели «пожитков» стоимостью даже в 50 коп., не говоря уже о «торгах и промыслах». В 1669 г. в Енисейске из 176 чел. городских посадских 4 чел. (2,5 %) «жили в наёме по срокам» да еще 30 чел. (17 %) не имевших специальностей, также, видимо, не обходились без продажи рабочей силы. Среди посадских Иркутска, Тары, Красноярска также встречаются «рабочие люди» (наемные работники). Показательно, что глубина социального расслоения в Тобольском и Тюменском посадах была примерно такой же, что и в Великоустюжском, Соликамском и Тотьменском. В общей массе посадских людей на долю бедноты в Тобольске приходилось 83,5 % (1696 г.), в Тюмени — 77,8 % (конец XVII в.), Устюге Великом — 85,6 % (1680 г.), в Тотьме — 93,7 % (1688 г.) и Соли-Камской — 65,7 % (1679 г.). Отсюда видно, что по характеру и уровню социального расслоения посады Тобольска и Тюмени не отличались от поморских. Это свидетельствует о нивелировке процесса социального расслоения и его быстротечности в сибирских

городах, которые к тому времени просуществовали всего одно столетие³².

В рассматриваемый период в Тобольске, как и в других городах Сибири, в торговле, промыслах и различных формах промышленности участвовали в той или иной мере все слои городского постоянного населения. При этом если в одних городах (Верхотурье, Мангазей, Енисейск) в промышленности и относительно, и абсолютно господствовали посадские, жилецкие, оброчные и иные неслужилые люди, то в других (Березов, Тара, Омск, Красноярск, Илимск, Якутск, Нерчинск) численно преобладали служилые люди. В промышленности Тюмени служилые люди и абсолютно, и относительно вышли на первое место с 60-х годов XVII в., в промышленности Верхотурья — на рубеже XVII и XVIII вв., в промышленности Тобольска — к 1719 г.³³ Соотношение служилых и неслужилых слоев городского населения Сибири в разных видах торговли было также неодинаково. В совокупном стоимостном ввозе «русских» товаров в Тобольск за 1639/40, 1655/56, 1661/62, 1668/69, 1669/70, 1670/71, 1686/87, 1694/95 гг. превалировала доля неслужилого населения. Здесь на долю сибирских городских посадских, церковников, крестьян, ссыльных, юртовских бухарцев, захребетных и ясачных татар приходилось за указанные годы 51 % (15 241 руб.), а на долю сибирских городских служилых людей и служилых татар лишь 49 % (14 699 руб.).

В совокупной же стоимости провезенных через Тобольск дальше в Сибирь за 1639/40, 1655/56, 1661/62, 1668/69, 1669/70, 1670/71 гг. «русских» товаров на долю неслужилого населения (городских посадских, крестьян, промышленных людей) приходилось 54,72 % (1103 руб.), а на долю сибирских городских служилых людей только 45,28 % (913 руб.).

Доля, приходившаяся на сибирских городских служилых людей и служилых татар в совокупной стоимости ввоза товаров в Тобольск из Средней Азии за 1639/40, 1655/56, 1668/69, 1686/87, 1703 гг., составила лишь 36,5 % (1345 руб.), а неслужилого населения (посадские, юртовские бухарцы, захребетные татары, крестьяне) — 63,5 % (2341 руб.).

В совокупном стоимостном ввозе китайских товаров в Тобольск за 1639/40, 1649/50, 1654/55, 1657/58, 1668/69, 1670/71, 1675/76, 1683/84, 1685/86, 1694/95, 1703 гг. на долю сибирских городских служилых людей и служилых татар приходилось 45,6 % (2278 руб.), а на долю неслужилых людей (посадских, юртовских бухарцев, крестьян и захребетных татар) городов Сибири — 54,4 % (2702 руб.).

Сибирских городов служилые люди и служилые татары по совокупной стоимости сибирских и башкирских охотничье-промысловых товаров, явленных за 1639/40, 1647/48, 1655/56, 1661/62, 1668/69, 1669/70, 1670/71, 1683/84, 1686/87 гг. в Тобольской таможене преимущественно для вывоза в Европейскую Россию, на Ямшевскую и Ирбитскую ярмарки, в Среднюю Азию, почти в два раза (7631 и 13 484 руб.) уступали неслужилому населению этих городов (юртовские бухарцы — 10 850 руб., крестьяне — 1165, посадские — 1019, церковники — 298, захребетные татары — 152 руб.).

Только 35 % (5224 четв.) скупленного для тобольского рынка в слободах за 1639/40, 1655/56, 1669/70, 1686/87, 1694/95, 1703 гг. хлеба приходилось на долю служилых людей (5219 четв.) и служилых татар (2 четв.), а 65 % (9886 четв.) — на долю посадских (5534,5 четв.), ямщиков (2051,5 четв.), монастырских вкладчиков (961,5 четв.), церковников (932 четв.), ясачных татар (121 четв.) и тобольских бухарцев (85,5 четв.), т. е. неслужилых горожан Тобольского разряда. Если здесь учитывать и хлеб (22271,5 четв.), привезенный за эти же годы на тобольский рынок слободскими крестьянами, то доля служилого населения во ввозе скупленного хлеба упадет с 35 до 13,6 %³⁴.

Служилые люди Тобольска, превосходя по совокупной стоимости (273 руб.) купленной за 1639/40, 1644/45, 1647/48, 1649/50, 1655/56, 1661/62, 1668/69, 1669/70, 1670/71 гг. в Тобольске рыбы всех прочих представителей горожан (посадские — 167 руб., крестьяне и захребетные татары — по 18, ямщики — 5 руб.), вместе взятых (202 руб.), вылавливали ее для продажи в эти же годы в 2,5 раза меньше их (638 руб. и 1640 руб.).

Если же деятельность сибирских служилых людей по ввозу «русских», восточных и пушно-меховых товаров сопоставить с деятельностью в этом направлении одних лишь посадских, то в Тобольске в этих видах торговли по совокупной стоимости в каждом из них за указанные годы будут доминировать служилые люди над посадскими. В этом случае наши данные сходятся с данными В. Н. Курилова по Тюмени, Н. А. Миненко по Березову, А. Д. Колесникова по Среднему Припутью, А. А. Люцидарской по Томску, С. В. Бахрушина по Красноярску, Ф. Г. Сафронова по Якутску, Г. А. Леонтьевой по Нерчинску и Н. И. Никитина по городам Тобольского разряда³⁵.

Не был обделен Тобольск и торговыми помещениями, являвшимися материально-технической базой торговли. Основное место среди них занимали казенные здания — гос-

тинный двор с жилыми избами для размещения иногородних торговцев, с амбарами и лавками для складирования и продажи — ими своих товаров и таможенная изба как финансовое учреждение по осуществлению со стороны государства финансового контроля над торгово-промышленной деятельностью. В одних городах (Верхотурье, Тюмень) таможни являлись составной частью гостинного двора и располагались на его «огороженной» территории, в других городах (Мангазей) таможенная изба размещалась не на территории гостинного двора, а стояла отдельно и вдалеке от него. В торговых рядах, находившихся около гостинного двора, располагались частные лавки и полки. В сибирских городах, острогах и слободах гостинные дворы и таможни помещались внутри крепостей или вне их. Крепостное расположение гостинного двора и таможни наблюдается в Верхотурье, Пелыме, Туринске, Енисейске, Иркутске, Илимске, Якутске, а внекрепостное, т. е. посадское, в — Тюмени, Тобольске, Таре, Мангазее, Томске, Красноярске.

По занимаемой территории и насыщению жилыми, складскими и торговыми помещениями гостинные дворы в Сибири сильно различались между собой. Самым маленьким из них был пелымский, имевший одну избу с несколькими лавками, а самыми крупными — верхотурский и мангазейский. На основании в 1600 г. верхотурском гостинном дворе в 1624 г. имелось уже 4 горницы «на подклетах» и 60 амбаров, а в комплексе Е-образного единого двухэтажного здания мангазейского гостинного двора площадью в 520 кв. м были две трехчастные (клеть — сени — клеть) теплые избы, 4 амбара и 30 лавок, да отдельно от него на противоположной стороне мощеной улицы стояло еще 26 амбаров³⁶. В экономической жизни Сибири конца XVI — начала XVIII в. гостинные дворы играли большую роль, ибо по существовавшему тогда законодательству вся торговая деятельность приезжих людей и местных жителей разрешалась только на гостинном дворе и в торгу, а «кто учнет торговать опричь гостина двора и торгу и у тех людей те товары иметь на великого государя»³⁷.

В Тобольске впервые гостинный двор был поставлен в 1601 г. на базарной площади верхнего посада около крепости. По данным тобольской дозорной книги 1624 г., на нем имелось «горница на подклете... изба плоская и 29 лавок», в которых «сидят приезжие торговые люди со всякими товарами»³⁸. В отличие от тобольского на тюменском гостинном дворе в это же время было уже «три избы: изба таможенная, другая гостинная, третья изба гостинная же старая» и «24 лав-

ки торговых, в которых стоят торговые люди» и «дают с них в торговую казну оброк»³⁹. В Мангазее в 20-х годах XVII в., а в Енисейске в 1646 г. таможенные избы так же, как и тобольская, стояли отдельно от гостинных дворов. В 1629 г. тобольский гостинный двор с находившимися на нем торговыми помещениями сгорел. На вновь построенном гостинном дворе к 1640 г. имелось, как показали подсчеты по сбору поамбарной пошлины, уже более 81 лавки⁴⁰.

При возросшей роли Тобольска как центра сибирской торговли и промышленности одного гостинного двора уже не хватало. Поэтому в 1671 г. приступили к строительству второго тобольского гостинного двора, воздвигая его уже не на верхнем, а на нижнем посаде. Краткая история его возникновения такова. В конце 1650 г. в Москву была отправлена челобитная (донос) тобольского посадского человека Микиты Емельянова Шелковникова, в которой он писал, что многие жители нижнего посада имеют свои лавки и торгуют в них беспошлинно «большими торги». Получив такую челобитную, царь Алексей Михайлович приказал: «В Тобольску под горою на площади и в лавках» не торговать, а сами лавки «на гору снести». В ответ на это царское распоряжение тобольские «подгорные жильцы» послали в Москву объяснительную челобитную, в которой писали, что «издана поставлены в Тобольску под горою церковные и всяких чинов людей лавки» и поставлены они «не в татарских юртах», как клеветает об этом Микита Шелковников, а «близ церкви, воле русского мосту, на кузненные места», кузницы с которых были «отнесены для береженья от пожару на новые места». При этом они отмечали, что те «кузненные места из нас же лавошники покупали дорогою ценою по пятнадцати и двадцати и по тридцати рублей и с тех лавок с того времени и до ныне в казну платят оброк, а торгуют в тех лавках небольшими торгами... из нас же холопей и сирот твоих всяких чинов люди... и мастеровые люди», уплачивая в государственную казну таможенные пошлины, которые собирают «по вся дни таможенные целовальники». В заключение своей челобитной они просили государя не велеть «тех лавок в Тобольске из-под горы переносить на гору» и «велеть в тех лавках с харчами и мелочью всяким людям сидеть и торговать попрежнему для нашей нужи и бедности». Свою просьбу они мотивировали тем, что «весною и осенью бывают гризи большие, а гора высока и выход на нее крут, а в зиме бывает ледяно и катко и мразно» и «многие увечные, старые и бедные люди не могут волочиться» по ней до расположенных на верхнем посаде торговых рядов, чтобы при-

обрести в них «про свой обиход портица и обушка». Подобная слезная челобитная и финансовые расчеты самого правительства возымели действие, и было поставлено: оставить их лавки на прежних местах, но построить там таможеню, что и было сделано в 1671 г. Для таможи «под горою» поставили простую деревянную избу «с сеними» длиною в 4,5 сажени и высотой в 17 рядов (на 17 ряду матица). Строительство ее обошлось казне только в 16 руб. 17 алт. Таможенная изба положила начало тобольскому «подгорному» гостинному двору, на котором в 1772 г. имелось 190 государственных лавок⁴¹.

Содержание челобитной свидетельствует также об углублении всего процесса товаризации тобольской экономики, в том числе превращении ремесленника в товаропроизводителя и усилении социального расслоения городского населения.

Частые пожары⁴², уничтожавшие дотла деревянные гостинные дворы и причинявшие большие убытки казне и торговым людям, заставили правительство принять в конце XVII в. постановление о строительстве в Тобольске каменного гостинного двора. К его строительству приступили вскоре после большого тобольского пожара 1701 г., во время которого погибли почти все казенные и частные здания, расположенные на верхнем посаде.

Тобольский каменный гостинный двор, построенный в 1703—1708 гг., представлял собой двухэтажное каменное здание, простиравшееся в длину на 50 и в ширину на 40 сажень и имевшее вид настоящей крепости с четырьмя башнями и двумя воротами. Одни ворота выходили на восток и вели к Никольскому ввозу, другие — на запад, на торговую площадь. Над западными воротами находилась часовня, а над восточными — таможня, занимавшая «три светлицы с переднею». На южной стороне верхнего этажа располагалось 16 лавок с наружными разборами и столько же на северной, но только без разборов. На южной стороне нижнего этажа было 18, а на северной 17 лавок с наружными разборами. Под лавками нижнего этажа находилось 27 каменных погребов. Кроме 27 каменных погребов имелось еще 67 лавок и 3 светлицы с переднею, расположенных на площади в 2000 саженей (50×40)⁴³.

По своим размерам тобольский гостинный каменный двор был только на одну треть меньше московского гостинного двора, построенного в 1665 г. и имевшего 166 торговых помещений, расположенных на площади в 3000 кв. саженей (60×50), и значительно больше верхотурского каменного

двора, имевшего только «27 кладовых просторных лавок» и 3 палаты⁴⁴.

Кроме этих гостинных дворов, расположенных на верхнем и нижнем посадах, в Тобольске имелся еще и «колмацкий двор», построенный, по всей вероятности, или в конце XVI в. или в самом начале XVII в. На этом «колмацком дворе», помещавшемся «под горою за речкой Курдюмкой», останавливались приезжавшие в Тобольск «колмацкие» и среднеазиатские купцы и послы. Оживленная торговля на «колмацком дворе» происходила, видимо, не под открытым небом, а в специальных торговых помещениях. Сколько их было на «колмацком дворе», неизвестно. На верхотурском же татарском дворе, построенном в 1600 г., «татарам и осякам на приезд», были поставлены изба, амбар и конюшня, и все они были по указанию верхотурского головы Гаврилы Самойловича Салманова «огорожены и покрыты»⁴⁵. Г. Ф. Миллер, посетивший Тобольск в 30-х годах XVIII в., отметил, что «в прежние времена для колмаков и бухарцов особый посольский двор построен был, в котором иностранцы все вместе жить и товары свои класть должны были, вокруг которого двора поставлялись тогда караулы, и так без ведома таможи ничего не привезти ни свезти ни можно было, но сей посольский двор уже в давние времена в пожарное время сгорел, а на то место новый не построен»⁴⁶. Эти «давние времена» следует относить, по всей вероятности, не далее как к промежутку времени между 1670 и 1687 гг., поскольку в 1670 г. «колмацкую пушнину» покупали еще на «колмацком дворе», а в 1687 г. — уже просто на «базаре в розницу у всяких людей». Поэтому можно предположить, что колмацкий двор, сгоревший 26 апреля 1686 г., больше уже не восстанавливался⁴⁷. На гостинных дворах, как отмечалось выше, совершалась главным образом оптовая торговля, а розничная городская торговля сосредоточивалась преимущественно на торговых площадях, примыкавших к этим дворам. На этих площадях находились частные торговые помещения, принадлежавшие «разных чинов людям» и расположенные в торговых рядах⁴⁸. В каждом из этих рядов торговали одним каким-нибудь товаром, например рыбой, мясом, хлебом, калачами, солью, котами, т. е. сапогами, кожами и т. д. Однако в Тобольске были и смешанные ряды, в которых происходила торговля разнообразными товарами. На основании данных, содержащихся в дозорной книге 1624 г., в Тобольске было «всего в рядах подле государев гостин двор и позади гостина двора всяких людей 52 лавки... и 23 полка на чом продают рыбу и мясо и хлеб и колачи»⁴⁹. Для сравнения

укажем, что в том же году в Верхотурье около гостинного двора было 13 частных лавок, в Тюмени — 12 лавок (да еще тюменский посадский Михаил Горемыкин имел лавку в гостинном дворе) и 9 полков, на которых торговали «мясом и рыбой», в Таре — 17 лавок⁵⁰.

В Тобольске этими 75 торговыми местами владели тобольские и иногородние жители. На долю тобольских жителей, среди которых было 52 торговца и 3 мелких товаропроизводителя, приходилось 49 лавок и 23 полка, а на долю приезжих торговых русских людей — 3 лавки. Среди тобольских посадских людей — владельцев лавок были мастеровые: «Пятой — шапошник», бывший в то же время откупщиком государственной бани с оброком в 50 руб., «Прокопий — кожевник» и «Григорий — ремесник». Наибольшее количество лавок принадлежало самым богатым тобольским посадским: Втору Тихонову, Ивану Корюку, Борису Балину, Терентию Дементьеву. Каждый из них имел по три лавки, Федор Оболтуров, Степан Балин, Путил Микитин имели по две лавки. Из Тобольских мастеровых двумя лавками владел только «Прокопий кожевник».

По социальным категориям тобольского населения эти торговые места распределялись так: посадским людям принадлежали 32 лавки и 8 полков (53 %), служилым — 1 лавка и 9 полков (14 %), городским крестьянам — 4 лавки и 2 полка (8 %), тобольским бухарцам — 6 лавок (8 %), церковникам, в том числе одному закладчику, — 6 лавок (8 %), неводчикам — 4 полка. Следовательно, наибольшее количество лавок и полков имели тобольские посадские и служилые люди.

Тобольские посадские платили годового оброку 56 алт. 4 ден. (со своих восьми полков), тобольские служилые люди — 72 алт. 4 ден. (с девяти полков), тобольские крестьяне — 10 алт. 2 ден., тобольские неводчики — 30 алт.

Наибольшего колебания индивидуальные оброчные ставки достигали у тобольских служилых людей (5—10 алт.) и у тобольских посадских людей (5 алт. — 8 алт. 2 ден.). Самые низкие оброчные ставки (5 алт. — 5 алт. 2 ден.) платили тобольские крестьяне⁵¹. Следовательно, среди владельцев полков в Тобольске отсутствовало имущественное равенство.

В 1624 г. в Тюмени, как об этом свидетельствуют данные ее дозорной книги, также отсутствовало имущественное равенство среди владельцев собственных лавок. Ставки их годового оброка с лавок колебались в пределах от 10 алт. до 1 руб. 16 алт. 4 ден. При этом оброком в 1 руб. 16 алт.

4 ден. был обложен один пашенный крестьянин, оброком в 1 руб. 6 алт. 4 ден. — трое посадских, оброком в 1 руб. — четверо посадских; один стрелец и один пашенный крестьянин, оброком в 16 алт. 4 ден. — старец Иона, в размере 10 алт. — один посадский. Да тюменский же конный казак Никита Бусыга со своей лавки, находящейся также в торговом ряду, оброку не платил. В отличие от тобольских все шестеро тюменских владельцев полков (двое посадских, два конных казака, один пеший казак, один стрелец) были положены в одну и ту же ставку оброка в 8 алт. 2 ден., а трое из них (двое посадских и один конный казак) оброка совсем не платили⁵². Здесь, в отличие от Тобольска, посадские доминировали над служилыми не только по количеству владельцев торговых мест, но и по размерам лавочных оброчных ставок.

В последующем происходила интенсивная застройка лавками и полками всех свободных пространств, имевшихся на тобольских торговых площадях. Когда же этих пространств стало не хватать, лавками и полками начали застраивать даже кладбища, примыкавшие к ним. Так, из челобитной тобольского спасского попа Григория узнаем, что в Тобольске «около наперти храма Великого Спаса на могилах разными людьми поставлены полки, где продают мясо и рыбу...», так что «о тех, государь, полков, твоему богомолью великое утеснение и во время службы от людского кричания не слышно и самого пения»⁵³. Одновременно с этим некоторые разбогатевшие тобольчане стали заменять принадлежавшие им полки лавками подобно тому, как это сделал в 1632 г. Федор Казанец, поставивший «на месте двух полков... 2 лавки»⁵⁴.

Опираясь на данные, содержащиеся в окладной книге 1655 г. по сбору «десятой деньги», можно сказать, что в Тобольске имелось 110 чел. посадских, служилых, промышленных и гулящих людей и крестьян, которые платили десятую деньги «с животов», находящихся у них «в торгу» или «в торгу и в промыслу», «в торгу и в мелочном товаре», «в мелочном товаре», «в колмацком товаре», «в бухарском товаре», «в соляном торгу» или «в товаре в котлах»⁵⁵. Все они, раз не платили поамбарной пошлины, должны были свою промысловую торговую продукцию реализовать из собственных лавок и полков. Так и у 54 чел. тобольских посадских, служилых, промышленных и гулящих людей, плативших десятую деньги «с животов», находившихся у них «в рыбном промыслу» и «в убойном скоте», не могло не быть полков, с которых они сбывали бы рыбу и мясо⁵⁶.

В 1639—1671 гг. в тобольской таможене ежегодно являли свои товары 25—35 тобольских бухарцев, которые при явке товаров никогда не платили поамбарной пошлины⁸⁷. Следовательно, они имели собственные лавки, завести которые им, владевшим имуществом в несколько тысяч рублей (от 1 до 20 тыс. руб.)⁸⁸, не составляло большого труда, о чем свидетельствовал и посетивший в 1666 г. Тобольск неизвестный путешественник, заявивший, что тобольские бухарцы «имеют в верхнем городе Тобольске свои соответствующие лавки и ларьки, в которых они сидят и продают, и если они наверху имеют большой убыток, то продают они больше под горой в своих домах»⁸⁹, в которых они, видимо, имели также помещения, приспособленные под лавки. Домашние лавки имели, вероятно, и другие тобольчане, ибо Сибири данное явление было присуще. Так, В. А. Александров отметил это в отношении Ирбита: «К ярмарке 1694 г. число (казенных. — О. В.) лавок возросло до 50. Однако и этих помещений не хватало. Поэтому крупным купцам было разрешено строить свои лавки, уплачивая за них оброк. Предпринимчивые местные жители приспособливали свои дворы под жилье для приезжих и под склады для товаров. В 1694/95 г. верхотурский сын боярский Иван Томилов имел в Ирбите 4 двора, в которых находились 4 избы с сеними, изба с клетью и сениями, изба „ветхая“, 12 подвалов, 2 погреба, 3 амбара. Каким-то образом он добился права установки 4 лавок»⁹⁰. Подобные явления могли иметь широкое распространение и среди тобольчан с учетом большого наплыва в Тобольск приезжих торговцев.

Кроме этих лиц, владевших в 1655 г. 135—154 лавками и 54 полками, 87 тобольских мастеровых, 500 тобольских татар и несколько десятков церковников также могли иметь некоторое количество лавок. Поэтому приведенное нами для 1655 г. количество лавок (154) является минимальным. Это подтверждается еще и тем, что в 1640 г. частных лавок было не менее 151⁹¹.

О дальнейшем увеличении общего количества находившихся на тобольском посаде частных лавок можно заключить на основании следующих данных: в 1639/40 г. «русские» товары привезли в Тобольск 2 тобольчанина, а в 1670/71 г. — 134⁹². И все эти товары были распроданы в частных, а не в казенных лавках, так как никто из приехавших с Руси тобольчан не платил «поамбарной» пошлины, взимаемой с людей, «наймывавших на гостином дворе государевы лавки...». Кроме этих лавок, в которых происходила распродажа привезенных с Руси товаров, на Тобольском посаде име-

лись и другие, в которых торговали не ездившие на Русь тобольчане. Последних было больше, чем первых. Учитывая все это, можно сказать, что в 1671 г. в Тобольске имелось не менее 253 частных лавок. В пользу данного предположения говорит и сам факт открытия в Тобольске в 1671 г. второй таможенной избы и расположения ее на нижнем посаде, где находились «многие лавки всяких чинов людей»⁹³.

По количеству торговых мест Тобольск в это время не имел себе равных в Сибири. Даже в Енисейске — крупнейшем торгово-промышленном центре Сибири XVII в. — в 1688 г. имелось только 111 торговых мест (частных лавок — 46, лавочных мест — 4, амбаров — 8, погребов — 11, скамей — 39 и боев — 3)⁹⁴.

Вместе с расширением тобольского городского товарооборота происходили концентрации частных лавок в немногих руках и выделение из среды тобольских жителей лиц, занимавшихся сдачей их в наем. «Сдатчиком» лавок был тобольский посадский человек Иван Васильев Путимцев, имевший на нижнем посаде 7 лавок и сдававший их в наем, «буде кто возьмет, год по 5 рублей»⁹⁵.

Неустойчивость спроса и стремление торговца гарантировать сбыт товаров в повседневном городском торге заставляли его держать в своей лавке самые разнообразные привозные и местные товары. Для конкретного представления об ассортименте этих товаров приведем одну из 24 явок товаров, обнаруженных нами в 25 тобольских таможенных книгах XVII в., находившихся в 24 лавках и предназначенных для повседневного городского торга. Эта запись гласит, что 30 июля 1699 г. «явил» тобольский казачий сын Степыня Трофимов «в лавке» товаров 4 киндяка, 2 тафты шелковых, 4 окончины стеклянные, 0,5 фунта шелку зеленого, 9 овчин черных, 7 недопесцов белых, пуд меду, стопу бумаги писчей, 2,5 аршина бархана травчатого, 30 аршин покроей суконовых, 3 пары чулок вязаных, на рубль «мелочи лавошной» — итого на 11 руб. 11 алт. 4 ден.⁹⁶

Если дать ассортимент лавочных товаров в соответствии с частотой упоминания самих номенклатур во всех обнаруженных нами 24 явках, т. е. в товарных партиях, распроданных в 24 лавках, то можно заключить, что наиболее ходовыми товарами были китайки разные (упоминались 11 раз), кумачи и шелк разный (по 8 раз), холст разный (по 6 раз), выбойки разные, шапки овчинные и бобровые, бумага писчая (по 4 раза), пестряди русские разные, пестряди восточные разные, сукно белое, сукно сермяжное, медные котлы, таазы, медяки, порох (по 3 раза), бязи разные, киндяки,

сукна западноевропейские, сафьяны, овчины, бобры, листы железа, олово прутное (по 2 раза), бархат, сукожные по- кроми, кисей, кушак шелковый, кафтан, фата шелковая, чулки вязаные, бумага хлопчатая, рукавицы, меха лисьи, горностаевые, недонесовые, мерлушечьи, коня бухарская, уклад, окончины стеклянные, трубки немецкие, квасцы, скипидар, сера горячая, перец, мед (по разу). Отсюда вид- но, что основное место среди лавочных товаров занимали товары массового спроса — ткани и одежда⁶⁷. Остальные товары пользовались меньшим спросом.

Владели этими 24 лавками служилые и их дети (18 ла- вок), посадские (4), приезжие бухарцы (2 лавки), т. е. среди владельцев лавок преобладали служилые люди. Это еще раз показывает, что постоянное служилое население Тобольска по роду занятий членов своих семей все больше сливалось с посадским населением, содействуя тем самым превращению Тобольска из военно-административного в административно-хозяйственный центр Сибири⁶⁸.

Заведение в 1601 г. тобольского гостиного двора и та- моженной палаты означало передачу таможенного дела из-под ведомства воевод в руки таможенных голов и выборных це- ловальников. Почти полное отсутствие в это время местного тобольского посадского населения привело к тому, что в то- больские таможенные головы стали присылать «из Казани и иных понизовых городов лучших посадских людей»⁶⁹.

После того как в Тобольске появилось посадское на- селение, «учали быть» в тобольских таможенных головах «гу- тошние сибирские посадские люди». Однако подобная прак- тика выбора в тобольские таможенные головы представи- телей местного посадского населения плачевно отразилась на величине таможенных сборов. Тобольские таможенные головы, выбранные из местного населения, не могли долж- ным образом противодействовать корыстным стремлениям воевод. Русское правительство отмечало, что «во многие у них таможенные дела вступаютца воеводы и дыки... а то- моженные головы о том им ... выговаривать и к нам на них писать не смеют», в результате чего получилась «государе- вой казне многая убыль»⁷⁰.

Поэтому с 1635 г. в тобольские таможенные головы ста- ли посылаться «вятские» торговые люди гостиной сотни. Так продолжалось примерно до конца 50-х годов XVII в.⁷¹

Со второй половины XVII в. в тобольские таможенные головы стали назначаться местные тобольские посадские люди, что свидетельствует о возрастающей экономической мо- щи тобольского посада, среди которого нашлись лица,

способные к исполнению обязанностей тобольских таможен- ных голов. Такими лицами были Федор Тайшин (1662 г.), Яким Данилов (1669 г.), Василий Иванов Новоселов (1670 г.), Павел Михайлов Шапошников (1671 г.), Дмитрий Жданов (1687, 1691 гг.), Мирон Васильев Новоселов (1698 г.) и Иев Васильев (1684 г.). Имущественное положение этих людей позволяло им держаться независимо от тобольских воевод и в случае надобности не бояться противодействовать их корыстным стремлениям. Опираясь на свое богатство, они могли нести материальную ответственность за все не- доборы, получавшиеся в таможенных сборах по их вине⁷².

Служба в таможенных головах, сопряженная с материаль- ной ответственностью за таможенный недобор и с отрывом от торговой деятельности, не особенно прельщала торговых людей, и они стремились под разными предлогами избежать ее. Когда 5 февраля 1635 г. было приказано послать в си- бирские города — на Верхотурье, в Сургут, Томск, Манга- зию, Туруханск, на Собскую и Обдорскую заставы в тамо- женные головы 7 чел. устюжских торговых людей, то один из них, «Иван Нерадовский, послыша себе... государеву сибирскую службу», хотел избежать ее своим отъездом на сибирский торг. Но устюжские воеводы послали «по того Ивана Тимофеева сына Нерадовского приговорного цело- вальника и пристава» и велели им, «его пойман, привести на Устюг»⁷³. Достаточно просмотреть всю ту огромную пере- писку, начавшуюся между приказом Казанского дворца и вятским, тобольским, томским, казанским, ярославским, костромским, архангельским воеводами, по поводу отпра- вления в тобольские таможенные головы другого кандидата — хлыновца, торгового человека Калины Балезина, чтобы по- нять, что не так-то просто было обнаружить на огромных пространствах Русского государства предназначавшееся для несения таможенной службы лицо. Вятский воевода Васи- лий Чавкин, которому приказывалось послать в тобольские таможенные головы хлыновца Калину Балезина, предвари- тельно привел его к крестному целованию по присланной из Москвы записи, сообщил, что его нет на Вятке, так как он уехал в 1634 г. «на сибирский торг». Калина Балезин, вернувшийся в апреле 1635 г. из Сибири, «не хотя государевы сибирские службы служить, поехал с Вятки в Ярославль, да на Кострому»⁷⁴. Разыски его в этих пунктах и в Казани были безрезультатны. Тогда допросили в Казанском при- казе его брата Богдана, который порекомендовал искать его на Архангельской ярмарке. Посланные туда вятские при- ставы обнаружили Калину Балезина и привели его на Вят-

ку 25 июля. Отправленный в Тобольск 31 июля «за хлыновским приставом... Ленкою Санниковым» Калина Балезин прибыл туда 21 сентября 1636 г. и приступил к исполнению своих обязанностей. Следовательно, розыски его продолжались более 5 месяцев (с 5 февраля по 25 июля)⁷⁵.

Срок пребывания торговых людей в сибирских таможенных головах не числялся в первой половине XVII в. двумя-тремя годами, во второй — одним годом. Однако эти сроки очень часто нарушались, и торговые люди вынуждены были пребывать в таможенных головах значительно дольше. Так, например, вятский торговый человек Александр Кальсин занимал должность тобольского таможенного головы с апреля 1650 г. по май 1654 г., а с мая 1654 г. по сентябрь 1656 г. ее занимал вятский торговый человек Дмитрий Ворожцов. Тобольский посадский человек Петр Иванов Новоселов был якутским таможенным головой с 1660 по 1663 г.⁷⁶ По истечении данного срока таможенные головы сменялись, и смена их сопровождалась самой строгой отчетностью перед вновь вступавшими в эту должность. Если в таможенных книгах случалась какая-нибудь неправильность (подчистка, подклейка, перебор или недобор пошлин), то таможенный голова задерживался до полного устранения допущенных им погрешностей.

Счет таможенных голов между собой не являлся простой формальностью, и редко кто из них оставлял свою должность без начета. Так, на мангазейских голов Ивана Кокорина и Петра Брагина было начтено денег 211 руб. и мягкой рухляди 167 соболов, 17 530 собольих хвостов, 15 выемков собольих, 179 собольих пупков. Те же таможенные головы поплатились и за своего предшественника — Макеева, который, после учета сдав таможенное дело Кокорину и Брагину, по обыкновению должен был явиться для нового учета в Тобольск. Здесь произвели ему учет гораздо строже, чем Кокорин и Брагин, которые, вероятно получив взятку, скрыли его злоупотребления и отпустили из Мангазеи без начета. А по счету делу в Тобольске на Макеева было начтено 360 руб. «И то велено доправить на таможенных головах Иване Кокорине и Петре Брагине по 180 руб. за то, что они отпустили Макеева без счету»; дьяк мангазейский доносил, что все доправлено сполна⁷⁷. То же самое случилось и с верхотурским таможенным головой Андреем Липиным, который в 1639 г. не доправил на старом таможенном голове Даниле Обросьеве 9 ведер без чети и 48 чарок вина⁷⁸. В отношении же тобольских таможенных голов подобных примеров не встретилось.

Новый таможенный голова, приняв от своего предшественника всю таможенную документацию и «зборные деньги», обязан был расписаться с ним о приеме и сдаче дел и только после этого приступал к исполнению своих обязанностей, изложенных в уставной грамоте и наказной таможенной памяти.

Уставная таможенная грамота определяла состав действующих в городе пошлин и величину размера каждой из них. Наказная таможенная память, являясь дополнением к уставной, разъясняла самую технику сбора таможенных пошлин и указывала наиболее важные статьи для пошлинного сбора, на которые особенно обращалось внимание таможенного головы. Одновременно с этим наказная память определяла права и обязанности таможенного головы, регулировала взаимоотношения между головой и воеводой и содержала прочие разъяснения по вопросам таможенного управления.

Так, наказными таможенными памятями предписывалось тобольским таможенным головам производить самую тщательную сверку валичного количества явленных в тобольской таможене товаров с указанием количества их в проезжих грамотах, по которым они были привезены в город. Все замеченные при этой сверке расхождения в количестве, номенклатуре и качестве товаров фиксировались в таможенных книгах. Само фиксирование выглядело примерно так: 18 августа 1662 г. приехал из Томского города гостинной сотни торговый человек Андрей Гостева приказчик Кирило Иванов и явил у себя по томской и кузнецкой проезжим грамотам томские и кузнецкие покупки мягкой рухляди 400 соболов ценой 360 руб., 20 ярцов и кашлоков, «а по досмотру таможенного головы Федора Тайшина «с товарищи» бобр ценою 100 руб. ... 10 шубенок белых облашных, а по досмотру 6 шуб белых хребтовых и 4 шубы белы облашные» ценой 24 руб.⁷⁹ 23 марта 1668 г. приехал с Верхотурья ладетин торговый человек Иван Федоров Саватеев и явил у себя по верхотурской своей проезжей грамоте русского товара, что с ним идет на великую реку Лену, 400 аршин холста среднего, «а по досмотру таможенного головы Якима Давилова тот холст не средний, а однозубец» ценой 30 руб.⁸⁰

Сверка товаров сопровождалась определением стоимостных и количественных показателей для каждого отдельного вида товара, входившего в каждую отдельную партию. При установлении стоимостных показателей исходили не из реальных рыночных цен, а из произвольных и завышенных таможенных оценок, что позволяло «учинить перед прежни-

ми сборы государеву прибыль». Завышение таможенных оценок было настолько велико, что оно превратилось в настоящий бич для торговавших в Сибири людей. Поэтому они подали в 1686/87 г. коллективную челобитную, в которой жаловались, что в Верхотурье и в других сибирских городах таможенные головы оценивают их товары, «применяясь к старым прошлогодним ценам, лет за тридцать и за сорок, и почему в то время некоторые товары и на медные деньги в которой цене были перед настоящею тамошнюю ценою всякий товар свыше втрое и вчетверо, а иные товары вдесятеро и больше»⁸¹. Проведенное расследование полностью подтвердило эти жалобы. При рассмотрении верхотурских таможенных книг оказалось, что в течение 18 лет (1665—1683) привозимые товары окладывались одной и той же ценой. Старые верхотурские головы показали, что «будучи де они на Верхотурье в таможенных головах ценили у приезжих торговых русские их привозные товары, применяясь прежних годов к записным товарным ценовым книгам, а для того же де примеру в таможенной избе есть тетрадь, почему какой товар ценою был в прежних давних годах, а те де тетрадь воеводскою и дьячею и некоторого прежних годов рукою не закреплена»⁸². Московское правительство, получив все материалы расследования в руки, решило пойти навстречу торговавшим в Сибири русским торговым людям и предписало в 1687 г. сибирским таможенным головам «ценить у приезжих торговых и всяких купецких людей русские их товары по новоустановленной государевой грамоте почему в торгу и на гостине дворе купецкие торговые и всякие люди в рядах и на гостинном дворе купят и продают»⁸³. Данное распоряжение было вновь подтверждено в 1692, 1693, 1698 гг.⁸⁴

После установления количественных и стоимостных показателей «с явленных» и сверенных товаров взимались таможенные пошлины, среди которых основное место занимала «государева десятинная пошлина» в размере гривны с рубля. В начале XVII в. она взималась после распродажи привезенных товаров. Так, в наказе Бориса Годунова повелевалось «государеву десятинную пошлину» взимать после того, как «торговые люди свои товары испродадут или променяют на мягкую рухлядь»⁸⁵. Во второй четверти XVII в. «десятинная пошлина» стала взиматься до распродажи привезенных товаров. Взимание десятой пошлины до распродажи привезенных товаров предполагало уже наличие у приезжавших в Тобольск торговых людей свободных, незанятых денежными средствами, позволявших уплачивать ее. Но у некоторых таких средств не было, и они вынуждены были в уплате десятой

пошлины просить отсрочки до распродажи привезенных товаров. Так, например, в 1669 г. такую отсрочку просил тобольский сын боярский Федор Сабанский, про которого в таможенной книге было записано следующее: «В 7177 (т. е. 1668/69. — О. В.) году приехал с Москвы сын боярский Федор Сабанский и что у него было в привозе русского товару и на тот его русский товар была прислана с Верхотурья роспись что у него было товару и он Федор в январе в Тобольске пошлин не платил бил челом об отсрочке до месяца мая и в месяце мае явил у себя привозу 15 юфтей кож ценою 30 руб., 5 фунтов пороху ценою в 1 руб. Итого всего товару на 31 руб. И с того товара десятые пошлины взято 3 руб. 3 алт. 2 деньги»⁸⁶.

Зарегистрировав свои товары в тобольской таможне, торговые люди получали от таможенных голов разрешение на торговлю. В начале XVII в. сибирские таможенные головы были обязаны следить, чтобы торговля происходила только «на гостинном дворе и в торгу». Таможенным головам было приказано у лиц, торговавших «опричь гостина двора и торгу», т. е. «по городкам и по волостям и по юртам и по лесам», «имать» их товары «на государя». Это делалось для того, чтобы пресечь беспощинную торговлю. В дальнейшем таможенные головы стали разрешать торговлю и «опричь гостина двора и торгу», но с последующей обязательной уплатой пошлин в ближайших таможнях всем торговцам, независимо от их социального положения. Так, например, 14 июня 1640 г. явил приказчик гостинной сотни торгового человека Кирила Босова Федор Воропаев, что он покупал «по деревням в розницу у всяких людей» 9 пудов коровьего масла за 14 руб. 3 алт. 2 деньги, 300 камысов лосиных за 18 руб., 100 камысов конных за 3 руб., 20 полтей (туш) свиного мяса за 16 руб. И всего того товара у него на 51 руб. 13 алт. 2 ден. И с того товара взято с него десятые пошлины за продавцов 5 руб. 4 алт. 4 деньги⁸⁷. 9 июня 1640 г. явил москвитин гостинной сотни торговый человек Мелентий Максимов, что он купил в деревнях в розницу 5 четей ржаной муки, и с него «с тое муки» было взято за продавцов померные пошлины 6 алт. 4 деньги. 18 июня 1640 г. торговый человек важенни Иванов купил в Тобольске в юртах в розницу 50 лосиных камысов за 3 руб. и заплатил десятой пошлины за продавцов 10 алт.⁸⁸ 27 июня 1662 г. явил парымской служилой человек Андрей Иванов, что он купил, «дорогой едучи», 9 кож конных сырых за 9 руб. и заплатил с них в Тобольске десятые пошлины за продавцов 30 алт.⁸⁹ 13 мая 1669 г. устюжные торговые люди Максим и Тимофей Рожки-

цанных покупали «с Тюмени дорогой едучи крестьянские пахоты» 8 четей ржи «в тобольскую таможенную меру» за 8 руб. и, приехав в Тобольск, заплатили пошлины за продавцов 8 гривен⁹⁰.

В этом отношении сибирская таможенная практика шла впереди русского таможенного законодательства, действовавшего в то время на европейской территории России. Так, по уставной таможенной грамоте 1653 г. предписывалось «меж таможен на дороге торговым людям никакого товару не продавать и не покупать»⁹¹. Первая часть 28-й статьи Новоторгового устава 22 апреля 1667 г. предписывала торговым людям, приехав в тот или иной город, «подать выписи в таможеню, и против той выписи голове у него велеть (те товары) досмотреть и записать в книге имянно и велеть досмотреть накрепко, и что сверх выписи объявится, взять на великого государя»⁹². Вторая часть этой статьи, разъясняя первую, заявляла, что на государя брались не все вообще товары, привозимые «сверх выписи», а только те из них, которые привозились беспошлинно, — «а буде кто на ярмарках и меж городов каких товаров купит, а те товары в выписи товаров не написаны будут: с тех товаров имать пошлина против великого государя указа по прежнему»⁹³. Более четко по этому поводу было сказано в Новоуставном сибирском таможенном уставе 1698 г.: «А буде купецким людям меж городов случится купить какой незаповедный товар или зверь, а таможен тут нет: и ему тот товар покупать вольно; а смотреть, где с тем товаром и в который город приедут, того же дня тот купленный товар в таможен явить, и тому купцу за продавца заплатить десятую пошлину»⁹⁴.

Торговые люди, закончив в Тобольске свои торговые операции, снова заходили в тобольскую таможеню и получали в ней на купленные в Тобольске товары таможенные росписи, на основании которых съезжая (приказная) изба выдавала им проезжие (пропускные) грамоты. Проезжие грамоты, в которых переписывались «имянно» все идущие с торговцами товары, позволяли таможенным головам других населенных пунктов легче обнаружить «лишние» товары. Если торговцы объявляли товары, привезенные «сверх проезжей грамоты», то они облагались нормальными таможенными пошлинами, а если они скрывались, то все эти товары «имались на государя». Так поступили туринские целовальники, когда они обнаружили у приказчика торгового человека Тимофея Андреева «сверх проезжей грамоты... в лишке... пять осетров свежих», которые он, не явив в таможен, хотел пронести мимо. Утаенные осетры были взяты «по госу-

дареву указу» на государя, а Тимофей Андреев за утайку их был обложен протаможьем в размере 2 руб. 4 алт. 15 ден.⁹⁵.

Особое внимание тобольских таможенных голов обращалось на сосредоточение в государственной казне всей лучшей мягкой рухляди. Для этого им повелевалось строго следить, чтобы торговые люди покупали пушнину только после того, как «ясачные люди государев ясак заплатят весь сполна», чтобы торговые люди не покупали у ясачных людей черных, чернобурых и бурых лисиц, черных и голубых песцов, принимаемых в государев ясак наравне с соболями; чтобы торгово-промышленные люди продавали в государеву казну всю лучшую добытую ими пушнину; чтобы сибирские воеводы, дьяки и письменные головы не вывозили с собою на Русь неположенного им количества мягкой рухляди; чтобы торговые, промышленные и служилые люди ни под каким видом не вывозили на Русь воеводской, дьячей и письменных голов пушнины и чтобы местные тобольские жители ни в коем случае не скрывали у себя вещей, принадлежащих сибирской администрации. Нарушение этих правил сопровождалось битьем кнутом и конфискацией имущества.

Тобольским таможенным головам вменялось в обязанность просматривать все без исключения вывозимое на Русь воеводами, дьяками и письменными головами имущество и «ыскивати» среди него не занесенную в проезжие грамоты мягкую рухлядь. Таможенники обыскивали этих лиц тщательно, искали мягкую рухлядь и в «санях и в каптанах и в сундуках и в чемодане и по коробьям и в платье и в подушках и в постелех и в бочках и в печеных хлебах и в санных постельниках и в полозах... и в пазухах и в штанах и в зашитом платье» и всю найденную мягкую рухлядь, «окромя того у которого будет воеводы купленного нового для проезду шубы две или три лисьих красных или кунных», отбирали на «государя»⁹⁶. По проезжим же грамотам «тобольским и томским и ленским большим воеводам» разрешалось «вести для своих проездов к Руси» по 500 руб. денег (имущества), «а товарищем их и дьяком и иных городов воеводам же и письменным головам и с братьями и с детьми и с племянниками и с людьми по триста рублей воеводе и дьяку и голове»⁹⁷. Но иногда было, как об этом писали в 1646 г. царские дьяки, что «многие торговые и промышленные и служилые и всякие люди вывозят с собою из сибирских городов... к Москве воеводицкую и свою многую мягкую рухлядь и деньги сверх проезжих своих грамот тайно и воровством беспошлинно» и в этом им помогают таможенные

и заставные головы, которые «на заставах не берегут и не осматривают и не обыскивают ради... своей... бездельные корысти, позабыв наше крестное целование»⁹⁸. Большинство же тобольских таможенных голов, памятуя свои права и имея поддержку тобольских воевод, стояло «крепко и бесстрашно, не боясь никаких угроз» и на ослушников имало «тобольских служилых людей сколько человек надобно»⁹⁹.

Тобольские таможенные головы имели право разбирать всякие случайности между торговыми и промышленными людьми ссоры и тяжбы и давать по ним «суд и расправу», но с таким расчетом, чтобы своими решениями не отогнать торговых людей «от сибирских промыслов» и не причинить государственной казне какой-нибудь «спорухи». Защищая интересы фиска, таможенные головы обязаны были оборонять «торговых людей от всяких сторонних разорительных обид» со стороны воевод, дьяков и прочих административных чинов, ведавших до 1646 г. отпуском торгово-промышленных людей на сибирские промыслы. Особенно много этих обид чинилось торговым людям, торговавшим за Тобольском. В своей челобитной, поданной в 1645 г. от имени торговых и промышленных людей и гостиной сотни Исаака Ревякина, Кирилла Босова, Василия Федорова «с товарищи», торговые и промышленные люди жаловались, что енисейский подьячий Василий Шпилькин «имал себе насильством с товаров их с тысячи по сороку рублей, а с мелких по ста по четыре рубля и учинил для своего умыслу бездельной корысти заставы многие мимо таможенного головы Василия Бухрякова, чтоб не заплати ему с тысячи по сороку рублей... через волок без его отпуску никто не ушел»¹⁰⁰. Немногим меньше злоупотреблений чинили и кетский воевода Василий Нелединский, и нарымский воевода Иван Чаадаев, и сургутский воевода Иван Измайлов, и березовский воевода Мелентий Квашин, бравшие «с тысячи по тридцати рублей»¹⁰¹.

Не следует думать, что и сами таможенные головы не злоупотребляли своей властью в отношении торговых и промышленных людей. Особенно большие злоупотребления могли быть в первой половине XVII в., когда до 30-х годов существовало правило, по которому таможенным головам предписывалось: «Буде мягкая рухлядь у торговых и промышленных людей 140 рублей сорок соболей», то такую ценную рухлядь отбирать на государя, а владельцам ее выдавать из казны за вычетом десятой пошлины деньги. Это делалось для того, чтобы сосредоточить в царевой казне весь лучший пушной товар, который пользовался большим спросом на заграничных рынках. По данному правилу можно было про-

возить только сорок (т. е. 40 соболей. — О. В.) в 140 руб., но если сорок стоил 141 руб., то такой ценный товар нужно было отдавать в казну. Вот при этой-то оценке и мог чиниться произвол со стороны таможенных голов торговым и промышленным людям. Немало было и других поводов к злоупотреблениям таможенных голов своей властью. На мангазейского таможенного голову Ивана Кокорина торговые и промышленные люди жаловались государю: «Учал он у нас сирот твоих вынимать соболей — десятую пошлину не по твоему государеву наказу без разбору со всех промышленных соболей рядом, и за худые соболишки и запрелые и за лоскуты соболей брал добрыми лучшими соболями, а разбирать нам сиротам твоим по-прежнему как было при прежних таможенных головах добрый соболь к добрым, а плохой к плохим не давал и за худые соболи брал лучшими для своей бездельной корысти ради посулов»¹⁰². Имелись злоупотребления и со стороны тобольских таможенных голов Александра Кальсина, Дмитрия Ворожцова и целовальников Андрея Корюкова и Пятунки Соколова, на неправильные действия которых по сбору таможенных пошлин жаловались в 1653 г. тобольские посадские и служилые люди, юртовские татары, бухарцы и приезжие торговые люди¹⁰³.

Непосредственными помощниками тобольских таможенных голов являлись таможенные целовальники и подьячие. Тобольские таможенные целовальники выбирались из среды тобольских жителей сроком на год. Сначала в составе тобольской таможенной избы имелось 4, а потом, с открытием в 1671 г. второй таможенной избы, 7—8 целовальников, среди которых был один в «чине» ларешного. В связи с постоянными и интенсивными торговыми отношениями Тобольска с Бухарой и Тюменью в период времени с 1640 по 1645 г. возникла необходимость включить в состав тобольских таможенных целовальников одного бухаретина и одного тюменского посадского человека.

Основная обязанность тобольских таможенных целовальников состояла в сборе таможенных пошлин как в самом городе, так и по отдаленным заставам, торжкам и ярмаркам, иногда отстоявшим от Тобольска на многие сотни верст (например, Ямышевская ярмарка). Тобольские же таможенные подьячие вели всю таможенную документацию, поддерживали непосредственные сношения с Москвой, отвечали на различные запросы тобольских воевод, давали справки тобольским и сибирским таможенным головам, составляли и переписывали таможенные книги «с черных книг набело».

Иногда к ним в помощники занимались вольные, сторонние люди, отличающиеся хорошим почерком¹⁰⁴. В составе тобольской таможенной избы имелись еще «анбарники», «дворники», истопники, сторожа и другие чернорабочие люди, в обязанности которых входило обеспечение необходимых условий (отопление, освещение, уборка, охрана и т. д.) для повседневной деятельности таможенной избы.

Вся деятельность тобольской таможенной избы находилась под неослабным вниманием тобольских воевод. Последним вменялось в обязанность, не вмешиваясь в повседневную, рядовую деятельность таможенной избы по сбору таможенных пошлин, осуществлять общий надзор за ее работой. Они обязаны были следить, чтобы таможенные головы и целовальники беспощадно не торговали; новых таможенных пошлин не вводили; таможенными пошлинами «не корыстовались»; неверно таможенных сборов в книги не записывали; неправильных проезжих грамот не выдавали; лишние таможенных печатей на товары не ставили; заповедными тозарами торговать не разрешали; ценную пушнину за границу не отпускали; сибирским воеводам не благоволити и торговым людям «оприч гостина двора и торгу» торговать не разрешали. Деятельность таможенных голов тобольские воеводы контролировали по таможенным книгам, ежемесячно приносимым в съезжую (приказную) избу. Вместе с таможенными книгами они приносили в съезжую (приказную) избу собранные пошлинные деньги и мягкую рухлядь, идущие на жалованье тобольским служилым людям и на прочие местные расходы¹⁰⁵.

Приносимые ими в тобольскую съезжую избу суммы таможенного пошлинного сбора были немалыми. Так в 1639/40 г. тобольские таможенные пошлинные сборы составляли деньгами и товарами 6234 руб. 15 алт. 1,5 ден., в 1643/44 г. — 4436 руб. 4 алт. 4 ден., в 1644/45 г. — 4039 руб. 11 алт. 2 ден., в 1647/48 г. — 4735 руб. 11 алт. 3 ден. (с сентябрьским сбором за 1644/45 г.), в 1649/50 г. — 3723 руб. 8 алт. 2,5 ден. (с августовским сбором за 1647/48 г.), в 1655/56 г. — 2894 руб. 28 алт. 2 ден., в 1661/62 г. — 3637 руб. 9 алт. 2 ден., в 1668/69 г. — 2659 руб. 10 алт. 2 ден., в 1669/70 г. — 2938 руб. 27 алт. 3,5 ден., в 1670/71 г. — 4141 руб. 32 алт. 1 ден., в 1686/87 г. — 3791 руб. 22 алт., в 1690/91 г. — 674 руб. 8 алт. (без учета поступлений «от девяти десятых» товаром в сбор десятой пошлины), в 1694/95 г. — 3573 руб. 2 алт., в 1703 г. — 2776 руб. 10 алт. 1 ден., в 1714 г. — 8953 руб. и в 1721 г. — 4340 руб. 7 алт.¹⁰⁶ По размерам ежегодных таможенных пошлинных поступлений Тобольск до 1627 г. уступал Ман-

газее, в 1630—1650 гг. — Мангазее, Енисейску, Илимску и Якутску, в 1660—1670 гг. — Енисейску, т. е. основным центрам собольного промысла и торго, в 1680—1691 гг. первенствовал, а с 1692 г. снова уступил Нерчинску — новому центру русско-китайской торговли. В приходной части тобольского разрядного бюджета (без Мангазее) пошлинные отчисления от частной торговли в 1624—1666 гг. составляли ежегодно от 51 до 71 %, а в 1667—1698 г., хотя и понизились, но не опускались ниже 15,5 % (1689 г.) и не поднимались выше 49,5 % (1671 г.)¹⁰⁷.

Таможенные головы и целовальники тобольской таможенной избы привлекались тобольскими воеводами к участию в различных торговых и хозяйственных операциях воеводского управления: нужно ли было что купить, продать, построить и т. д., всегда таможенные головы и целовальники в этих случаях являлись помощниками воевод. И это было вполне естественно, так как головами и целовальниками выбирались всегда торговые и промышленные люди.

Компетенция тобольских воевод по вопросам таможенного управления не ограничивалась только одним контролем над деятельностью тобольских таможенных голов. Она распространялась и на выдачу торговым людям, отправляемым в таможенные головы в Енисейск, Мангазее, Сургут, Березов, Пелым, Туринск, на Обдорскую, Собскую, Киртасскую заставы, наказных памятей. Выдавая наказные таможенные памятки, тобольские воеводы исходили «из прежнего государственного указа» и из Уложения Ю. Я. Сулешева¹⁰⁸.

При беглом рассмотрении выданных тобольскими воеводами таможенных наказных памятей может показаться, что все они писались по одному и тому же шаблону и касались состава, величины и техники сбора таможенных пошлин, прав и обязанностей таможенных голов, мер по борьбе с беспощадной торговлей и т. п. Но при более внимательном рассмотрении их можно обнаружить, что каждая из них имеет свои собственные, индивидуальные особенности, присущие только ей одной и отличающие ее от других таких же таможенных наказных памятей. Особенности ее обуславливались самим экономическим и географическим положением того пункта, которому она была выдана. Так, например, таможенная наказная памятка, выданная в 1633 г. сургутскому таможенному голове Ивану Нерадовскому, содержала в себе только общие указания по исполнению таможенной службы и не проводила никакой детализации ее. Таможенные же наказные памятки, выданные на Обдорь, Сось и Киртас, содержали в себе не только общие принципы таможенной

службы, но и самую подробную детализацию ее. Так получилось потому, что Обдор, Собь и Киртас, в отличие от Сугута, являлись «порубежными пунктами» между Европейской и Азиатской Россией и имели поэтому большое таможенное значение. В наказных памятях, выданных этим заставам, предусматривались все мелочи, могущие встретиться в их таможенной практике. Особенно много места в них занимали различные наставления по пресечению беспощинной торговли и по закрытию всех лазеек для нее. Обдорским, киртасским и собским таможенным головам и целовальникам приказывалось высылать «в сторону Руси» на несколько верст таможенные заставы и караулы для встречи и сопровождения к таможенным едущих «с Руси» торговых людей. Таким путем стремились ликвидировать даже самую возможность беспощинного провоза «русских» товаров в Сибирь.

На Обдоре, Соби и Киртасе особенно тщательно сверялись явленные товары с указанием количества их в проезжих грамотах и все неявленные «лишние» товары отбирались на «государя». Так как в это время на Обдоре «гостевали» отправляемые «для счета» в Тобольск мангазейские таможенные книги, то обдорским таможенным головам и целовальникам рекомендовалось сверять предъявляемые торговыми людьми на отпускаемую на Русь мангазейскую пушнину проезжие грамоты с записями этих книг, чтобы способствовать пресечению контрабандного провоза сибирской пушнины за Урал.

Обдорским, собским и киртасским таможенным головам и целовальникам следовало быть особенно внимательными, чтобы не пропустить из Сибири «на Русь» собольих шкурок стоимостью свыше 10 руб., черных и черно-бурых лисиц, дорогих собольих шуб, черных и голубых песцов, черных и карих лучших бобров, ясырей, а из Европейской России в Сибирь — вина, меду, табак, считавшихся в то время заповедными товарами.

В наказных памятях мангазейскому и обдорскому таможенным головам прямо указывалось, чтобы «горячева б вина торговые люди с Руси с собою не привозили ж и ясачных людей не поили и на соболи и ни на какую мягкую рухлядь... не меняли»¹⁰⁹. Это делалось не ради каких-то гуманных целей, а для того, чтобы «государева собольная казна» не испытывала «порухи».

Всякая «порука государевой казне», независимо от того, где и кем она учинялась, должна была быть ликвидирована. Поэтому в 1646 г. тобольские воеводы И. Салтыков и И. Га-

гарин «доправили» на верхотурском таможенном голове Кириле Гоголине 262 руб. 15 алт. 3,5 ден. таможенных пошлин, которые «он на промышленных и торговых людях не донял». Одновременно с этим с него была взята пеня в 500 руб. «за отдачу торговым и промышленным людям таможенных пошлин без государеву указу»¹¹⁰.

Так как в течение всего XVII в. русское правительство проводило политику на сосредоточение (путем пошлинных сборов, покупок, лимитирования вывоза пушнины административными чинами) всей ценной пушнины в государственной казне, то таможенным головам Обдора, Киртаса, Соби, Верхотурья приказывалось «у торговых и промышленных людей» все «соболи дорогие... рублей по десять и по пятнадцать и в двадцать и больше... имать на государя», а торговым и промышленным людям «давати за них деньгами из таможенной казны»¹¹¹. Одновременно с этим они обязаны были следить, чтобы административные чины и служилые люди вывозили «на Русь» только дозволенное количество пушнины. Административным чинам разрешалось вывозить пушнины и другого имущества на 300—500 руб., а простым служилым людям — на 50 руб. А если у кого из них будет по проезжим или сверх проезжих грамот «мягкие рухляди и денег... больше» этого количества, то мягкая рухлядь и деньги «имались на государя». Также отбиралась на государя вся найденная у торговых, промышленных и прочих людей воеводская рухлядь, переданная им для вывоза «на Русь под видом своей». Пойманных на этой контрабанде людей карали торговой казнью, состоявшей или в избивании палками на торговой площади, или в тюремном заключении до государева указа¹¹². Поэтому в 1646 г. тобольские воеводы Иван Салтыков и Иван Гагарин наложили на березовского воеводу Мелентия Квашнина штраф в 500 руб. за то, что он тайно отправил «на Русь со своим человеком» мягкую рухлядь¹¹³.

Тобольские воеводы очень строго наблюдали, чтобы торговые и промышленные люди пользовались только указанными путями. В связи с этим помимо открытия в 1600—1603 гг. таможень в Верхотурье, Тобольске, Туринске, Тюмени, Таре, Березове, Мангазее строятся таможенные заставы и караулы, перекрывающие второстепенные торговые пути: в Верхотурском уезде — у Тагила, на Чусовой, «Ламинском устье», Лозве, Салде, Кошае; в Туринском — на Усть-Туре, у «Сенного поля» и у «Санкиных юрт»; в Березовском — у Обдори, Соби, Киртаса; в Тюменском — в «Татарском Терсяцком городке» и «Небольсинных юртах». Кро-

ме того, в XVII в. для контроля за торговыми сделками на местных торках и земледельческих слободах было организовано более 40 таможенных служб, сборы которых вливались в разрядный бюджет¹¹⁴. Поэтому когда в 1627 г. тобольскому воеводе князю Хованскому стало известно, что «стала де вновь проезжая большая дорога Тюменским уездом на Ницу на Красную слободу да Туринским уездом на Чюбарово городище и тою де дорогою проходят всякие люди на Русь и и с Руси в Сибирь и рекою Ницею с Верхотурья вниз и Ницею вверх проплывают мимо Чубарова городища, а Туринском не являютца», чтоб им не платить «государеву проезжие пошлины», «а наперед сего на те слободы теми месты дороги не было... и государева таможенная пошлина збиралась с прибылью», то он приказал туринскому воеводе Воину Корсакову «мимо Чубарова городища торговых и промышленных людей и гулящих и яржких не пропускать, и от того посулов и помшников не имать»¹¹⁵.

Радея об увеличении таможенных сборов, тобольские воеводы посылали грозные приказы воеводам Туринска, Мангазеи, Березова и других городов, в которых предписывали им смотреть «накрепко, чтоб... по дворам... всякие тутошние люди русские товары не торговали и с татарами и с осяками и с вогуличами по городкам и по волостям и по юртам и по зимовьям и по лесом... свои товары на соболи и бобры и на лисицы и на всякую мягкую рухлядь не меняли, а меняли бы их там, где собираются «государевы десятинные пошлины», т. е. на гостинном дворе и в торгу. Одновременно тобольские воеводы указывали им на то, что «торговые люди со всякими товарами торговали, ездя по городкам и по волостям и по юртам и по зимовьям и по лесом, и государевы десятинные пошлины со своих товаров не платили»¹¹⁶.

Значение тобольских воевод в сибирских таможенных и торговых делах не уменьшилось и после издания в 1646 г. царского указа, повелевавшего «во всех сибирских городех, опричь Тоболска, воеводам нашим и дьякам и подьячим... торговых и промышленных людей проездом не ведати, а велели... проездом ведать и отпускати торговых и промышленных людей... из таможен таможенным головам и ценовальникам». Даже более того, после этого указа роль тобольских воевод возросла, так как теперь только они одни могли осуществлять контроль над всеми таможенными головами в отношении отпуска торговых и промышленных людей на сибирские промыслы.

Точных и определенных известий о времени появления в Сибирь таможенных пошлин нам не встретилось. Однако

на основании сопоставления двух документов — царского наказа, выданного 10 февраля 1595 г. тарскому воеводе Федору Елецкому, и царской грамоты от 31 августа 1596 г. тюменскому воеводе Григорию Долгорукову — можно заключить, что мысль о введении таможенных пошлин в Сибирь возникла именно между этими датами. И действительно, если в царском наказе Федору Елецкому не содержится указаний о наличии таможенных пошлин в Сибирь и констатируется лишь разрешение «служилым людям всякие товары и лошади и животину покупать» у приезжих бухарцев и ногайцев¹¹⁷, то в царской грамоте Григорию Долгорукову говорится: «Как к вам ся наша грамота придет, а которые будут бухарцы с товары или ногаи с лошадьми торговые люди учнут к вам на Тюмень приезжать, и вы б тем бухарцом и ногайцом торговым людям велели с нашими с русскими людьми и с юртовскими и с ясашными татарами на Тюмени торговать беспошлинно; а иных никаких таможенных пошлин с них имать не велели»¹¹⁸. Здесь, как видим, упоминание о таможенных пошлинах уже есть.

Грамотой от 20 сентября 1597 г. из Посольского приказа уже предписывалось пельмскому воеводе князю Петру Михайловичу Шаховскому брать «на государя с торговых людей десятинную пошлину с сибирских товаров, ото всякого зверя от девяти десятое — с соболей и с куниц, и с лисиц и с бобров, и с песцов, и с белок, и с горностаяв, и со всякие мягкие рухляди», а также десятую часть с привозных «русских товаров»¹¹⁹. В отписке Шаховской сообщал, что приехавшие к ним 28 сентября 1597 г. торговые люди были и торговали на Таре, а «твоей государевой десятинные пошлины мягкой рухляди на Таре и в Тоболе воеводы не имали», а он изнял «десятую» в Пельме. Одновременно с этим Шаховской отмечал, что «многие... торговые люди из русских разных городов из Тоболска проехали со многими сибирскими товарами до твоей государевой грамоты», так как эта грамота от 20 сентября 1597 г. о сборе десятинной пошлины «к нам пришла поздно», то «мы не успели обложить» всех «торговавших на Пельме торговых людей десятинной пошлиной»¹²⁰. Содержание указанной отписки, а также царский наказ от апреля — мая 1601 г. мангазейским воеводам князю Василию Масальскому и Савлуку Пушкину позволяют предположить, что грамоты подобного содержания были посланы и в другие сибирские города и положили там начало сбору таможенных пошлин¹²¹. Но сами пошлины были введены для Сибирь ранее указанный грамоты царя от 20 сентября 1597 г., ибо еще царская грамота от 19 мая 1597 г. пред-

лагала освобождать от уплаты десятой пошлины стрельцов и казаков, если стоимость приобретенной ими пушнины не превышала рубля¹²². Наказ царя 1601 г. повелевал: «С Мангазейской и с Енисейской самоеды и с иных тутошних Мангазейских и Енисейских людей до государева царя и великого князя Бориса Федоровича всея Руси указу с товаром их пошлин не имать»¹²³.

Наказом 1598 г. внимание тобольских воевод С. Ф. Сабурова и А. Ф. Третьякова обращалось на то, что «преж сего в сибирские города хаживали из приморских городов торговые люди», которые покупали на русские товары у государевых ясачных людей лучшую рухлядь и вывозили ее на Русь «украдом». Сибирская администрация, получавшая от торговых людей взятки и посулы, не препятствовала им в незаконном вывозе лучшей сибирской пушнины «на Русь» и воровала вместе с ними — за один. Московское правительство, не желавшее примириться с подобным явлением, издало распоряжение о превращении всей лучшей мягкой рухляди в заповедную, т. е. в монополию казны.

В категорию заповедной мягкой рухляди были отнесены лучшие и средние соборы, черные и черно-бурые лисицы, черные и карие лучшие бобры, лучшие куница и белка. Торговым людям разрешалось покупать у ясачных людей только «худую» пушнину, с обязательной уплатой с нее «десятины, от девяти десятое»¹²⁴.

Последующими наказами предусматривалось сосредоточение всей пушной торговли только в определенных местах. Такими определенными местами должны были стать гостиные дворы, к строительству которых повелевалось приступить немедленно «во всех сибирских городах»: Верхотурье, Туринске, Тюмени, Тобольске, Таре, Березове, Сургуте, Мангазее. Во всех этих пунктах в 1600—1603 гг. появились гостиные дворы, а вместе с ними и таможенные избы с таможенными головами. Таможенные головы первоначально назначались из служилых людей, но вскоре их заменили более опытные в торговых делах выборные посадские люди. В их обязанности вменялись организация сбора таможенных пошлин и выполнение отдельных хозяйственных поручений воевод, связанных главным образом с закупкой на казенные нужды различных товаров. В европейской части государства таможенные головы часто заведовали и кружечными дворами. В Сибири только в конце века по указу от 22 ноября 1698 г. управление кружечными дворами, ранее находившееся в ведении воевод, также были переданы таможенным головам. В штате таможни кроме таможенного голо-

вы находились выборные целовальники из местных «жилицких людей» для осмотра товаров и сбора пошлин, подьячие для ведения таможенного делопроизводства, служилые люди для «управы на сильных людей и для рассылок», истошники, сторожа¹²⁵.

С устройством таможни расширялся состав таможенных сборов. Кроме «сибирского платежа» десятой пошлины, предписывалось брать в таможнях проезжие и торговые пошлины. В этом отношении показательна грамота 26 ноября 1600 г. царя Бориса Федоровича в Верхотурье голове Гавриле Салманову о пошлинах с торговых людей и с товаров, взимаемых на гостинном дворе в Верхотурье. Грамота содержит не только констатацию того, что Гаврила Самойлович Салманов «на Верхотурье гостинной двор зделал, и поставил на гостине дворе 4 избы да 20 анбаров да ты ж зделал на татарском дворе татаром и остяком на приезд, избы да анбар и конюшню и огородил и покрыл» их, но и ответ на запрос Салманова о том, как ему и «по чему... вперед наших пошлин и постоялово и с анбаров и со всяких товаров у торговых людей на нашем на гостине дворе имати»¹²⁶. Отвечая Салманову, царь указал: «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б вперед или по тебе иные наши воеводы и головы на Верхотурье будут, велели быть на гостине дворе по годом детем боярским, да к ним выбрали бы есте в прибавку из Верхотурских из жилицких людей в целовальники, по кольку человек доведетца, и приводили их к нашему крестному целованью на том, что им, будучи на гостине дворе, наши всякие пошлины збирать в правду по нашему крестному целованью, а нашею казною не корыстоваться»¹²⁷. Определив основной костяк таможенных сборщиков, царь в своей грамоте начертал и сам состав таможенных пошлин, подлежащих сбору, предписав при этом: «Да которые торговые люди верховских городов учнут приезжать на Верхотурье с запасы и со всякими товары, и ты б у них те запасы и товары по нашим проезжим грамотам велел осматривати по нашим проезжим грамотам сыну боярскому да целовальником, которые у тебя выбраны будут на гостин двор, и оцени таможенною и приворотною и с меновного товару пошлин а денег и вещи с меду, и с хмелю, и с сала, и с масла, и со всякого вещево товару пудовую пошлину, и с анбару оброк и с избы тепловую пошлину с русских людей велел збирати потому ж, почему збирают всякие пошлины с русских людей в Перми, или как будет доведетца, чтоб нашей казне было прибыльнее, а приезжим бы всяким людям в том большие нужи не было»¹²⁸. Царской грамотой предусматри-

вались и способы осмотра товаров, сбора таможенных и ссудной пошлин, хранения собранного и отчетности. «А збирал бы,— указывала грамота,— сын боярской и целовальник всякую пошлину в ящик за твоею печатью и приносили деньги по месяцу в съезжую избу и записывали в приходные книги. А с судных дел с верховских людей имал бы еси пошлин против Московского вполю. А которые торговые люди учнут приезжать на Верхотурье с товары, и ты б у тех людей и те их товары, переписывая, отдавал им назад, опричь заповедных товаров; а заповедные товары отписывал бы еси на нас и держал в нашей казне по прежнему нашему указу. Да о том о всем отписывал бы еси к нам к Москве и велел отписку отдавать в Казанском и Мещерском дворце дьяком нашим Афонасью Власьеву да Нечаю Федорову»¹²⁹.

О времени появления прочих пошлин, в том числе померной и проезжих, точных сведений нам не встретилось. Однако введение померной пошлины следует, по-видимому, относить к тому моменту, когда возникшее и достаточно окрепшее сибирское земледелие смогло выбросить некоторое количество хлеба на сибирский рынок. К подобному заключению мы приходим на основании содержащихся в таможенных книгах сведений. Просмотренные нами таможенные книги непашенных городов (Березов, Мангазей, Сургут) не содержат в себе разделов о сборе померной пошлины. С продаваемого в этих пунктах хлеба взималась только одна десятая пошлина, так как померной в них не существовало.

Из категорий проезжих пошлин по времени их появления первыми следует считать посаженную и явчую пошлины. Полозовая пошлина возникла немного позже. Ее появление следует отнести ко времени, когда торговые и промышленные люди стали пользоваться для переброски своих товаров на просторах Сибири по «санним зимним дорогам».

Окончательное оформление сибирская таможенная система получила, по-видимому, в 20-х годах XVII в. Реформаторская деятельность тобольского воеводы Ю. Я. Сулешева (1623—1625 гг.), направленная на увеличение государственной прибыли путем дальнейшего усиления налогового бремени сибирского населения, не прошла мимо таможенного управления. В подобном мнении утверждают нас указания самих государственных грамот и наказов, в которых рекомендовалось «таможенную пошлину» собирать так, как «в нашем наказе написано и как учинено по удожению Ю. Я. Сулешева... наперед сего»¹³⁰.

Определенное представление о составе и размере пошлин, установленных в Сибири по «удожению Ю. Я. Сулешева»,

дает наказная память 1627/1628 г. туринского воеводы Воиня Корсакова чубаровскому «таможенному целовальнику Ивашку Чермнову да служилым людям стрелецкому десятнику Степанке Каплину и которые будут на Чубарове городище по переменам на заставе збирать государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси таможенную пошлину в государеву казну»¹³¹. Показательно, что из наказной памяти можно заключить, что уже к 1627 г. «на Чубарове городище», сформировался устойчивый межуездный торжок, на который со своей продукцией, а именно: лошадьми, коровами, мясом, рыбой, хмелем, рожью ярицей, ячменем, овсом, полбой, мукой, пшеницей, лодьями, стругами, дощаниками, одиодеревыми «стружками», ботиками и «рухлядью» — являлись не только чубаровские и туринские пашенные крестьяне и всякие жилецкие люди, но и верхотурские, тюменские, нейвинские и краснослободские жители.

Изложение состава пошлин и размеров каждой из них открывается регламентацией таможенного сбора с проданных лошадей. И это не случайно, ибо без лошадей, которых в Сибири из-за частых эпизоотий катастрофически не хватало, не могло нормально развиваться ни одно крестьянское хозяйство. В силу этого каждый воевода был заинтересован в увеличении в своем уезде конского поголовья как основной тягловой силы. Поэтому в наказной памяти туринского воеводы Воиня Лукьяновича Корсакова чубаровским таможенным целовальникам и предусматривалось: «Кто чубаровских пашенных крестьян и всяких жилецких людей или верхотурские или тюменские или нейвинские или краснослободские хто лошадь продаст, ино имати по цене с чубаровских и с туринских с рубля по алтыну. А хто шерсть на шерсть поменяетца без придачи, ино с шерсти имать с обеих по два гроша; а буде хто придаст ино с придачи имать десятая пошлина с тюменских и верхотурских, а с чубаровских и с туринских со всякого товару с рухляди да и с мяса и с рыбы и с хмелю (в том числе, видимо, и с лошадями.— О. В.) имать по 10 денег с рубля»¹³². Отсюда видно, что туринские и чубаровские жители при торговле на Чубаровском городище перечисленными выше товарами имели пошлинные привилегии по сравнению с верхотурскими и тюменскими жителями.

Последующими статьями наказной памяти устанавливались размеры отчислений в государеву казну от оптовой, скотской и хлебной торговли местных жителей на чубаровском торге. При этом если кто «друг у друга купят свалом», то пошлину брали «с обеих с купца и продавца по 10-ти де-

нег» с рубля. При продаже лошади или коровы взимали пошлыны «с рубля по алтыну», а со «служилых людей и с ямских охотников пошерстново имали по алтыну». Поскольку установление объемного количества явленного на продажу жита являлось государственной монополией, то перемер его «государевой заорленной осьминою», а при меньших объемах также и «государенным заорленным четверником» влек за собой уплату померной пошлыны, размер которой зависел от вида перемериваемого хлеба. Поэтому наказная память и требовала: «А с хлеба со ржи и с ярицы и с ячмени и с овса и с полбы померу имать с продавца с чети (в четверти две осьмины, или восемь четвериков. — *О. В.*) по шти денег, а с муки по десяти денег; а с пшеницы с чети померу по два алтына»¹³³. Введение померной пошлыны свидетельствует об устойчивости чубаровского межсlobодского хлебного рынка уже к 1627 г., но объемы его из-за недостаточной еще обеспеченности Сибири собственным хлебом строго регламентировались: «А хто продал жита в другой ряд или в третье, и у тех товары отписывать на государя... а их имая присылать потому ж в Туринский острог». Пошлына взималась и при продаже дворов: «А хто продаст двор, и с продавца имать пошлына по 10 денег с рубля, а с купца по 4 деньги с рубля»¹³⁴.

Наказная память не обошла пошлынным обложением и обеспечивавшего торговцев и иных местных жителей средствами передвижения чубаровского судостроения. «А хто, аделав на Чюбарове городище судна, да продаст лодью или струг или дощанику или одводеревой стружек, и с плотников имать а денег, что возмунт найму от судна с рубля по алтыну, а с лодки и а ботника рублевую пошлыну по расчету»¹³⁵.

Наказная память строго указывала чубаровским таможенным целовальникам «смотреть накрепко, чтоб на Чюбарове городище по дворам чубаровские крестьяне и всякие жилецкие тутешные люди русскими товарами (значит, они ездили на Русь за товарами сами или перепродавали покупные. — *О. В.*) не торговали, и с татары и с остяки и с вогуличи на мягкую рухлядь не меняли и не покупали (следовательно, аборигены не только на мягкую рухлядь русские товары выменивали, но и покупали их на деньги. — *О. В.*), покамест государев ясак ясашные люди весь сполна заплатят, а торговали б и покупали по государеву указу на государеве на гостине дворе или в торгу»¹³⁶. Если же «хто учнет» из «торговых людей какими товарами торговати по дворам или до ясаку с туринскими ясашными людьми и в та-

можные не явит и не запишет, и на тех людех имать на той же заповеди по 2 рубля по 4 алтына по полутере дене и тех людей имая присылать в Туринской острог с кем пригоже...»¹³⁷.

Что касается проезда торговых и промышленных людей через Чубарово городище, то наказная память на этот счет указала: «А хто приедет с Верхотурья или из Тюмени или из которых слобод в судех торговых и промышленных людей с проезжими и без проезжих грамот, и с тех людей на Чюбарове городище головщины и полозовщины не имать по тобольской отписке воеводы князя Андрея Одреевича Холанского», а «тех торговых и промышленных людей мимо Чюбарова городища не пропускать, ворочать их с проезжими грамотами мимо, в Туринский острог, и товары их писать на лицо, нет ли с ними лишних и заповедных товаров, и не торговали ли в Туринском в уезде по татарским волостям»¹³⁸. «Да те росписи и с тех торговых и промышленных людей» повелевалось «присылать в Туринской острог с туринскими служилыми людьми, и велеть явиться и роспись товару поднести в съезжей избе воеводе Воину Лукьяновичу Карсакову»¹³⁹. «Да и вперед» приказывалось чубаровским таможенным целовальникам «смотреть того и беречь накрепко, чтоб торговые и промышленные люди с товарами своими и без товаров и гулящие ярыжные мимо Чюбарова гордища дороги не прокладывали, а ходили бы мимо Туринской острог. А которые будут у них на судех их наемные или гулящие ярыжные без отписей, и на тех ярыжных имать на государя годового оброку по 10 алтын с человека, а потписи их присылать к воеводе в Туринской острог да с них же имать явчей пошлыны по 4 денги с человека, и те им государевы пошлыны записывать порознь имянно и класть в ящик, а ярыжных годового оброк писать своею статьею»¹⁴⁰. Появление к 1626 г. в составе даже слободского таможенного обложения таких новых пошлынных наименований, как рублевая, алтынная, пошерстная, померная, головщина, явчая, полозовая и протаможье, свидетельствует не только об усилении по сравнению с 1600 г. таможенного пошлынного обложения частной сибирской торговли, но и о значительном разрастании ее шири и глубины¹⁴¹.

В 1628 г. Казанский приказ потребовал «списать списки... с наказов и уставных грамот, каковы наказы и уставные грамоты даются в Тобольску и в иные сибирские города торговым людям головам и целовальникам для всяких сборов, как в котором городе какую пошлыну збирати»¹⁴². Одновременно с этим просилось прислать и списки «с проезжих грамот каковы... даются в Тобольску торговым людям как их

отпускают из Tobолска с товары в иные сибирские города и не Tobолска на Русь¹⁴³. Данные списки потребовались Казанскому приказу или для осведомления о сибирской таможенной системе, о которой у Казанского приказа не было, вероятно, достаточной ясности, или для внесения в нее некоторых изменений. Таможенные книги конца 30-х годов XVII в. ясно свидетельствуют о том, что в это время в Сибири действовала вполне сложившаяся таможенная система, просуществовавшая в таком виде до 1686/87 г.

При конструировании сибирской таможенной системы царское правительство исходило из московской таможенной практики, особенностей Сибири и интересов государственного фиска.

В основе сибирской таможенной системы лежала десятая пошлина, взимавшаяся в одинаковом размере во всех сибирских городах. В этом ясно сказались успехи, достигнутые к моменту включения Сибири в конце XVI — начале XVII в. в состав Русского государства, в политической централизации этого государства. В то время как на коренной территории этого государства не существовало еще до 1654 г. единой по своему размеру для всех городов пошлины, когда государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранившие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска... особые таможенные границы¹⁴⁴, в Сибири с самого момента возникновения таможенной системы была введена единая десятая пошлина, при взимании которой на местожительство торгующих не обращалось почти никакого внимания. Исключение в этом отношении представляет только Верхотурье, где местные жители платили десятинную пошлину в половинном размере по сравнению с иногородними. И эта привилегия местных жителей, уходящая своими корнями в удельную эпоху, легко объясняется из пограничного положения самого Верхотурья, расположенного на стыке между европейской и азиатской частями России, как бы на стыке между старой таможенной системой, системой удельной Руси, и новой таможенной системой, системой Русского централизованного государства. В таможенной системе Верхотурья, как и других сибирских городов, ясно отразилась борьба двух взаимно противоположных тенденций — централизаторской и децентрализаторской. Старое побеждалось новым, но побеждалось не сразу и некоторое время продолжало существовать как пережиток наряду с победившим новым.

При установлении в Сибири «десятинной пошлины», превосходившей по своему размеру взимавшуюся в европейской

части России рублевую пошлину в 4—5 раз¹⁴⁵, царское правительство исходило в основном из интересов государственного фиска. Оно стремилось за счет таможенных пошлин покрыть свои издержки по денежному содержанию сибирского служилого люда, получавшего свое жалованье из сумм, собранных путем косвенного обложения торговли. В данном случае ясно прослеживается один из многочисленных моментов того, как товарное производство при феодализме и обусловленное им товарное обращение обслуживали интересы феодального государства.

При определении величины других взимавшихся в Сибири таможенных пошлин правительство исходило из существующей таможенной практики поморских городов, внося в нее изменения, вызванные особенностями Сибири и централизаторскими стремлениями самого правительства. Это особенно заметно при сравнении действовавших в поморских городах проезжих пошлин с сибирскими проезжими пошлинами (проезжая, отъезжая, полозвая, посаженная, явчая). В шести сибирских городах, как видно из табл. 11, величина проезжей пошлины колебалась в пределах 4—20 ден., причем в четырех из них она взималась в размере 4 ден., а в остальных — 10 и 20 ден.¹⁴⁶ Одинаковую, и притом наименьшую, величину проезжей пошлины имели такие крупнейшие транзитные торговые пункты, как Верхотурье и Tobольск. Одинаковый размер отъезжей пошлины имели три города из пяти. Отсутствие в Туринске отъезжей пошлины, вероятно, можно объяснить тем, что в нем отъезжая и проезжая пошлины были объединены в одной проезжей пошлине с увеличением размеров ее.

Посаженная пошлина имела одинаковую величину (20 ден.), равную устюжской, в Tobольске, Сургуте, Енисейске. В Верхотурье посаженная пошлина взималась в половинном размере, по-видимому, потому, что этот город был начальным и в то же время конечным пунктом водного сибирского пути, в котором происходила «перевалка» товаров с судов на сани и обратно. В Туринске посаженная пошлина взималась в том же самом размере, что и полозвая. Эти пошлины заменяли друг друга. При регистрации в Туринских таможенных книгах сборов посаженной пошлины указывалось, что она собирается «против зимнего полозового по два алтына с сажени»¹⁴⁷.

Полозвая пошлина собиралась в тех пунктах, которые находились на оживленных сухопутных торговых путях. Такие пункты, как Березов, Сургут, Енисейск, не имели ее в середине XVII в. в составе своих пошлин. Величина

Таблица 11

Состав пошлин и их размер по данным 1648 г., ден. *

Наименование пошлины	Тобольск	Березов	Сургут	Туринск	Верхотурье	Енисейск
Десятая	20	20	20	20	10—20	20
Роговая	10	10	10	6	10	12
Пошерстная	6	12	6	8	6	12
Померная	8	—	—	6	6—12	4
Поамбарная	8	6	—	—	9	—
Полозочная	—	—	8	8	?	8
Головицкая	26	—	—	—	—	—
Весчая	—	—	—	—	1	1—2
Займная	—	—	—	—	—	2—6
Проезжая	4	4	4	10	4	20
Отъезжая	4	20	6	—	4	4
Посаженная	20	—	20	12	10	20
Полозочная	12	—	—	12	8	—
Ячная	4	12	4—8	4—10	3—4	4
Поворотная	—	—	—	—	3	—
Венчная	—	—	26	—	—	—
Постоялая	—	—	—	—	—	200
Вершинная	—	—	—	12	—	—

* ЦГАДА, СП, кн. 231 и 732 (по Тобольску), кн. 236 (по Березову), кн. 662 (по Сургуту), кн. 236 (по Туринску), кн. 232 (по Верхотурью), кн. 198 (по Енисейску), ДАИ, — Т. 2, № 67.

Примечание. В Березове торговые люди, ехавшие с товарами платили отъезжей 10 ден. + явчего 10 ден. = 20 ден., гулящие люди отъезжей 6 ден. + явчего 6 ден. = 12 ден.; пошерстное взималось только при продаже лошадей, а при продаже-покупке скота взималась десятая пошлина.

В Сургуте торговые люди платили проезжую и явчую пошлины в размере 10 ден., а гулящие — 4 ден. Здесь же взимались с них также те пошлины за Нарымской и Кетский остроги.

В Туринске покупатели и продавцы лошадей платили пошерстного и рогового по 3 ден. с головы. Торговые люди платили явчего по 10 ден., а гулящие — по 4 ден. с человека. Померная пошлина взималась с явчга в размере 8 ден., с сокола — 10 ден. с чети. Полозочная (вершинная, посаженная) пошлина взималась по 2 алт. с человека.

В Верхотурье местные жители платили десятую пошлину 10 ден., а иногородние — 20 ден.; местные жители платили пошерстного 3 ден.; а иногородние — 6 ден. Явчую пошлину платили гулящие люди, пашенные крестьяне, торговые люди — 4 ден. Померная пошлина взималась с «зады» (3,3 ц.) ржи и овса по 6 ден., а с пшеницы — по 12 ден.

В Енисейске промышленные люди платили десятую пошлину натурой, а торговые люди — деньгами. Местные енисейские служилые люди и пашенные крестьяне платили перекупную пошлину в размере 2 ден., а енисейские посадские и все прочие иногородние жители — 6 ден. С продавца лошади брали 6 ден. с рубля. Продавец платил явчего 1 ден., а купец — 2 ден. с рубля. Все сибирские служилые люди и енисейские пашенные крестьяне платили займного по 2 ден., а все остальные сибирские и русские жители по 6 ден. с рубля.

размера полозочной пошлины колебалась в пределах 8—12 ден. Одинаковую величину размера этой пошлины имели Тобольск и Туринск. Верхотурская полозочная пошлина была немного ниже и равнялась устюжской (8 ден.).

Явчая пошлина собиралась во всех сибирских таможенных избах почти в одинаковом размере. Так, величина яв-

чей пошлины, собиравшейся с гулящих людей, была одной и той же в Тобольске, Сургуте, Туринске, Верхотурье, Енисейске. Однако явчая пошлина, собиравшаяся в этих пунктах с торговых людей, колебалась в пределах 4—10 ден. с человека. Следовательно, сибирская таможенная система первой половины XVII в. отличалась от таможенной системы европейской части России большей унификацией, меньшим количеством имеющихся в ней обложений¹⁴⁸, значительным их территориально-временным разнообразием и меньшим количеством пошлинных привилегий.

Во всем этом ясно сказывались достигнутые ко времени включения Сибири в состав Российского государства и установления в ней таможенной системы успехи в деле ликвидации феодальной разобщенности между отдельными частями этого государства и в деле усиления его политической и частично экономической централизации. Однако наряду с этими новыми моментами, наветными успехами централизации государства, сибирская таможенная система несла на себе и некоторые пережитки старого, еще недавно существовавшего «на Руси» удельного периода. Эти пережитки проявлялись и в некотором территориальном разнообразии таможенных пошлин, и в отсутствии единообразия между местными и иногородними жителями в уплате их. Окраинное положение Сибири обусловило учреждение в ней более высоких, чем в европейской части России, таможенных пошлинных ставок, а значительно большая по сравнению с Европейской Россией экономическая разобщенность между отдельными ее частями, а также интересы государственного фиска не позволили распространить на Сибирь положения Уставной таможенной грамоты 1653 г. и Новоторгового устава 1667 г.

Во второй половине XVII в. экономическое развитие Сибири продвинулось значительно вперед. Созданные тяжелым трудом русского крестьянского населения Тобольско-Верхотурский, Томско-Кузнецкий, Енисейско-Красноярский, Илимско-Ленско-Ангарский и Забайкальско-Приамурский земледельческие районы стали производить по сравнению с первой половиной века значительно большее количество хлеба¹⁴⁹. К концу XVII в. Сибирь могла уже не только удовлетворить свои собственные потребности в хлебе, но и вывозить некоторое количество его на близлежащие хлебные рынки европейской части России. Большое количество товарного хлеба потреблялось и самой Сибирью, в которой имелся значительный слой неземледельческого населения. В состав его входило все потребляющее хлеб коренное про-

мысловое население и русское население, не занимавшееся земледелием или по причине занятия другими «промыслами» (ремесло, торговля и пр.), или из-за неблагоприятных природно-климатических условий. Вследствие этого в Зауральской Руси стала развиваться хлебная торговля. Но развитие ее серьезно тормозилось отсутствием здесь единых мер для измерения сыпучих тел. В содержательной статье В. И. Шункова «Меры сыпучих тел в Сибири в XVII в.», написанной на основании тщательного анализа конкретно-исторического архивного материала, предпринята первая в сибирской историографии попытка исследования этого вопроса. Автор убедительно показал, что почти на всем протяжении XVII в. в Азиатской России не существовало единой объемной меры для сыпучих тел и что четверти, применявшиеся в различных сибирских городах, очень сильно различались между собой по весовому содержанию. Даже в одном городе имели хождение меры вместимости разного весового содержания. Данное явление рассматривается как результат недостаточной развитости «связей местных сибирских хлебных рынков между собой, естественной в условиях слабой товарности сибирского сельского хозяйства того времени»¹⁵⁰.

Изученные нами архивные и опубликованные материалы о сибирской хлебной торговле XVII в. позволяют в основном согласиться с правильностью утверждения, содержащегося в первой части приведенной цитаты, и полностью не согласиться с верностью утверждения второй ее части, говорящей о «слабой товарности сибирского сельского хозяйства того времени». Подробно об этом будет сказано в 5-м очерке.

Ввиду того, что из поля зрения В. И. Шункова выпали мероприятия правительства по унификации сибирских мер для сыпучих тел, представляется необходимым более подробно остановиться на этом вопросе, который непосредственно связан с проблемой всероссийского рынка и генезиса капитализма. Одновременно имеющиеся материалы позволяют показать и все то разнообразие, которое существовало в тобольских таможенных мерах для сыпучих тел. В последнем случае мы только расширяем богатую иллюстрацию, приведенную в статье В. И. Шункова.

Приток русского населения в Сибирь из разных районов центральной части государства, в каждом из которых, несмотря на попытки унификации, бытовали местные меры вместимости¹⁵¹, образование местных сибирских хлебных рынков¹⁵² способствовали появлению здесь различных единиц измерения. Терминологически хлебные меры в Сибири

более однообразны, чем в европейской части страны. Сибирская практика знает главным образом две меры: объемную — четверть и весовую — пуд. Наряду с ними в некоторых местностях употреблялись и другие единицы измерения — кадь и меха. Например, верхотурской торговой таможенной единицей измерения являлась кадь, равная по своему весовому содержанию трем с половиной пудам. Поступивший в мае 1640 г. на Верхотурье закупленный в поморских городах хлеб был отправлен в Тобольск «в один верхотурский вес». При перемеривании его в Тобольске оказалось, что «у той у одной семипудной чети ржи в Тобольску учинится недовес»¹⁵³. По этому поводу тобольский воевода П. Пронский запросил верхотурского таможенного голову Андрея Лишина, отправляя он «тое покупную уговорную рожь против меры двух кадей в семь пуд» или нет. Андрей Лишин отвечал, что им была отправлена рожь в верхотурскую 7-пудную четверть. Из приведенного явствует, что верхотурская таможенная четь равнялась 3,5 пуда¹⁵⁴.

В указанной статье В. И. Шункова хорошо показано все многообразие в весовом содержании различных местных таможенных четвертей, действовавших на ограниченных территориях. Он отмечает, что в Тобольске имелись следующие четверти: казенная 4-пудная, таможенные 20-, 16,5-, 6- и 10-пудные¹⁵⁵. К этому необходимо добавить еще три тобольские таможенные чети: 40-, 12- и 8-пудную. О наличии таковых в тобольских таможенных книгах содержатся прямые и косвенные указания. Так, 5 июля 1691 г. «явил» мехонской пашенный крестьянин Андрей Еремеев, что он привез из Мехонской слободы 2 чети муки пшеничной «в большую четь» на 5,4 руб., 4 чети ржи на 4 руб. «да сверх проезжей грамоты» привез лишку 20 четей ржи «в московскую осмипудную четь» на 4 руб.¹⁵⁶ Следовательно, московская осмипудная четь была в пять раз меньше большой чети, так как 20 четей ржи в московскую четь стоили столь же, сколько стоили 4 чети ржи «в большую четь». Отсюда видно, что большая четь равнялась 40 пудам. О существовании в Тобольске 12-пудной четверти можно заключить на основании некоторых статистических расчетов.

Так, 25 мая 1648 г. было привезено в Мангазею 6 четвертей ржаной муки тюменской покупки на 7 руб. 6 алт. 4 ден. (1440 ден.), 9 пудов муки пшеничной на 2 руб. 13 алт. 2 ден., 2 пуда хмелю на 4 руб. 26 алт. 4 ден. 1 июня 1648 г. было привезено из Чубаровской слободы четверть муки пшеничной на 3 руб. 6 алт. 4 ден., четверть ржаной муки на 1 руб. 6 алт. 4 ден.¹⁵⁷ Из сопоставления майских и июньских хлеб-

ных таможенных цен видно, что они в эти месяцы держались на одном и том же уровне.

Вообще в Сибири в 40—80-е годы XVII в., как показали исследования советских историков, действовали постоянные, неизменные на протяжении целых десятилетий таможенные оценки¹⁵⁸. А раз это так, то и таможенная оценка пшеничной муки в мае и июне была одной и той же. Поэтому, зная, что 9 пудов пшеничной муки стоили 480 ден., можно определить и весовое содержание четверти, оцененной в 640 ден.:

$$9 \text{ пудов} = 480 \text{ ден.}, \quad x \text{ пудов} = 640 \text{ ден.},$$

$$x = \frac{640 \times 9}{480} = \frac{36}{3} = 12 \text{ пудов},$$

т. е. в одной четверти содержалось 12 пудов. Такое же весовое содержание четверти получается и при статистической обработке сведений, содержащихся в березовской таможенной кн. № 236 за 1647/48 г. Так, 20 января 1648 г. было явлено в березовской таможне для продажи 8 пудов ржаной муки на 1 руб. 20 алт., 31 октября 1648 г. в Березове была продана четверть ржаной муки «в тобольскую меру» за 2 руб. 13 алт. 2 ден. Так как таможенная оценка четверти ржаной муки была одинаковой в эти месяцы, то в четверти «в тобольскую меру» содержалось 12 пудов¹⁵⁹:

$$8 \text{ пудов} = 160 \text{ коп.}, \quad x \text{ пудов} = 240 \text{ коп.},$$

$$x = \frac{240 \times 8}{160} = \frac{24}{2} = 12 \text{ пудов}.$$

О существовании в Тобольске 8-пудной таможенной четверти говорит запись, что 25 мая 1648 г. явил соликамский торговый человек Федор Васильев Москва ирбитской покупки 48 четвертей «с осьминою и с четверником осьминпудных»¹⁶⁰.

Из восьми (6-, 7-, 8-, 10-, 12-, 16-, 20- и 40-пудные) разновесовых таможенных четвертей Тобольска, как разрядного и стольного города Сибири, собственно тобольскими были четверти в 12 и 20 пудов. Четверть 7-пудная была верхотурской, а 8-пудная — тюменской, березовской, томской. Но 8-пудная четверть в 30—40-х годах XVII в. действовала не только в этих городах. В нее оказался положенным при перемеривании в Тобольске и хлеб, идущий в Мангазею и Енисейск из Нижнеиницынской, Чубаровской, Киргинской, Невьянской слобод, расположенных в районе Тюмени и Туринска. Показательно, что естественное в условиях развивающейся хлебной торговли стремление к внутрирайонной унификации мер вместимости сыпучих тел началось

уже в это время с наиболее хлебного и развитого в социально-экономическом отношении района Сибири. Изученные материалы свидетельствуют и о том, что каждому сибирскому городу был свойственный свой собственный набор четвертей, из которых для каждого отдельного года составлялась только ему присущая комбинация. Так, в 1639/40 г. тобольские таможенники измеряли явленную рожь на продажу четырьмя четвертями: 7-, 8-, 12-, и 20-пудными, в 1671/72 г. — 8-, 16- и 20-пудными, в 1686/87 г. — 8- и 20-пудными, в 1690/91 г. — 8-, 20- и 40-пудными четвертями. Четверть 20-пудная употреблялась в 1639—1685 гг. лишь для перемеривания хлеба при обложении его померной записной и незаписной пошдиной. Увеличение весового содержания тобольских таможенных четвертей в XVII в. проводилось преднамеренно, ибо через него пытались приблизить произвольные таможенные оценки к реальным рыночным ценам на хлеб.

Подобная пестрота в хлебных единицах измерения имела свое оправдание только в существовании тогда еще слабой связи между отдельными почти изолированными и небольшими по своим размерам хлебными рынками. Как только между ними начали устанавливаться более или менее постоянные и прочные связи, а размеры самих рынков увеличались, потребовалась незамедлительная унификация мер измерения. Особенно ясно это проявилось с 70-х годов XVII в. Если общая товарная масса тобольского рынка в 1639—1660 гг. оставалась примерно на одном и том же уровне: в 1639/40 г. — 1253 разнопудных четвертей, в 1644/45 г. — 1510, в 1647/48 г. — 1800, в 1655/56 г. — 1481, в 1668/69 г. — 1345 и в 1669/70 г. — 1280 четвертей, то с 1670/71 г. начался непрерывный и значительный рост: в 1670/71 г. — 2692, в 1686/87 г. — 3012, в 1690/91 г. — 3698 разнопудных четвертей, в 1694/95 г. — 6636 осьминпудных и в 1703 г. — 27 280 осьминпудных четвертей¹⁶¹. Мобилизация тобольским хлебным рынком 27 280 осьминпудных четвертей составляла 11,2 % всего произведенного государственным крестьянами Тобольского разряда хлеба (315 764 осьминпудных четвертей)¹⁶². Действительная же товарность тобольского земледелия была значительно выше численной, так как в разряде кроме тобольского хлебного рынка существовали хлебные рынки в Тюмени, Верхотурье, Туринске, Пелыме, Таре, имела место внутрислободская торговля хлебом, производилась крупная казенная закупка хлеба для нужд феодального государства, доходившая в отдельные годы (1642, 1644 и др.) до 14 тыс. четвертей¹⁶³.

С 70-х годов XVII в. намечается также расширение территориального охвата тобольского хлебного рынка, вклю-

чение в радиус его действия все новых населенных пунктов (в 1639/40 г. — 3, в 1644/45 г. — 5, в 1655/56 г. — 7, 1668/69 г. — 8, в 1669/70 г. — 11, в 1670/71 г. — 12, в 1683/84 г. — 18, в 1686/87 г. — 21, в 1690/91 г. — 22, в 1694/95 г. — 25 и в 1703 г. — 35 пунктов)¹⁶⁴, расположенных на территории Тобольского разряда и удаленных от Тобольска на расстояние в 500—600 верст. Наиболее постоянными и регулярными торговые связи были с тобольскими, тюменскими и туринскими слободами. С верхотурскими слободами, тяготеющими к другим хлебным рынкам (Ирбит, Соль-Камская), они были менее регулярны. Спорадический характер носили торговые связи с Томском, Енисейском, где в это время сложились собственные хлебные рынки¹⁶⁵, и с далекой «Калмыцкой землей»¹⁶⁶, куда также шел тобольский хлеб. Одновременно происходило и сокращение невозможного периода в году с дефicits месяцев в 1639/40 г. до восьми — в 1655/56 г., шести — в 1669/70 г., пяти — в 1686/87 г. и до 4 месяцев в 1694/95 г. С этого времени произошло и резкое возрастание доли скупщика (32,3 % в 1639/40 г., 59,5 в 1669/70 г., 66 в 1670/71 г., 79,5 % в 1703 г.) и заброске разрядного слободского хлеба в Тобольск. Особенно знаменательно в этом отношении появление скупщика из крестьян и превращение его в основную фигуру тобольского хлебного рынка, доля которого в общем хлебном поступлении на рынок увеличилась с 0,2 % в 1639/40 г. до 9 и 39 %¹⁶⁷ в 1655/56 и 1703 гг. соответственно.

Все эти экономические сдвиги, происшедшие в Сибири на основе развития производительных сил, роста общественного разделения труда и товарного производства, позволили царскому правительству в 1685 г. окончательно снять с поморских городов повинность доставлять в Сибирь «сошные запасы» и предпринять в 1686 г. унификацию сибирских мер сыпучих тел. Ради последнего оно повело «послать в Сибирь в Тобольск меры медные заорленные осьмину да четверик». Одновременно было указано «сделать» в Тобольске, примеряясь к посланным мерам, «таковы ж меры деревянные» с железными обручами. А на сделанные меры «положить печати» с указанием, что это «мера московская», и «послать те деревянные меры из Тобольска в Томской и в Енисейской, и во все сибирские города и слободы»¹⁶⁸. При этом повелевалось «прежние меры отставить, чтоб во всех сибирских в городах и слободах в ту одну московскую меру продавали и покупали»¹⁶⁹. Внимание сибирской администрации было обращено на то, чтобы принимаемый и выдаваемый хлеб из государевых житниц измерялся «в новые заорленные меры, сметь против прежних мер»¹⁷⁰. 19 февраля 1686 г. новые меры

были отправлены в Тобольск с тобольским пятидесятником Борисом Михайловым и казаком Иваном Смольяниновым¹⁷¹.

Данное постановление положило начало уничтожению в Сибири существующего почти на всем протяжении XVII в. значительного разноречия в единицах измерения, применяемых в торговой практике. В практике приказных изб по выдаче и приему хлебных запасов применялась уже в первой половине XVII в. унифицированная казенная 4-пудная четь¹⁷². В 1686 г. была введена и в торговую, и в приказную практику единая, унифицированная московская 8-пудная четверть.

Новая мера вместимости стала применяться в тобольской торговой практике только с конца апреля 1687 г. В тобольской таможенной книге 1686/87 г. содержится запись, датированная 28 апреля 1687 г., в которой впервые указывается на измерение в тобольской таможне привезенного хлеба «в новую московскую осьминпудную четверть»¹⁷³. В 1687 г. в числе зарегистрированных в тобольской таможенной книге 41 хлебной явки 25 явок при записании их в книгу измерялись уже новой московской 8-пудной четвертью, а 16 — старой¹⁷⁴.

Сравнительно позднее применение в торговой практике новой московской меры объяснялось ее изготовлением. Октябрьская запись тобольской таможенной книги 1686/87 г. свидетельствует, что тобольский служилый человек Андрей Бархатов получил из таможенной казны деньги за то, что он «делал против указу из старых четвериков в осьминпудную четверть пять осьмин четверопудных»¹⁷⁵. В тобольской таможенной практике новая московская 8-пудная четверть до 1694/95 г. существовала наряду со старой таможенной четвертью. И только с этого года все таможенные торговые измерения стали производиться новой московской четвертью¹⁷⁶. При этом необходимо отметить, что в рыночной практике в качестве реальной меры все больше утверждался пуд. Четвертями продолжала измеряться главным образом только рожь.

Наряду с унификацией сибирских мер сыпучих тел правительство приступило к реформированию таможенной системы Сибири, отменив в 1686 г. проезжие пошлины¹⁷⁷. В 1687 г. в Тобольск были присланы «новоторговые уставные статьи, и по тем новым статьям велено в Тобольску указ чинить, и послать из Тобольска во все города и остроги с тех статей списки... чтоб они (воеводы) указ чинили по тем новым статьям»¹⁷⁸. Этими статьями была ликвидирована категория проезжих пошлин (проезжая, посаженная, полозовая, явчая). Следующее реформирование тобольской таможенной

системы произошло 30 августа 1693 г. и сопровождалось не только дальнейшим сокращением количественного состава пошлин (отмена померной, роговой, весчей и т. д.), но и унификацией самой таможенной системы. После отмены этих сборов число собираемых в Сибири пошлин уменьшилось с 18 до 7¹⁷⁹. Из категории торговых пошлин остались десятая, перекупная, рублевая, двадцатая, пошерстная, поамбарная и записная пошлины. Принцип взимания основной сибирской таможенной пошлины — десятой — был значительно видоизменен, хотя сама величина ее осталась прежней. Всеми торговыми, промышленными и служилыми людьми, возвратившимися «с соболиных и со всяких звериных промыслов», стала уплачиваться десятая пошлина не «по оценке деньгами», как это практиковалось до 1693 г., а натурой — «десятым зверем от девяти». По оценке деньгами десятая пошлина взималась только с неполных десятков. Это изменение было вызвано «испромышлением» в Сибири ценного пушного зверя. С купцов, которые покупали эту промышленную пушнину, бралась «за перекуп» десятая пошлина натурой и деньгами. Если же купцы не могли указать «продавцов, у кого они те соболи и миткую рухлядь купили», то с них взималась двойная десятая пошлина, заключавшая в себе две различные пошлины, одна из которых уплачивалась ими за продавцов этой пошлины («за промысел»), а другая за себя («за перекуп»). При продаже этой перекупной пушнины в других сибирских городах с продавцов ее взималась записная пошлина в размере алтына, а с купцов — другая перекупная пошлина. Перекупной пошлины с пушнины не было до 1693 г. Она была введена, по-видимому, потому, что правительство хотело получить некоторую компенсацию за потерю им таможенных доходов, вызванных отменой проезжих и некоторых других пошлин.

До 1693 г. «с продавцов убойного скота и продажных лошадей» взималась не десятая, а другая, особая пошлина, заменявшая собой десятую пошлину и равнявшаяся почти половине ее величины. С этого времени и с них стала взиматься десятая пошлина. С лиц, продающих хлеб «своей пахоты», стали брать не десятую, а рублевую пошлину, равную по своей величине (10 ден.) половине десятой. Хлебные же перекупщики по-прежнему платили десятую пошлину.

Двадцатая пошлина уплачивалась только теми среднеазиатскими купцами, которые приезжали для торговли в Сибирь в п е р в ы е. Если же они «после первых приездов станут приезжать впредь для торгов же», то с них повелевалось «имать» десятую пошлину «против русских торговых

людей». Это означало собою дальнейшее ограничение пошлинных привилегий, выданных в конце XVI — начале XVII в. среднеазиатским купцам.

Размер «поамбарной» пошлины, взимаемой за хранение торговыми людьми своих товаров в государевых «амбарах» на гостинном дворе, устанавливался один и тот же для всех сибирских городов и был равен трем алтынам за неделю, а в каменных — 3 алт. 2 ден. Торговые люди, приехавшие в Сибирь с товарами из центральной части России, облагались в ней пошлинами, несмотря на то что с привозимых товаров ими были уплачены пошлины в поморских городах.

Развивавшаяся через Нерчинск русско-китайская торговля обусловила и появление соответствующего таможенного законодательства, направленного на облегчение условий, в которых она совершалась. Приезжавшие из европейской части России отпускались на китайские торги только по предъявлении ими проезжих грамот, выданных Сибирским приказом, и уплате десятой пошлины. Привозимые из центральной части страны «русские» товары облагались в Нерчинске десятой пошлиной, потому что в Сибири не засчитывались пошлины, уплаченные торговыми людьми в городах Европейской России. Торговцы, привозившие в Китай товары «сибирской покупки» и представлявшие на них проезжие сибирские выписи, в которых имелось указание на обложение этих товаров десятой пошлиной и в других сибирских городах, уплачивали с этих провозимых товаров только одну записную пошлину, равную 1 алтыну с рубля. Товары, не указанные в проезжих выписях, конфисковывались в государеву казну. При вывозе из Китая торговыми людьми китайских, бухарских, калмыцких товаров с них взималась десятая пошлина. При распродаже этих товаров в сибирских городах покупатели их облагались десятой пошлиной, несмотря на то что данные товары были уже обложены десятой пошлиной в Нерчинске.

Даже в таком виде сибирская таможенная система оставалась обременительной для торговых людей, и они продолжали просить правительство облегчить условия для торговой деятельности. В своих челобитных торговые люди подчеркивали, что если правительство не сделает облегчений в уплате таможенных пошлин, то они перестанут ездить «в Сибирь для торгов». Московское правительство, которое в своей деятельности руководствовалось в какой-то мере экономическими потребностями развития страны, решило пойти, «применяясь к московской пошлине», на дальнейшее изменение сибирской таможенной системы с целью создания

более благоприятных условий для развития сибирской торговли. Это изменение мотивировалось тем, что, во-первых, существовавшие в Сибири пошлинные статьи были «тягостны» для торговых людей, так как «со всякого рубля сходило пошлины 10 алтын»; во-вторых, несмотря на это, «в казне пошлинных сборов по всем сибирским городам было мало», потому что «теми пошлинами корыстовались и крали пизонных городов воеводы и головы таможенные с ними делились»¹³⁰.

Московское правительство распорядилось 21 ноября 1698 г. взимать со всех приезжавших в Сибирь торговых людей десятую пошлину только «в одном порубежном сибирском городе на Верхотурье», независимо от того, что товары предназначались для продажи в других сибирских городах. Десятая пошлина взималась на Верхотурье натурой. Когда ее нельзя было взять натурой, она уплачивалась деньгами. Торговые люди, уплатившие со своих товаров десятую пошлину на Верхотурье или в Нерчинске, могли ими торговать беспошлинно на всей остальной территории Сибири. Пошлина с этих товаров уплачивалась уже не продавцами, а покупателями их. Следовательно, с торговых людей перестали взимать «с приценки» товаров десятую пошлину в каждом сибирском городе.

На деньги, вырученные от распродажи обложенных на Верхотурье десятой пошлиной товаров, торговые люди могли покупать беспошлинно незаповедную мягкую рухлядь, если с нее была взята десятая пошлина у продающих ее промышленных людей. В случае неуплаты ими «за промысел» десятой пошлины последнюю «перенимали» на себя покупатели. Следовательно, с торговых людей, покупавших мягкую рухлядь «на товарные деньги», т. е. на деньги, вырученные от проданного товара, перестали брать перекупную пошлину, потому что взимать «по другой гривне перекупную пошлину... с одного товару и человека неприлично и им торговым людям тягостно»¹³¹.

Привозимые на Верхотурье торговыми людьми деньги, предназначенные для покупки товаров в сибирских городах, облагались здесь рублевой пошлиной, составлявшей половину десятой пошлины, вторую часть которой торговые люди уплачивали там, где они покупали на них сибирские товары.

Торговавшие с Китаем торговые люди облагались десятой пошлиной только в одном из двух порубежных городов: или на Верхотурье, или в Нерчинске. Товары, обложенные десятой пошлиной в одном из этих городов, пропускались через второй (а также и через все другие сибирские города)

беспошлинно. Все это значительно способствовало развитию русской торговли.

При продаже «хлеба своей пахоты» в сибирских городах или при отвозе его на Русь с продавцов взималась, как и в 1693 г., рублевая пошлина в размере 10 ден. с рубля. С явленных денег на хлебную покупку уплачивалась также и рублевая пошлина. В силу такого положения получалось, что хлебные скупщики должны были уплачивать двойную пошлину (за продавца и за перекуп), если они не представляли «очистительных» выписей, свидетельствующих об уплате рублевой пошлины продавцами этого хлеба. С имеющих такие выписи лиц взималась рублевая пошлина только с явленных на хлебную покупку денег¹³². При отвозе скупленного сибирского хлеба «за рубеж и русские города» уплачивалась десятая пошлина. С поступающего в непашенные города хлеба взималась рублевая пошлина только в местах его выхода. В непашенных городах этот хлеб продавался вольно, что способствовало обеспечению жителей таких городов хлебом.

Пошлины, взимавшиеся при продаже-покупке скота, остались без изменения, если не считать того, что покупающие скот стали платить не только «роговое», т. е. рогую пошлину в размере 2 алт. с каждой купленной головы скота, но и за «явку» денег, предназначенных для покупки его, в размере 6 ден. с рубля. Это мотивировалось тем, что деньги у мясников в их торговле в году «почасту обращаются» и что с них и так пошлин было «пред прежним» убавлено много.

Пологовая пошлина оставалась только на Верхотурье. Она взималась в размере 2 ден. с воза и шла целиком на жалование таможенным верхотурским целовальникам. Такое же назначение имела и записная пошлина, собиравшаяся в Нерчинске.

Подведем итоги. До 1597 г. в Сибири не было таможенных пошлин. Отсутствие в Сибири таможенной системы объяснялось недостаточной подготовленностью самого правительства к введению ее в Сибири и стремлением его при помощи беспошлинной торговли создать благоприятные условия для хозяйственного освоения Сибири. Русское население, оказавшись в непашенной и непромышленной Сибири, могло осваивать ее, только получая на первых порах предметы первой необходимости извне.

Первые же успехи в Сибири торговли, земледелия, промышленности, рост городов и стремление администрации увеличить поступления с них в государственную казну обусловили введение в Сибири таможенной «десятой пошлины». Своим

оформление сибирская таможенная система получила (1623—1625 гг.) в результате реформаторской деятельности тобольского воеводы князя Ю. Я. Судешева, направленной на увеличение «государевой прибыли» в Сибири. С момента своего создания сибирская таможенная система действовала под ведомством и контролем тобольских воевод.

Появившаяся в период ликвидации политической раздробленности страны, сибирская таможенная система отличалась от действовавшей в «удельный период» зауральской таможенной системы большим однообразием пошлин и меньшим их количеством. С момента своего возникновения она имела единую для всех сибирских городов десятую пошлину. В таможенной системе Европейской России такая единая рублевая пошлина появилась только после уставной таможенной грамоты 1653 г. Но одновременно с этим сибирская таможенная система несла на себе и «живые следы» прежних порядков, существовавших на Руси «в эпоху московского царства»¹⁸². Это проявлялось в отсутствии полного территориального пошлинного однообразия и в наличии отдельных пошлинных привилегий для некоторых слоев местного населения. Во многом здесь сказалось и отсутствие внутри Сибири на первых порах экономической спайки между районами русского расселения.

Колониальное положение Сибири и интересы «государевой казны» определили введение здесь повышенных по сравнению с Европейской Россией пошлинных ставок. Основная из них — десятая — была по своей величине в два раза выше рублевой, существовавшей в Европейской России.

Ускоренное приходом русских экономическое развитие Сибири, выразившееся в создании в ней собственных земледелия, торговли, промышленности, интенсивного собольного промысла с элементами раннекапиталистического предпринимательства и возникшего на базе этого расширенного товарообмена, привело к тому, что между отдельными частями Сибири начала изживаться прежняя замкнутость и изолированность и стала появляться определенная экономическая консолидация, усиливавшаяся ростом товарного производства и постепенным включением Сибири в общую систему складывающегося в то время всероссийского рынка с одновременным развитием сибирских городов как торгово-промышленных центров. Это обусловило введение здесь в 80—90-х годах XVII в. унифицированной и облегченной для торговых людей таможенной системы, в том числе унифицированных единиц измерения сыпучих тел.

4. БУХАРЦЫ И ИХ ТОРГОВЛЯ В СИБИРИ

Торговые связи Западной Сибири со Средней Азией существовали издавна¹. В период времени, предшествовавший включению Западной Сибири в состав Русского централизованного многонационального феодально-крепостнического государства, бухарские караваны при своих странствованиях по Сибири доходили даже до низовий Оби, выменивая везде, где только было можно, мягкую рухлядь на предметы восточного ремесла². Развернувшаяся затем упорная и длительная борьба Русского государства с Кучумом за преобладание в Сибири привела к некоторому расстройству существовавших до этого времени регулярных торговых сношений Западной Сибири со Средней Азией.

Особенно пострадали в этом отношении области, занятые русскими, так как Кучум, не желая усиления последних, не пропускал направлявшихся к ним бухарских купцов, под именем которых выступали тогда почти все среднеазиатские тезики, кроме хивинских (юргенских)³. Население этих областей, оказавшись без бухарских товаров, испытывало большую нужду в них, острота которой усиливалась еще и тем, что нерусская Сибирь, не располагавшая своей сколько-нибудь значительной земледельческой и промышленной базой, не могла полностью не только прокормить, но и одеть появившихся в ней русских. Москва же была слишком далеко, и еще не были налажены с ней правильные сообщения, чтобы она могла сразу заменить прежние привычные связи этого края со Средней Азией⁴. Поэтому русским приходилось думать о восстановлении торговых связей с бухарцами с первых дней своего появления в Сибири⁵.

Для привлечения бухарцев в русскую Сибирь Московское правительство предоставляло им значительные торговые льготы. Так, в царском наказе второму тарскому воеводе Федору Борисовичу Елецкому и голове Василию Михайловичу Хлопову от 10 февраля 1595 г. указывалось, что если «торговые люди учнут приезжать в новый город на Тару из Бухар и из Ногай со всякими товарами и с лошадьми и с животинкою», то не только у тех «у торговых людей велети служилым людям всякие товары и лошади и животину покупать», но «и береженье к торговым людям, к бухарцам и ногаем, держати, чтоб их впредь приучити; а как они исторгуютца, и их отпускати не издержав»⁶. Также предусматривалось: «А которые будут торговые люди похотят идти мимо